

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ

ФИЛОЛОГИЯ

научные исследования

AURORA Group s.r.o.
nota bene

www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

Выходные данные

Номер подписан в печать: 01-11-2024

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Шереметьева Елена Сергеевна, доктор филологических наук,
e.sheremetyeva@gmail.com

ISSN: 2454-0749

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 01-11-2024

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media ltd

Main editor: Sheremet'eva Elena Sergeevna, doktor filologicheskikh nauk,
e.sheremetyeva@gmail.com

ISSN: 2454-0749

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редакционный совет

Куделин Александр Борисович — академик Российской академии наук, заместитель академика-секретаря Отделения историко-филологических наук РАН, директор Института мировой литературы имени М. Горького РАН, член Европейской ассоциации арабистов и исламоведов. 121069, Россия, г. Москва, Поварская, 25а.

Лободанов Александр Павлович — доктор филологических наук, профессор, декан Факультета искусств Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. 125009, Россия, г. Москва, ул. Б. Никитская, 3 строение 1.

Герра Ренэ — доктор филологических наук, профессор Университета Ниццы, почетный академик Российской академии художеств, создатель и руководитель Ассоциации по сохранению русского культурного наследия во Франции (г. Ницца, Франция). 24, Avenue des Diables Bleus, 06101 Nice, France.

Строев Александр Федорович — доктор филологических наук, заведующий кафедрой сравнительного литературоведения Университета Париж-III (Новая Сорбонна) (Париж, Франция) IRCAV/Sorbonne Nouvelle, 13 rue Santeuil, 75005 Paris, France.

Гусейнов Малик Алиевич – доктор филологических наук, заведующий отделом литературы, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра Российской академии наук, 367025, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева, 45, malik60@list.ru

Тимощук Алексей Станиславович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Владимирского юридического института ФСИН России, 600020, Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67-е, human@vui.vladinfo.ru

Федоровская Наталья Александровна – доктор искусствоведения, доцент, директор департамента искусств и дизайна Дальневосточного федерального университета, 690091, г. Владивосток, о. Русский, пос. Аякс, кампус Дальневосточного федерального университета, корп. G, ауд. 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Смирнов Алексей Викторович – доктор философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, г. Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5, darapti@mail.ru

Ковалева Светлана Викторовна – доктор философских наук, доцент, Костромской государственный университет, профессор кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций, 156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17, cultural@kstu.edu.ru

Гиренок Федор Иванович — доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой философской антропологии и комплексного изучения человека Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Кофман Андрей Фёдорович — доктор филологических наук, заведующий отделом литератур стран Европы и Америки Учреждения Российской академии наук Института мировой литературы РАН им. А.М. Горького.

Лекторский Владислав Александрович — доктор философских наук, профессор, академик Российской академии наук, заведующий сектором теории познания Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Неретина Светлана Сергеевна — доктор философских наук, главный научный сотрудник Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Разлогова Елена Эмильевна — доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского вычислительного центра МГУ им. М. В. Ломоносова

Резник Юрий Михайлович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Учреждения Российской академии наук Института философии РАН, шеф-редактор журнала «Личность. Культура. Общество».

Россиус Андрей Александрович — доктор филологических наук, профессор кафедры классической филологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, и.о. главного научного сотрудника Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Соловьев Эрих Юрьевич — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Учреждения РФ Института философии РАН.

Чумаков Александр Николаевич — доктор философских наук, профессор, Первый вице-президент Российского философского общества

Вартанова Елена Леонидовна — доктор филологических наук, профессор, декан факультета журналистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, президент НАММИ.

Гирин Юрий Николаевич - доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, ИМЛИ РАН.

Безруков Андрей Николаевич - кандидат филологических наук, доцент, Башкирский государственный университет (Бирский филиал).

Бичарова Мария Михайловна - кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин и английского языка, Каспийский институт морского и речного транспорта.

Воробей Инна Александровна - кандидат филологических наук, доцент, кафедра немецкого языка, БУ ВО ХМАО - Югры "Сургутский государственный университет".

Зыкин Алексей Владимирович - кандидат филологических наук, доцент, кафедра иностранных языков, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Санкт-Петербургский государственный аграрный университет.

Левит Светлана Яковлевна— ведущий научный сотрудник отдела культурологии ИНИОН РАН, кандидат философских наук, главный редактор, руководитель и автор проектов «Лики культуры», «Российские Пропилеи», «Книга света», «Summa culturologiae», «Humanitas», «Зерно вечности», «Культурология. XX век», «Письмена времени», а также энциклопедий по культурологии и истории культуры.

Козлов Михаил Николаевич - доктор исторических наук, профессор, кафедра "Исторические, философские и социальные науки", Севастопольский государственный университет.

Тищенко Наталья Викторовна – доктор культурологии, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», профессор кафедры

истории Отчества и культуры, 410004 г. Саратов, ул. Политехническая, 17,
mihailovan@inbox.ru

Кьоцци Паоло — профессор факультета этнологии и антропологии Флорентийского университета (г. Флоренция, Италия). Università degli Studi di Firenze - P.zza S.Marco, 4 - 50121 Firenze – Centralino, Italy.

Ершова Галина Гавриловна — доктор исторических наук, профессор, директор Научно-исследовательского мезоамериканского центра имени Ю. В. Кнорозова Российского государственного гуманитарного университета, директор по науке и культуре Российско-мексиканского культурного центра (г. Мерида, Мексика). 125993, Россия, ГСП-3, г. Москва, ул.Чаянова, 15.

Жидков Владимир Сергеевич — доктор искусствоведения, профессор, научный сотрудник Государственного института искусствознания. 125009, Россия, г. Москва, Козицкий переулок, 5.

Леняшин Владимир Алексеевич — академик и член Президиума Российской академии художеств, доктор искусствоведения, профессор, заведующий отделом живописи второй половины XIX – начала XXI вв. Государственного Русского музея, заслуженный деятель искусств РСФСР. 191011, Россия, г. Санкт-Петербург, Инженерная улица, 4/2.

Вздорнов Герольд Иванович — член-корреспондент Российской академии наук, главный научный сотрудник Государственного научно-исследовательского института реставрации. 107114, Россия, г. Москва, ул. Гастелло, 44.

Дмитренко Татьяна Алексеевна — доктор педагогических наук, профессор. профессор кафедры методики преподавания иностранных языков Московского педагогического государственного университета. Индекс Хирша по РИНЦ = 6 Академик Международной академии наук педагогического образования

Дергачёва Ирина Владимировна - доктор филологических наук, профессор кафедры "Лингводидактика и МКК", декан факультета "Иностранные языки" Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования "Московский государственный психолого-педагогический университет" 121500, Москва, ул. Василия Боталёва, 31 dergachevaiv@mgppu.ru главный редактор электронного международного научного журнала «Язык и текст»

Бурукина Ольга Алексеевна - кандидат филологических наук, доцент доцент Российского государственного гуманитарного университета, ст. исследователь Университета Вааса, Финляндия. 125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6 obur@mail.ru

Водясова Любовь Петровна - доктор филологических наук, профессор, 430033, Россия, республика Мордовия, г. Респ Мордовия, г Саранск, ул. Волгоградская, д. 106, корп. 1, кв. 29, ул. Волгоградская, 106 /1, кв. 29, LVodjasova@yandex.ru

Габышева Луиза Львовна - доктор филологических наук, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова», профессор, 677007, Россия, Саха (Якутия) область, г. ЯКУТСК, ул. Кулаковского, 42, оф. 104 а, ogonkova-jenya@yandex.ru

Гордова Юлиана Юрьевна - доктор филологических наук, ФГБУН Институт языкознания РАН, старший научный сотрудник сектора прикладного языкознания, 390006, Россия, Рязанская область, г. Рязань, ул. Грибоедова, 9, кв. 4, gordova@iling-ran.ru

Дергачева Ирина Владимировна - доктор филологических наук, Московский государственный психолого-педагогический университет, профессор, 121248, Россия, г. Москва, Набережная Тараса Шевченко, 3 корпус 2, кв. 172, krugh@yandex.ru

Долгенко Александр Николаевич - доктор филологических наук, Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, Заведующий кафедрой русского и иностранных языков, 128050, Россия, Москва, г. Москва, ул. Врубеля, 12, каб. 403, adolgenko@mail.ru

Дубова Марина Анатольевна - доктор филологических наук, Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области "Государственный социально-гуманитарный университет", профессор кафедры русского языка и литературы, 140 410, Россия, РФ область, г. Коломна, ул. Ленина, 67, кв. 100, dubovama@rambler.ru

Ицкович Татьяна Викторовна - доктор филологических наук, Уральский федеральный университет им.первого Президента России Б.Н. Ельцина, профессор, 620105, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. просп. Акад. сахарава, 47, кв. 73, taniz0702@mail.ru

Лифанов Константин Васильевич - доктор филологических наук, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, профессор, 119501, Россия, г. Москва, ул. Веерная, 22, 22, корпус 2, кв. 26, lifanov@hotmail.com

Овруцкий Александр Владимирович - доктор философских наук, Южный федеральный университет, Зав. кафедрой рекламы и связей с общественностью, 344019, Россия, Ростовская область область, г. Ростов-на-Дону, ул. 15 линия, 84, кв. 18, alexow1@ya.ru

Селендили Лемара Сергеевна - доктор филологических наук, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», профессор кафедры крымскотатарской филологии Института филологии (сп), 295007, Россия, республика Крым, г. Симферополь, ул. Беспалова, 45-6, 214, lemara2002@hotmail.com

Семенова Валентина Григорьевна - доктор филологических наук, Северо-Восточный федеральный университет , Заведующая кафедрой якутской литературы, доцент, 677007, Россия, республика Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Кулаковского, 42, каб. 235, semenova_ykt@mail.ru

Соколова Алина Юрьевна - доктор филологических наук, Тверской государственный медицинский университет, профессор кафедры иностранных и латинского языков, 170005, Россия, Тверская область область, г. Тверь, ул. Благоева, 8/2, кв. 22, alinasokolova.tver@yandex.ru

Уртминцева Марина Генриховна - доктор филологических наук, Нижегородский государственный университет им. Н.И.Лобачевского, заведующий кафедрой славянской филологии и культуры, 603005, Россия, Нижегородский область, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, 31-е, оф. 2, urtminzeva@yandex.ru

Чиршева Галина Николаевна - доктор филологических наук, ФГБОУ ИВО "Череповецкий

государственный университет", профессор, 162677, Россия, Вологодская область, г. Череповец, Советский проспект, 8, каб. 601, chirsheva@mail.ru

Шаронова Елена Александровна - доктор филологических наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва», профессор кафедры русской и зарубежной литературы, 430034, Россия, республика Мордовия, г. Саранск, ул. Проспект 60 лет Октября, 10, кв. 24, sharon.ov@mail.ru

Шатилова Любовь Михайловна - доктор филологических наук, Государственное автономное образовательное учреждение высшего образования города Москвы "Московский городской педагогический университет", профессор, Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области "Государственный гуманитарно-технологический университет", профессор, 143980, Россия, Московская область, г. Балашиха, ул. Корнилаева, 30, кв. 133, shatilova-79@mail.ru

Шереметьева Елена Сергеевна - доктор филологических наук, Дальневосточный федеральный университет, профессор кафедры русского языка и литературы, 690105, Россия, Приморский край, г. Владивосток, ул. Русская, 47, кв. 30, e.sheremetyeva@gmail.com

Шукуров Дмитрий Леонидович - доктор филологических наук, Ивановский государственный химико-технологический университет, заведующий кафедрой истории и культурологии, 153511, Россия, Ивановская область, г. Кохма, ул. Ивановская, 92, кв. 35, shoudmitry@yandex.ru

Юхнова Ирина Сергеевна - доктор филологических наук, ФГАОУ ВО "Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского", профессор кафедры русской литературы, 603105, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, ул. Б. Панина, 4, кв. 128, yuhnova@yandex.ru

Ягафарова Гульназ Нурфаезовна - доктор филологических наук, Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук, главный научный сотрудник, 450054, Россия, республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Проспект Октября, 71, каб. 410,

Шагбанова Хабиба Садыровна - доктор филологических наук, ФГКУ ДПО "Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России", профессор кафедры философии, иностранных языков и гуманитарной подготовки сотрудников органов внутренних дел Тюменского института повышения квали, 625049, Россия, г. Тюмень, ул. Амурская, д. 75, khabiba_shagbanova@list.ru

Editorial collegium

Kudelin Alexander Borisovich is an academician of the Russian Academy of Sciences, Deputy Academician—Secretary of the Department of Historical and Philological Sciences of the Russian Academy of Sciences, Director of the Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, member of the European Association of Arabists and Islamic Scholars. 25a Povarskaya Street, Moscow, 121069, Russia.

Lobodanov Alexander Pavlovich — Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Arts of Lomonosov Moscow State University. 125009, Russia, Moscow, B. Nikitskaya str., 3 building 1.

Guerra Rene is a Doctor of Philology, professor at the University of Nice, Honorary Academician of the Russian Academy of Arts, founder and head of the Association for the Preservation of Russian Cultural Heritage in France (Nice, France). 24, Avenue des Diabes Bleus, 06101 Nice, France.

Stroev Alexander Fedorovich — Doctor of Philology, Head of the Department of Comparative Literature at the University of Paris III (New Sorbonne) (Paris, France) IRCAV/Sorbonne Nouvelle, 13 rue Santeuil, 75005 Paris, France.

Huseynov Malik Alievich – Doctor of Philology, Head of the Literature Department, G. Tsadasa Institute of Language, Literature and Art of the Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 367025, Makhachkala, M. Gadzhiev str., 45, malik60@list.ru

Timoshchuk Alexey Stanislavovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 600020, Vladimir, Bolshaya Nizhegorodskaya str., 67th, human@vui.vladinfo.ru

Natalia Fedorovskaya – Doctor of Art History, Associate Professor, Director of the Department of Art and Design of the Far Eastern Federal University, 690091, Vladivostok, Russian Island, village Ajax, campus of the Far Eastern Federal University, bldg. G, room 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Smirnov Alexey Viktorovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, St. Petersburg State University, 199034, St. Petersburg, Mendelevskaya liniya, 5, darapti@mail.ru

Kovaleva Svetlana Viktorovna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Kostroma State University, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, 17 Dzerzhinskiy str., Kostroma, 156005, cultural@kstu.edu.ru

Fyodor Ivanovich Girenok is a Doctor of Philosophy, Professor, Deputy Head of the Department of Philosophical Anthropology and Complex Human Studies at Lomonosov Moscow State University.

Andrey F. Kofman is a Doctor of Philology, Head of the Department of European and American Literatures of the Russian Academy of Sciences Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences named after A.M. Gorky.

Lektorsky Vladislav Alexandrovich — Doctor of Philosophy, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Head of the sector of the Theory of Knowledge of the Institution of the Russian Academy of Sciences, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Svetlana Sergeevna Neretina is a Doctor of Philosophy, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Razlogova Elena Emilyevna — Doctor of Philology, Associate Professor, Leading Researcher at the Lomonosov Moscow State University Research Computing Center

Reznik Yuri Mikhailovich — Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Chief Editor of the journal *Personality. Culture. Society*.

Andrei Alexandrovich Rossius — Doctor of Philology, Professor of the Department of Classical Philology at Lomonosov Moscow State University, Acting Chief Researcher Institutions of the Russian Academy of Sciences of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Solovyov Erich Yurievich — Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Alexander Nikolaevich Chumakov — Doctor of Philosophy, Professor, First Vice-President of the Russian Philosophical Society

Elena Leonidovna Vartanova — Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Journalism of Lomonosov Moscow State University, President of NAMMI.

Yuri N. Girin - Doctor of Philology, Leading Researcher, IMLI RAS.

Bezrukov Andrey Nikolaevich - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Bashkir State University (Birsky branch).

Bicharova Maria Mikhailovna - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities and English, Caspian Institute of Marine and River Transport.

Vorobey Inna Alexandrovna - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of German, University of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug "Surgut State University".

Alexey Vladimirovich Zykin - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education St. Petersburg State Agrarian University.

Levit Svetlana Yakovlevna is a leading researcher at the Department of Cultural Studies of the INION RAS, Candidate of Philosophical Sciences, editor-in-chief, head and author of the projects "Faces of Culture", "Russian Propylaea", "Book of Light", "Summa culturologiae", "Humanitas", "Grain of Eternity", "Cultural Studies. XX century", "Writings of Time", as well as encyclopedias on cultural studies and cultural history.

Mikhail Nikolaevich Kozlov - Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Historical, Philosophical and Social Sciences, Sevastopol State University.

Tishchenko Natalia Viktorovna – Doctor of Cultural Studies, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A., Professor of the Department of History of Patronymic and Culture, Saratov, 410004, Politechnicheskaya str., 17, mihailovan@inbox.ru

Chiozzi Paolo is a professor at the Faculty of Ethnology and Anthropology at the University of Florence (Florence, Italy). Università degli Studi di Firenze - P.zza S.Marco, 4 - 50121 Firenze – Centralino, Italy.

Yershova Galina Gavrilovna — Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Yu. V. Khorozov Mesoamerican Research Center of the Russian State University for the Humanities, Director of Science and Culture of the Russian-Mexican Cultural Center (Merida, Mexico). 125993, Russia, GSP-3, Moscow, Chayanova str., 15.

Vladimir Sergeevich Zhidkov is a Doctor of Art History, Professor, researcher at the State Institute of Art Studies. 5 Kozitsky Lane, Moscow, 125009, Russia.

Lenyashin Vladimir Alekseevich — academician and member of the Presidium of the Russian Academy of Arts, Doctor of Art History, Professor, head of the painting department of the second half of the XIX – early XXI centuries. State Russian Museum, Honored Artist of the RSFSR. 191011, Russia, St. Petersburg, Engineering street, 4/2.

Gerold Ivanovich Razdornov is a corresponding member of the Russian Academy of Sciences, chief Researcher at the State Scientific Research Institute of Restoration. 44 Gastello str., Moscow, 107114, Russia.

Dmitrenko Tatyana Alekseevna — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor. Professor of the Department of Methods of Teaching Foreign Languages at the Moscow Pedagogical State University. The Hirsch index according to the RSCI = 6 Academician of the International Academy of Sciences of Pedagogical Education

Dergacheva Irina Vladimirovna - Doctor of Philology, Professor of the Department of Linguodidactics and MKK, Dean of the Faculty of Foreign Languages of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Moscow State Psychological and Pedagogical University, 31 Vasily Botalev str., Moscow, 121500 dergachevaiv@mgppu.ru Editor-in-chief of the electronic international scientific journal "Language and Text"

Olga A. Burukina - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Russian State University for the Humanities, Senior Researcher at the University of Vaasa, Finland. 125993, GSP-3, Moscow, Miuskaya square, 6 obur@mail.ru

Vodyasova Lyubov Petrovna - Doctor of Philology, Professor, 430033, Russia, Republic of Mordovia, Republic of Mordovia, Saransk, Volgogradskaya str., 106, building 1, sq. 29, Volgogradskaya str., 106 /1, sq. 29, LVodjasova@yandex.ru

Gabysheva Luisa Lvovna - Doctor of Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Northeastern Federal University named after M.K. Ammosov", Professor, 677007, Russia, Sakha (Yakutia) region, Yakutsk, Kulakovskiy str., 42, office 104 a, ogonkova-jenya@yandex.ru

Gordova Juliana Yurievna - Doctor of Philology, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Senior Researcher of the Applied Linguistics Sector, 390006, Russia, Ryazan region, Ryazan, Griboyedov str., 9, sq. 4, gordova@iling-ran.ru

Dergacheva Irina Vladimirovna - Doctor of Philology, Moscow State Psychological and Pedagogical University, Professor, 121248, Russia, Moscow, Taras Shevchenko Embankment, 3 building 2, sq. 172, krugh@yandex.ru

Alexander Nikolaevich Dolgenko - Doctor of Philology, Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Head of the Department of Russian and Foreign Languages, 128050, Russia, Moscow, Moscow, Vrubel str., 12, room 403, adolgenko@mail.ru

Dubova Marina Anatolyevna - Doctor of Philology, State Educational Institution of Higher Education of the Moscow region "State Social and Humanitarian University", Professor of the Department of Russian Language and Literature, 140 410, Russia, Russian Federation region, Kolomna, Lenin str., 67, sq. 100, dubovama@rambler.ru

Itskovich Tatyana Viktorovna - Doctor of Philology, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Professor, 620105, Russia, Sverdlovsk region, Yekaterinburg, ave. Acad. Sakharova, 47, sq. 73, taniz0702@mail.ru

Lifanov Konstantin Vasilyevich - Doctor of Philology, Lomonosov Moscow State University, Professor, 119501, Russia, Moscow, 22 Veernaya str., 22, building 2, sq. 26, lifanov@hotmail.com

Ovrutsky Alexander Vladimirovich - Doctor of Philosophy, Southern Federal University, Head of the Department of Advertising and Public Relations, 344019, Russia, Rostov region, Rostov-on-Don, 15 liniya str., 84, sq. 18, alexow1@ya.ru

Selendili Lemara Sergeevna - Doctor of Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "V. I. Vernadsky Crimean Federal University", Professor of the Department of Crimean Tatar Philology, Institute of Philology (sp), 295007, Russia, Republic of Crimea, Simferopol, Besspalova str., 45-b, 214, lemara2002@hotmail.com

Semenova Valentina Grigoryevna - Doctor of Philology, Northeastern Federal University, Head of the Department of Yakut Literature, Associate Professor, 677007, Russia, Republic of Sakha Republic (Yakutia), Yakutsk, Kulakovskiy str., 42, room 235, semenova_ykt@mail.ru

Sokolova Alina Yuryevna - Doctor of Philology, Tver State Medical University, Professor of the Department of Foreign and Latin Languages, 170005, Russia, Tver region, Tver, Blagoeva str., 8/2, sq. 22, alinasokolova.tver@yandex.ru

Urtmintseva Marina Genrikhovna - Doctor of Philology, Lobachevsky Nizhny Novgorod State University, Head of the Department of Slavic Philology and Culture, office 2 Ulyanova str., Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod Region, 603005, Russia, urtminzeva@yandex.ru

Chirsheva Galina Nikolaevna - Doctor of Philology, Cherepovets State University, Professor, 162677, Russia, Vologda region, Cherepovets, Sovetsky Prospekt, 8, room 601, chirsheva@mail.ru

Sharonova Elena Aleksandrovna - Doctor of Philology, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "National Research Mordovian State University named after N.P. Ogarev", Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, 430034, Russia, Republic of Mordovia, Saransk, Prospekt 60 let Oktyabrya str., 10, sq. 24, sharon.ov@mail.ru

Lyubov Mikhailovna Shatilova - Doctor of Philology, State Autonomous Educational Institution of Higher Education of the city of Moscow "Moscow City Pedagogical University", Professor, State Educational Institution of Higher Education of the Moscow region "State University of Humanities and Technology", Professor, 143980, Russia, Moscow region, Balashikha, Kornilaeva str., 30, block 133, shatilova-79@mail.ru

Russian Russian Federation Elena Sergeevna Sheremetyeva - Doctor of Philology, Far Eastern Federal University, Professor of the Department of Russian Language and Literature, 690105, Russia, Primorsky Krai, Vladivostok, Russkaya str., 47, sq. 30, e.sheremetyeva@gmail.com

Dmitry Leonidovich Shukurov - Doctor of Philology, Ivanovo State University of Chemical Technology, Head of the Department of History and Cultural Studies, 153511, Russia, Ivanovo region, Kokhma, Ivanovskaya str., 92, sq. 35, shoudmitry@yandex.ru

Yukhnova Irina Sergeevna - Doctor of Philology, Federal State Educational Institution of Higher Education "National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky", Professor of the Department of Russian Literature, 603105, Russia, Nizhny Novgorod region, Nizhny Novgorod, B. Panina str., 4, sq. 128, yuhnova@yandex.ru

Yagafarova Gulnaz Nurfaezovna - Doctor of Philology, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher, 450054, Russia, Republic of Bashkortostan, Ufa, Prospekt Oktyabrya str., 71, room 410,

Khabiba Sadyrovna Shagbanova - Doctor of Philology, Tyumen Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Professor of the Department of Philosophy, Foreign Languages and Humanitarian Training of Employees of the Internal Affairs Bodies of the Tyumen Institute for Advanced Training, 625049, Russia, Tyumen, Amurskaya str., 75, khabiba_shagbanova@list.ru

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикаторм можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или диссертационных работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.e-notabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]

[2]

[3]

[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноску, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноску в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются уголками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (" ").
- Тире между датами дается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаях дается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы XX столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору
Зубковой Светлане Вадимовне

E-mail: info@nbpublish.com

или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невозстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенно важно задокументировать точный созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

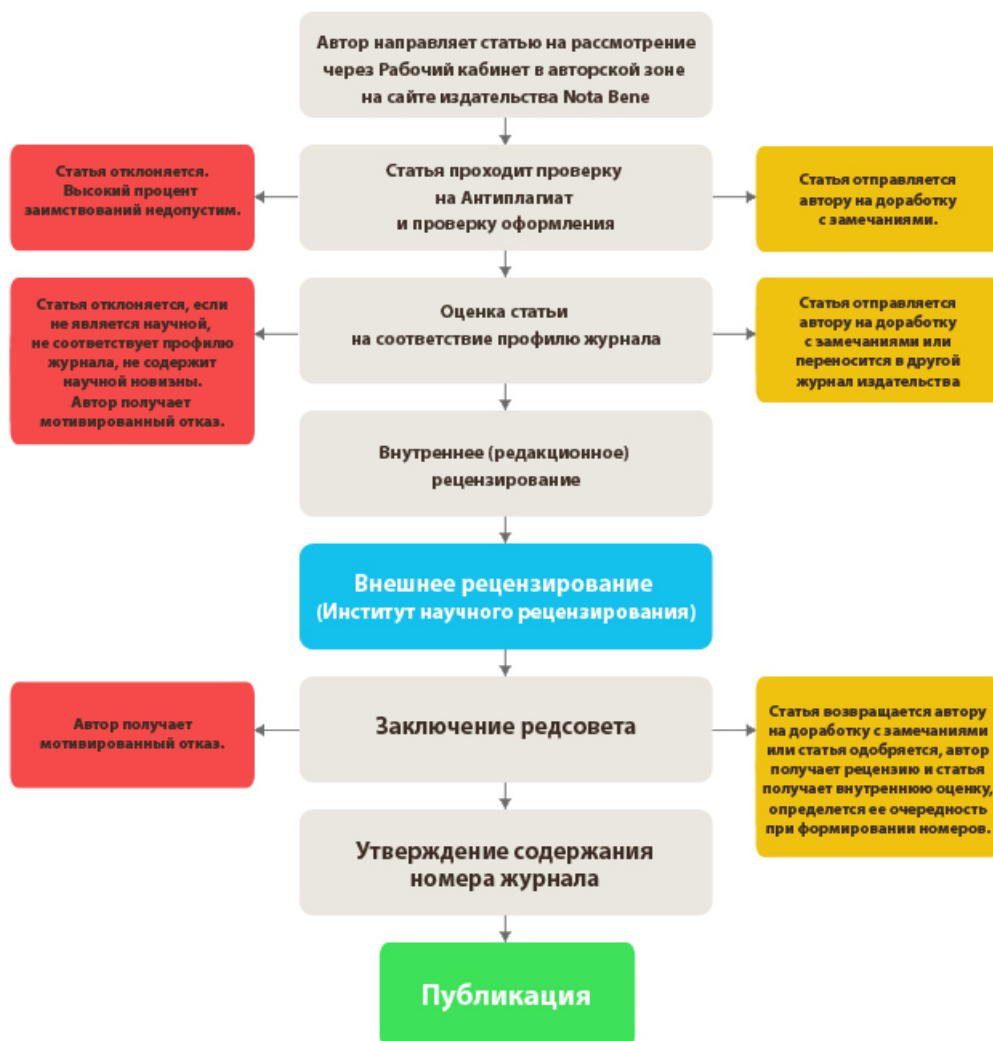
Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Попова Е.А. Особенности синтаксического позиционирования английских наречий (на примере наречия «fairly»)	1
Кун В. Средства выражения стереотипных представлений о китайцах в русском языке	16
Готовцева А.Г. Журналист в декорациях террора: Камиль Демулен и газета «Старый Кордельер»	29
Демьянова П.И. Социолингвистический анализ примеров употребления англицизмов в эквадорских публицистических текстах	49
Афанасьева А.Г. Потенциал телеграм-канала преподавателя университета для развития имиджа вуза	58
Чай Л. Изучение рассказа «Сказать – не сказать...» В. Токаревой в китайском литературоведении	66
Алимов Т.Э. Функционально-семантическая классификация эвфемизмов номинативного поля «смерть» узбекского языка сквозь призму русской и английской культур	78
Волкова А.А. Художественная публицистика А. О. Юма как интертекст (на примере памфлетов 1886–1887 гг.)	89
Безруков А.Н. Дешифровка и объективация смысловых границ в рассказе Венедикта Ерофеева «У моего окна»	97
Шигуров В.В., Шигурова Т.А. Частеречные омонимы как следствие ступенчатой транспозиции творительного падежа существительных в наречие	106
Англоязычные метаданные	119

Contents

Popova E.A. Peculiarities of Adverb Placement in English Sentences (exemplified by the adverb "fairly")	1
Kong W. Means of expressing stereotypical ideas about Chinese in the Russian language	16
Gotovtseva A.G. Journalist in the Terror Scenery: Camille Desmoulins and the Old Cordelier	29
Demianova P.I. Sociolinguistic analysis of examples of the use of anglicisms in Ecuadorian journalistic texts	49
Afanas'eva A.G. The potential of the university teacher's Telegram channel for the development of the university's image	58
Chai L. The study of the story "To Tell or Not Tell" by V. Tokareva in Chinese literary studies	66
Alimov T.E. Functional-Semantic Classification of Euphemisms in the Nominative Field of "Death" in the Uzbek Language Through the Prism of Russian and English Cultures	78
Volkova A.A. A. O. Hume's artistic journalism as an intertext (on the example of pamphlets of 1886-1887)	89
Bezrukov A.N. Deciphering and objectification of semantic boundaries in Venedikt Yerofeyev's short story "At My Window"	97
Shigurov V.V., Shigurova T.A. Part-of-speech homonyms as a consequence of the step-by-step transposition of the instrumental case of nouns into an adverb	106
Metadata in english	119

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Попова Е.А. Особенности синтаксического позиционирования английских наречий (на примере наречия «fairly») // Филология: научные исследования. 2024. № 10. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.10.71966 EDN: KNCTPT
URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71966

Особенности синтаксического позиционирования английских наречий (на примере наречия «fairly»)

Попова Екатерина Андреевна

ORCID: 0009-0005-1791-4719

кандидат филологических наук

доцент; факультет английского языка; Московский государственный лингвистический университет

119034, Россия, г. Москва, ул. Остоженка, 38, стр. 1

✉ k9032041936@gmail.com

[Статья из рубрики "Синтаксис"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2024.10.71966

EDN:

KNCTPT

Дата направления статьи в редакцию:

09-10-2024

Дата публикации:

16-10-2024

Аннотация: Темой статьи является проблема позиционирования английских наречий в предложении. Цель исследования состоит в изучении основных тенденций и закономерностей выбора синтаксической позиции наречия в английском языке. При этом особое внимание уделено взаимосвязи между семантическими и синтаксическими характеристиками наречия. В статье описаны возможные синтаксические позиции наречий разных семантических классов, а также факторы, влияющие на изменение места наречия в предложении. Особенности функционирования наречий в предложении также рассмотрены на примере отдельно взятого наречия «fairly». В статье приводится подробный анализ разных вариантов позиционирования данной лексики в зависимости от значения, в котором она употреблена. Материалом для исследования послужили

контексты употребления «fairly» из Британского национального корпуса английского языка (BNC). В ходе проведения исследования были использованы следующие методы: описательный, статистический, методы контекстного анализа и синтаксического анализа. Актуальность предмета исследования обусловлена тем, что в современном английском языке наречие характеризуется высокой степенью вариативности в плане выбора синтаксической позиции; при этом даже наречия, относящиеся к одному и тому же семантическому разряду, могут проявлять разные синтаксические свойства. Проведенное исследование показало, что «fairly» может использоваться в качестве интенсифицирующего, эмфатического наречия, наречия образа действия и оценочного сентенциального наречия, в ряде случаев подвергаясь частичной модализации или выступая в качестве прагматического наречия. Для каждого значения наречия характерны свои варианты употребления в предложении: перед модифицируемым словом, в медиальной и финальной позиции, а также употребление наречия в составе обособленного оборота. Результаты анализа свидетельствуют о необходимости дальнейшего изучения синтаксических свойств наречий и уточнения имеющихся словарных дефиниций.

Ключевые слова:

наречие, семантический класс, интенсифицирующее наречие, наречие образа действия, оценочное наречие, прагматическое наречие, вводное слово, инициальная позиция, медиальная позиция, финальная позиция

Введение

Несмотря на присущий английскому предложению фиксированный порядок слов, именно наречия характеризуются наибольшей гибкостью и разнообразием в плане синтаксического позиционирования. При этом в справочной и учебной литературе зачастую не приводятся все возможные варианты употребления английских наречий, описание их синтаксических характеристик носит разрозненный характер и требует обращения к разным источникам.

В данной статье делается попытка обобщить имеющиеся данные относительно позиционирования английских наречий в предложении. В качестве основного фактора, влияющего на смену синтаксической позиции наречия, рассматриваются семантические сдвиги. Материалом исследования послужили случаи употребления наречия *fairly*, зафиксированные в Британском национальном корпусе английского языка (BNC) [\[1\]](#). В исследовании использованы описательный метод, методы контекстного и синтаксического анализа, а также статистической обработки данных.

Позиционирование наречия в английском предложении: основные тенденции

В английском предложении обычно выделяют следующие типичные позиции наречий:

- 1) инициальная позиция – в начале предложения;
- 2) медиальная позиция – между подлежащим и сказуемым;
- 3) финальная позиция – в конце предложения (клаузы) [\[2-5\]](#).

В качестве дополнительной позиции также может рассматриваться употребление наречия

непосредственно перед словом, которое оно модифицирует [\[6\]](#).

Медиальная позиция имеет следующие вариации, если сказуемое состоит из нескольких компонентов: а) наречие ставится непосредственно после подлежащего; б) наречие ставится после первого компонента сказуемого, будь то вспомогательный глагол, глагол-связка или модальный глагол; в) наречие ставится после второго либо третьего вспомогательного элемента, ближе к смысловому глаголу либо предикативу. Наиболее частотным вариантом считается употребление наречия после первого элемента (оператора) сказуемого [\[7; 8\]](#).

Финальная позиция также отличается некоторой вариативностью, поскольку наречие может находиться как в самом конце предложения (клаузы), так и непосредственно после сказуемого [\[7; 6\]](#).

Для разных семантических классов наречий характерны разные позиции в предложении.

Так, для многих наречий неопределенной частотности (*usually, never, always, often*) и наречий, указывающих на неопределенный отрезок времени (*now, soon*), типично положение между подлежащим или сказуемым (либо после первого компонента сказуемого), например, *We **usually** go to Scotland in August* [\[2; 4, с. 22\]](#). Временные наречия с более конкретным значением могут использоваться и в конце предложения: *They will be coming **tomorrow*** [\[2, с. 505\]](#). Финальная позиция характерна для наречия *yet*: *It hasn't arrived **yet*** [\[6; 2, с. 506\]](#). Иногда наречия частотности и времени могут также использоваться в инициальной позиции для эмфазы: ***Usually** I get up early* [\[4, с. 22\]](#).

Для наречий места и направления (*abroad, upstairs, around, backwards*) наиболее типична позиция в конце предложения (*The children are playing **upstairs***) [\[4, с. 24\]](#).

Наречия образа действия также часто занимают финальную позицию: *She read the letter **slowly*** [\[4, с. 23\]](#). Однако в ряде случаев наречия образа действия могут встречаться и в середине предложения: *They **seriously** considered him for the post.* [\[7, с. 492\]](#).

Интересно, что в ряде случаев наречия образа действия могут быть помещены и в начало предложения; при этом они модифицируют не только сказуемое, но и подлежащее. Так, ***Proudly**, Mr Ahmed accepted the award* можно перефразировать как *Mr Ahmed was proud to receive the award* [\[7, с. 488\]](#). В некоторых случаях ориентация наречия полностью смещается с действия на сам субъект. Например, ***Wisely**, Karen has been answering questions* можно перефразировать как *Karen was wise to answer the questions*, подразумевая, что мудрость Карен заключается в том, что она что-то сказала в ответ, хотя сами ее ответы могли быть не очень умными [\[9, с. 178-179\]](#).

Интенсифицирующие наречия, или наречия степени, подразделяются на амплификаторы (*amplifiers*), указывающие на высокую степень признака (*very, entirely, extremely*), и наречия неполноты действия или признака, с ослабляющим значением (*downtoners*) (*almost, nearly, barely*), и обычно находятся в препозиции к определяемому ими слову (*It was **almost** dark*) [\[7; 4, с. 24\]](#). Однако наречия степени, модифицирующие глаголы, могут быть и в конце предложения. Соотношение между срединной и финальной позицией отличается для разных наречий [\[3; 6\]](#). Медиальная позиция предпочтительна при наличии дополнения, выраженного длинной фразой либо целым придаточным предложением. В таких случаях, в качестве исключения, наречие может находиться и

после глагола-сказуемого *It helps publishers **enormously** in judging the merits of your song* [6, с. 135]. Наречие *enough*, модифицирующее прилагательное либо другое наречие, будет находиться в постпозиции по отношению к ним: *You are not driving fast **enough*** [4, с. 185]. Интересно и то, что в ряде случаев наречие неполноты действия или признака помещается после связки вспомогательного глагола и глагола *to be* [8].

Эмфатические наречия (*actually, really, just, indeed*), как правило, используются в препозиции к определяемому слову, хотя в ряде случаев постпозиция также возможна (ср. *The play was **indeed** excellent* и *The play was excellent **indeed***) [7, с. 447].

Фокусирующие наречия (*even, only, mainly*) обычно находятся в срединной позиции (*We are **only** going for two days*) либо в препозиции по отношению к модифицируемому слову (***Only** you could do a thing like that*). Однако постпозиция возможна с такими наречиями этого класса, как *alone, too, as well, either* (в отрицательных предложениях с частицей *not*) [6; 4, с. 23].

Оценочные (*unfortunately, luckily*) и прагматические наречия (*frankly, honestly*) могут использоваться в начале предложения. Оценочные наречия также характеризуются и медиальной позицией. При сужении сферы действия они могут находиться и непосредственно перед модифицируемым словом (ср. ***Frankly**, this is becoming a joke* и *this **frankly** rather unsavoury character*) [3, с. 580, 583; 10].

Наречия, указывающие на точку зрения (*morally, theoretically, politically*), обычно находятся в начале предложения и обособлены запятой: ***Politically**, this will become very unpleasant*. Финальная позиция также допустима. Медиальная позиция возможна, но при условии просодического выделения данного компонента [3, с. 580]. Однако, если они относятся не ко всему предложению, а к его части, то такие наречия ставятся перед модифицируемым словом либо словосочетанием: *a **philosophically** very naive argument* [3, с. 583].

Наречия с модальным значением (*certainly, probably, definitely*) чаще встречаются между подлежащим и сказуемым, хотя инициальная и финальная позиция также возможны при соответствующем просодическом оформлении [3]. Для некоторых модальных наречий, таких как *maybe* и *perhaps*, инициальная позиция предпочтительна [4].

Эвиденциальные наречия (*reportedly, allegedly, visibly*), указывающие на источник поступающей с высказыванием информации, могут также косвенно выражать и степень ее достоверности и в этом близки к модальным наречиям. Позиционирование таких наречий зависит от сферы их действия, и в этом они схожи с наречиями, указывающими на точку зрения. Если эвиденциальные наречия относятся ко всему содержанию высказывания, то употребляются в начале либо в середине предложения; если же они относятся только к части предложения, то ставятся перед модифицируемым словом (ср. *He was **reportedly** going to emigrate, **Purportedly**, the evidence is new* и *the **purportedly** new evidence*) [11]. В ряде случаев эвиденциальные наречия могут занимать и финальную позицию: *I'm going to be promoted, **apparently*** [12].

Инициальная позиция характерна для наречий, выступающих в качестве связующих слов (*however, nevertheless, then, besides, anyway*), однако медиальная позиция может сделать стиль сообщения более формальным (ср. ***Then** I went home* и *I **then** went home* [4, с. 22].

Интересно, что изменение позиции наречия может говорить и об изменении его значения (ср. *They behaved **dreadfully***, где использовано наречие образа действия со значением «in a dreadful manner», и *I'm **dreadfully** sorry*, где употреблено наречие степени со значением «extremely» [3, с. 583-584]). Такие наречия как *hopefully, naturally, clearly, curiously, frankly*, и др. регулярно используются как в качестве сентенциальных наречий, для выражения точки зрения адресанта сообщения относительно содержания высказывания в целом, так и в качестве наречий образа действия [2; 7].

В ряде случаев изменение позиции наречия связано с наличием отрицания в предложении. Так, наречия ставятся перед частицей *not*, если они используются для усиления отрицания: *I **certainly** do not agree* [4, с. 26]. Наречия могут быть как перед, так и после первого вспомогательного глагола с отрицанием, если глагол употреблен без сокращений, в полной форме: *I **probably** will not be there* или *I will **probably** not be there*. В случае сокращенной формы возможен только один вариант (*I **probably** won't be there*). Размещение наречия непосредственно после подлежащего позволяет исключить его из части предложения, подвергающейся отрицанию, и создает просодический фокус на последующем элементе сказуемого [7]. Поэтому с некоторыми наречиями возможны обе позиции, но с изменением значения (ср. предложения *She hadn't **really** delighted her audience* и *She **really** hadn't delighted her audience*, где во втором случае подчеркивается отсутствие успеха у аудитории) [7, с. 494].

Интересно, что в американском английском наречия, традиционно занимающие медиальную позицию, могут также употребляться перед вспомогательным глаголом либо глаголом-связкой; при этом наречие не подвергается эмфатическому выделению: *He **probably** has arrived by now* [4, с. 26].

Таким образом, изменение места наречия в предложении может быть вызвано следующими факторами:

- 1) Семантический сдвиг;
- 2) Наличие либо отсутствие акцента на определенной части предложения;
- 3) Наличие либо отсутствие отрицания в предложении (факторы (2) и (3) могут быть взаимосвязаны);
- 4) Стилистические характеристики сообщения, принадлежность к определенному регистру;
- 5) Региональные особенности.

В Таблице 1 отражены основные закономерности выбора места наречия в английском предложении в соответствии с семантическими характеристиками. В таблице используются следующие условные обозначения: «+» – наречие может занимать данную позицию в предложении; «-» – наречие не может занимать данную позицию; «+/-» – наречие может занимать данную позицию, но только при соблюдении дополнительных условий; «*» – только отдельные наречия данного семантического класса могут занимать данную позицию в предложении.

Таблица 1.

Основные семантико-синтаксические характеристики английских наречий

Семантический класс	Подтипы	Примеры	Позиция в предложении
---------------------	---------	---------	-----------------------

Семантический класс наречия	Подтипы наречий	Примеры наречий	Позиция в предложении		
			Начало предложения	Между подлежащим и сказуемым	Модальное
Наречия степени (интенсифицирующие)	Наречия-амплификаторы	<i>Very, completely, entirely, extremely</i>	-	-	+
	Наречия с ослабляющим значением	<i>almost, nearly, hardly, slightly</i>	-	-	+
Эмфатические наречия		<i>Really, indeed, simply, actually</i>	-	+	+
Фокусирующие наречия		<i>also, even, only, mainly</i>	-	*	+
Наречия образа действия		<i>Deeply, slowly, fast, angrily</i>	+/-	+/-	-
Наречия частотности	Наречия неопределенной частотности	<i>Often, never, always, usually</i>	+/-	+	-
	Наречия определенной частотности	<i>Daily, weekly, monthly</i>	+/-	-	-
Наречия времени	Наречия, указывающие на неопределенный временной период	<i>Soon, now, already</i>	+/-	+	-
	Наречия, указывающие на более конкретный временной период	<i>Yesterday, today, tomorrow</i>	+/-	-	-
Наречия места и направления		<i>Upstairs, here, inside,</i>	+/-	-	-
Оценочные наречия		<i>Fortunately, unfortunately, luckily</i>	+	+	+/-
Наречия модальные		<i>Probably, certainly, fortunately</i>	+/-	+	+/-
Эвиденциальные наречия		<i>Reportedly, purportedly,</i>	+	+	+/-

	<i>allegedly</i>			
Наречия, указывающие на точку зрения	<i>Scientifically, politically, economically</i>	+	+/-	+/-
Прагматические наречия	<i>Frankly, honestly</i>	+	+/-	+/-
Связующие наречия	<i>However, anyway, yet, besides</i>	+	+/-	-

Как видно из Таблицы 1, довольно высокой вариативностью в плане синтаксического позиционирования характеризуются модальные, эвиденциальные, прагматические, оценочные наречия, связующие наречия, эмфатические наречия, наречия образа действия, темпоральные наречия, указывающие на неопределенный временной интервал. Также заметно, что в ряде случаев наречия, традиционно относимые к одному и тому же семантическому классу, могут занимать разные позиции в предложении. Это свидетельствует о необходимости изучения семантико-синтаксических особенностей не только классов наречий, но и входящих в них отдельных лексем.

Семантико-синтаксические характеристики наречия *fairly*: анализ корпусных данных

В качестве примера того, как действуют вышеперечисленные тенденции употребления наречий в предложении, рассмотрим особенности использования наречия *fairly* с точки зрения его синтаксической позиции и семантических характеристик. В данном исследовании мы опираемся на данные, полученные из Британского национального корпуса английского языка (BNC) [11]. После исключения технических ошибок, например, предложений с *Fairly* в качестве имени собственного, и конкордансов-дубликатов, анализу подверглись 6498 случаев использования *fairly* в корпусе.

Выбор наречия *fairly* для анализа обусловлен его не только его полифункциональностью, но и возможностью использования именно в тех значениях, которые допускают разные синтаксические позиции. Обращение к Кембриджскому словарю английского языка (Cambridge Dictionary) [13], Оксфордскому словарю для учащихся продвинутого уровня (the Oxford Advanced Learner's Dictionary) [14], а также Словарю английского языка для учащихся продвинутого уровня издательства «Коллинз» (Collins COBUILD Advanced Learner's Dictionary) [15] позволяет сделать выводы о возможности отнести наречие *fairly* к разным семантическим классам с соответствующими функциональными характеристиками. В соответствии с имеющимися словарными дефинициями *fairly* можно определить как наречие степени, эмфатическое наречие, наречие образа действия, оценочное (сентенциальное) и прагматическое наречие. Частотность употребления *fairly* в каждом из этих значений представлена в Таблице 2; рассмотрим возможные варианты более подробно.

Таблица 2.

Частотность употребления *fairly* в разных значениях

Семантический класс наречия	Значения <i>fairly</i>	Абсолютная частотность	Относительная частотность
Интенсифицирующее	«more than	6072	93.44 %

наречие	average, but less than very» [13]; «to quite a large degree» [15]		
	«completely» (в сочетании <i>fairly</i> and <i>squarely</i>) [13]	8	0,12 %
Эмфатическое наречие	«used to emphasize figurative expressions that describe what people or objects are doing» [13]	38	0,58 %
Наречие образа действия	«in a way that is right and reasonable and treats people equally» [13], «in a fair and reasonable way; honestly» [14]; «to suggest that a statement is probably or possibly true, and therefore deserves to be accepted or considered» [15]	380	5, 85 %
Оценочное наречие			
Прагматическое наречие			
Итого:		6498	100 %

На первом месте по частотности (93,44 %) оказалось употребление *fairly* в качестве интенсифицирующего наречия со значением «quite, rather, more than average, but less than very» [13] и т. п. В таком значении наречие занимает позицию перед модифицируемым словом, как правило, прилагательным (1) или другим наречием (2):

(1) *Beyond the garden was a **fairly** busy road ...* [1]

(2) *We all sat **fairly** comfortably and ate the things I'd bought for the occasion* [1].

Перед глаголом, в медиальной позиции, *fairly* в значении наречия степени используется только в единичных случаях: *So until we have **fairly** set out upon that road, how can we really hope to understand ...* [1]

В составе устойчивого выражения *fairly and squarely* (в значении «completely») данное наречие может занимать финальную позицию, либо находиться между глаголом и следующей за ним именной группой в функции предложного дополнения или

обстоятельства места:

*...and they beat us twice **fairly** and squarely.'* [11]

*...if you believe the responsibility lies **fairly** and squarely with parents and commercial interests ...* [11]

*... in its attempts to place services **fairly** and squarely in the community it acknowledged that it was essential ...* [11]

Fairly в функции эмфатического наречия представлено значительно реже (0,58 %) и использовалось перед словом либо словосочетанием в переносном значении (в «figurative expressions», согласно Кембриджскому словарю [13]), например, в случаях метафорического (1) либо метонимического переноса (2) либо в случае гиперболизации (3). В качестве критерия, позволяющего различить интенсифицирующее и эмфатическое значение наречия, вслед за Р. Кверком и др. [7] использовалось наличие либо отсутствие градуальности признака. Как видно из примеров, в данном значении *fairly* активно употребляется перед глаголом-сказуемым, в так называемой медиальной «вспомогательной» позиции; в качестве производного варианта возможно употребление данного наречия во вторично-предикативных конструкциях.

(1) *Stewart and Jones **fairly** crackle with life.* [11]

(2) *For a moment she was speechless, then she **fairly** spat out:' Bugger! Th'two-faced, wall-eyed, shifty bugger!...* [11]

(3) *...a serenity of spirit and a proud, obstinate beauty which even now made him **fairly** ache with fatherly love.* [11]

Относительно редко (5,85 %) представлены случаи употребления *fairly* в значениях, характерных для наречия образа действия и оценочного наречия: «in a way that is right and reasonable and treats people equally» [13], «in a fair and reasonable way; honestly» [14]. Синтаксическое позиционирование *fairly* в данных значениях отличается бóльшим разнообразием, чем *fairly* как интенсифицирующее и эмфатическое наречия, и заслуживает отдельного рассмотрения. Частотность возможных вариантов позиционирования представлена в Таблице 3.

Таблица 3

Синтаксическое позиционирование *fairly* в значении «in a fair and reasonable way; honestly»

Позиция наречия <i>fairly</i> в предложении	Абсолютная частотность	Относительная частотность
Медиальная позиция	158	41,58 %
Финальная позиция	192	50,53 %
Позиция между сказуемым и дополнением	15	3,95 %
Обособленный оборот	13	3,42 %
Итого:	380	100 %

Чаще всего (50,53 % случаев употребления *fairly* в данном значении) встречается финальная позиция: после глагола-сказуемого и после относящегося к нему дополнения

(при его наличии):

*Only 37 per cent agreed that employers handled applications efficiently and **fairly** ...* [1]

*We just weren't treated **fairly** ...* [1].

41,58 % случаев использования *fairly* в значении «in a fair and reasonable way; honestly» характеризуются медиальной позицией:

*... exporters **fairly** complained that this made their goods less competitive in price ...* [1]

*... services are **fairly** shared among the population who need them* [1].

*They are not being **fairly** treated by the Department* [1].

В корпусе встретился и промежуточный вариант: между глаголом и относящимся к нему дополнением (3, 95 % случаев). Возможно, такое употребление наречия связано с наличием осложняющих элементов в предложении: например, использованием определения, выраженного предложной именной группой, либо наличием цепочки однородных дополнений. Размещение наречия справа от глагола позволяет сократить дистанцию между предикатом и адвербиальным компонентом, сохраняя смысловую связь между ними и облегчая понимание высказывания.

*If passed by the House, the Bill will reform **fairly** and effectively the forgotten area of the health benefits system* [1].

*LEA representatives on school governing bodies will reflect **fairly** the political balance of the authority* [1].

*...in a way which deals **fairly** with employees, their families and with community and commercial interests* [1].

Также интересно, что при использовании формы страдательного залога частотность медиальной позиции заметно возрастала (ср. соотношение между медиальной и финальной позицией для активных и пассивных конструкций соответственно на Графиках 1 и 2).

График 1. Соотношение медиальной и финальной позиций *fairly* в значении «in a fair and reasonable way; honestly» для предложений в действительном залоге.

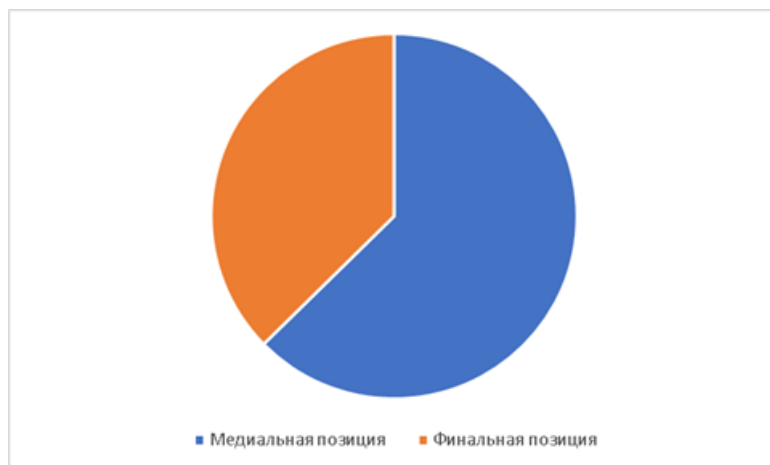

График 2. Соотношение медиальной и финальной позиций *fairly* в значении «in a fair and reasonable way; honestly» для предложений в страдательном залоге.

Что касается соотношения разных оттенков значения *fairly*, не всегда можно провести четкую границу между ними в рамках принятых словарных дефиниций: ведь то или иное действие может быть справедливым как с точки зрения закона, так и с точки зрения общепринятых норм морали. Однако при рассмотрении семантики глаголов, модифицируемых данным наречием, была выявлена следующая закономерность.

В ряде случаев наречие *fairly* указывало на объективность и правильность оценки ситуации, описанной в высказывании, и сочеталось с глаголами, обозначающими ментальные процессы и речевую деятельность, управляющими актантами с пропозитивным содержанием (*claim, complain, consider, interpret, presume, say* и др.). При таком употреблении наречие *fairly* обычно занимало медиальную позицию. При этом *fairly*, как правило, выражает мнение адресанта сообщения и может использоваться как оценочное наречие, а в ряде случаев приобретает модальный оттенок, поскольку указывает на степень обоснованности того или иного суждения.

*It could **fairly** be said that Mrs Thatcher won the economic argument* [1].

*The hon. Gentleman **fairly** pointed out that there is a larger range of business opportunities available...* [1].

Также наречие *fairly* может использоваться для описания действий участников ситуации, отображенной в высказывании, с точки зрения их законности либо соответствия установленным в обществе нормам поведения. При этом наречие *fairly* сочетается с глаголами действия, которые управляют актантами конкретной семантики (*act, buy, distribute, rule, reward, treat* и др.). Для таких случаев более типична финальная позиция.

*In all aspects of our personal lending business, we shall act **fairly** and responsibly* [1].

*It is then up to the employer to prove you were fired **fairly*** [1].

Соотношение между моделями употребления *fairly* в сочетании с глаголами разной семантики представлено на Графике 3. Диаграмма показывает, что финальная позиция наречия *fairly* преобладает при оценке действий участников описываемой ситуации, в сочетании с глаголами действия; медиальная позиция также допустима в подобных случаях. При этом медиальная позиция предпочтительнее, когда наречие *fairly* ориентировано на оценку пропозитивного содержания высказывания и сочетается с

глаголами речи и глаголами, обозначающими умственную деятельность.

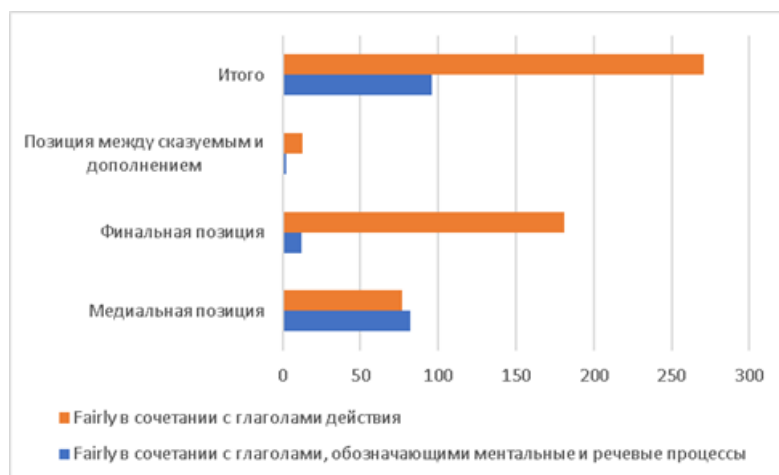

График 3. Соотношение между позицией *fairly* и семантическим типом модифицируемого глагола.

В отдельных случаях наречие *fairly* подвергается обособлению, используясь как сентенциальное наречие с ярко выраженным оценочным компонентом значения.

...as one of his advisers says, **fairly**, that will be clear one day ^[1].

I actually do feel quite drained, **fairly** ^[1].

In most cases, quite **fairly**, the interviewer will give you feedback on the test ^[1].

Как видно по вышеприведенным примерам, при обособлении наречие *fairly* может выражать оценку говорящим речи его собеседника (либо своего собственного высказывания) на предмет объективности и правильности. Также данное наречие способно выражать внешнюю оценку события, описанного в предложении. В первом случае *fairly* можно отнести к так называемым прагматическим наречиям ("speech act-related" adverbs), ориентированным на говорящего / слушающего, так как оно характеризует участников коммуникации. Во втором случае *fairly* ближе к оценочным наречиям ("evaluation" adverbs), характеризующим содержание высказывания в целом ^[3, с. 576 - 578; 10]. Однако при этом, в силу семантики данного наречия допустима как его глагольная ориентация (то есть само действие, описанное в предложении, характеризуется как справедливое и правильное), так и ориентация на субъект (то есть справедливым является субъект).

Таким образом, особенности позиционирования наречия *fairly* в предложении свидетельствуют о возможности употребления его в качестве интенсифицирующего, эмфатического наречия и наречия образа действия. В отдельных случаях также возможно отнести *fairly* к классу сентенциальных наречий оценочного либо прагматического типа. Результаты анализа указывают на необходимость дальнейшего изучения синтаксических характеристик наречий и уточнения существующих словарных дефиниций.

Заключение

Анализ особенностей функционирования наречия *fairly* в предложении позволяет сделать следующие выводы.

Наиболее частотным и наиболее стабильным с точки зрения синтаксической позиции

оказалось употребление *fairly* в значении интенсифицирующего наречия. В таких случаях *fairly* используется перед модифицируемым словом либо словосочетанием, если это прилагательное или наречие, и в медиальной позиции, если модифицируется глагол либо глагольная группа. Исключением является сочетание *fairly and squarely*, тяготеющее к концу предложения.

На втором месте по частотности оказалось использование *fairly* в функции наречия образа действия, этот же вариант характеризуется наибольшим разнообразием в плане синтаксического оформления. В качестве основных факторов, влияющих на выбор места наречия, выступают оттенки значения наречия, а также форма залога. При употреблении *fairly* для оценки ситуации с точки зрения говорящего, а также при пассивизации предложения процент случаев с медиальной позицией повышается.

Относительно реже *fairly* употребляется в качестве эмфатического наречия, модифицируя выражения в переносных значениях и при этом находясь в медиальной позиции.

В отдельных случаях *fairly* может выступать в качестве вводного слова, выражая оценку содержания высказывания либо характеризуя коммуникантов.

В целом прослеживается следующая закономерность: финальная позиция характерна для употребления *fairly* в значении наречия образа действия, когда модифицируется глагол-сказуемое и наречие ориентировано на действие, описанное в предложении. При выражении точки зрения говорящего на степень объективности высказывания *fairly* тяготеет к медиальной позиции.

Таким образом, проведенный анализ указывает на тесную взаимосвязь между семантическими сдвигами, которым подвергается наречие, и синтаксической позицией, которую оно может занимать. В то же время следует подчеркнуть необходимость изучения и других факторов, влияющих на позиционирование наречий, с расширением эмпирической базы данных.

Библиография

1. The British National Corpus, version 3 (BNC XML Edition). 2007. Distributed by Oxford University Computing Services on behalf of the BNC Consortium. URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/>
2. Downing A., Locke Ph. English Grammar. A University Course. Second Edition. Routledge, Taylor and Francis Group. London, New York. 2006. 640 p.
3. Huddleston R. & Pullum G. The Cambridge Grammar of the English Language. – Cambridge : Cambridge University Press, 2002. 1860 p.
4. Swan M. Practical English Usage. Oxford University Press. Second Edition. 1997. 654 p.
5. Davis M. G. Aspects of Adverbial Placement in English and Slovene. Verlag Otto Sagner, Munchen, 1989. 342 p.
6. Мачина О.А., Горшков Г.И. Межъязыковой перенос при обучении грамматике (на примере позиций наречия в предложении) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2017. №11 (784). С. 127-140
7. Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J. A Comprehensive Grammar of the English language. Longman Group Limited. London and New York. 1985. 1779 p.
8. Колодяжная В. Н. Некоторые особенности употребления наречий неполноты действия или признака в английском предложении. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина, vol. 1, No. 3, 2010, С. 62–70.
9. Ernst T. Adverbs and Light Verbs // Proceedings of the 22nd North American Conference

on Chinese linguistics (NACCL-22) and the 18th International Conference on Chinese Linguistics (IACL-18). 2010. Vol. 2. Clemens, L.E. and C.-M. L. Liu, eds. Harvard University, Cambridge, MA. С. 178-195.

10. Спиридонов Д. В., Фофанова П. Ю. Функционально-семантические особенности английского наречия *finally* // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки, т. 16, №. 4 (133), с. 215-224 [Электронный ресурс] URL :

<https://journals.urfu.ru/index.php/Izvestia2/article/view/1394>

11. Kemp L, Hengeveld K. English evidential-ly adverbs in the noun phrase from a functional perspective. Open Linguistics. 2022; 8(1) Pp. 573-592. <https://doi.org/10.1515/opli-2022-0208>

12. Dictionary.com © 2024 Dictionary.com, LLC [Электронный ресурс] URL : <https://www.dictionary.com/>

13. Cambridge Dictionary. English Dictionary © Cambridge University Press and Assessment 2024 [Электронный ресурс] URL : <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/>

14. The Oxford Advanced Learner's Dictionary © 2024 Oxford University Press [Электронный ресурс] URL : <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/>

15. Collins COBUILD Advanced Learner's Dictionary. Copyright © HarperCollins Publishers [Электронный ресурс] URL : <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english>

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена проблеме синтаксического позиционирования английских наречий. Предмет исследования достаточно актуален: «несмотря на присущий английскому предложению фиксированный порядок слов, именно наречия характеризуются наибольшей гибкостью и разнообразием в плане синтаксического позиционирования. При этом в справочной и учебной литературе зачастую не приводятся все возможные варианты употребления английских наречий, описание их синтаксических характеристик носит разрозненный характер и требует обращения к разным источникам».

Материалом исследования послужили случаи употребления наречия *fairly*, зафиксированные в Британском национальном корпусе английского языка: «после исключения технических ошибок, например, предложений с *fairly* в качестве имени собственного, и конкордансов-дубликатов, анализу подверглись 6498 случаев использования *fairly* в корпусе». Выбор наречия *fairly* для анализа обусловлен не только его полифункциональностью, но и возможностью использования именно в тех значениях, которые допускают разные синтаксические позиции. Отмечается, что «обращение к Кембриджскому словарю английского языка (Cambridge Dictionary), Оксфордскому словарю для учащихся продвинутого уровня (the Oxford Advanced Learner's Dictionary), а также Словарю английского языка для учащихся продвинутого уровня издательства «Коллинз» (Collins COBUILD Advanced Learner's Dictionary) позволяет сделать выводы о возможности отнести наречие *fairly* к разным семантическим классам с соответствующими функциональными характеристиками».

Теоретической основой исследования явились работы российских и зарубежных исследователей, таких как В. Н. Колодяжная, О. А. Матчина, Г. И. Горшков, Д. В. Спиридонов, П. Ю. Фофанова, М. G. Davis, T. Ernst, L. Kemp, K. Hengeveld и др. Методологическую базу исследования составили описательный метод, методы контекстного и синтаксического анализа, а также метод статистической обработки

данных. Выбор методов оправдан и соответствует цели работы: «обобщить имеющиеся данные относительно позиционирования английских наречий в предложении. В качестве основного фактора, влияющего на смену синтаксической позиции наречия, рассматриваются семантические сдвиги». Промежуточные результаты исследования отражены в таблицах «Основные семантико-синтаксические характеристики английских наречий», «Частотность употребления *fairly* в разных значениях» и «Синтаксическое позиционирование *fairly* в значении «in a fair and reasonable way; honestly», а также на графиках в виде круговых и линейчатой диаграмм «Соотношение медиальной и финальной позиций *fairly* в значении «in a fair and reasonable way; honestly» для предложений в действительном залоге», «Соотношение медиальной и финальной позиций *fairly* в значении «in a fair and reasonable way; honestly» для предложений в страдательном залоге» и «Соотношение между позицией *fairly* и семантическим типом модифицируемого глагола», что является несомненным преимуществом представленной научной работы, так как визуализация и авторская интерпретация данных позволяет сделать материал более доступным для восприятия и способствует более глубокому пониманию масштабов проведенной работы.

Анализ теоретического материала и его практическое обоснование позволили автору(ам) подробно рассмотреть особенности позиционирования наречия *fairly* в предложении, а также сделать вывод о возможности употребления наречия *fairly* в качестве интенсифицирующего, эмфатического наречия и наречия образа действия. Отмечается, что «проведенный анализ указывает на тесную взаимосвязь между семантическими сдвигами, которым подвергается наречие, и синтаксической позицией, которую оно может занимать».

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру, способствующую полноценному восприятию материала. Стиль изложения материала соответствует требованиям научного описания и характеризуется оригинальностью, логичностью и доступностью.

Библиография исследования состоит из 15 источников, в том числе иностранных. В библиографическом списке присутствуют как фундаментальные труды, так и актуальные работы.

Теоретическая и практическая значимость исследования неоспорима и обусловлена его вкладом в решение современных языковедческих проблем, связанных с изучением синтаксического позиционирования английских наречий. Мы согласны с автором(ами), что «результаты анализа указывают на необходимость дальнейшего изучения синтаксических характеристик наречий и уточнения существующих словарных дефиниций».

Статья имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Кун В. Средства выражения стереотипных представлений о китайцах в русском языке // Филология: научные исследования. 2024. № 10. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.10.72023 EDN: MWYZTK URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72023

Средства выражения стереотипных представлений о китайцах в русском языке

Кун Вэйкань

ORCID: 0009-0008-1581-0395

аспирант; кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации; Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

620075, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Ленина, 51, каб. 312

✉ weikan@mail.ru

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2024.10.72023

EDN:

MWYZTK

Дата направления статьи в редакцию:

14-10-2024

Дата публикации:

21-10-2024

Аннотация: Предметом исследования является анализ этнических гетеростереотипов о китайском этносе в русском языке, с акцентом на языковые средства, используемые в российских СМИ. В статье рассматриваются различные языковые конструкции, которые выражают стереотипные представления о китайцах, такие как выражения "даже китайцы", "хитрые китайцы" и "мудрые китайцы". Исследование охватывает период с 1991 по 2024 год и включает анализ анекдотов с этнонимом "китайцы". Основное внимание уделяется выявлению и классификации языковых средств, отражающих как положительные, так и отрицательные стереотипы о китайцах, включая их трудолюбие, хитрость и роль Китая в мировой экономике. Работа подчеркивает важность критического восприятия стереотипной информации и культурного обмена для улучшения межкультурного общения. Методология исследования основывается на

анализе публикаций из базы данных Integrum с 1991 по 2024 год, используя классификацию языковых средств для экспликации этностереотипов, предложенную Л.П. Крысиным, включая акцентирование, сравнение, обобщение и использование фразеологизмов. Основными выводами проведенного исследования являются выявление и систематизация языковых средств, отражающих этнические гетеростереотипы о китайцах в русском языке. Исследование показало, что в российских СМИ широко используются выражения, такие как "хитрые китайцы" и "мудрые китайцы", что подчеркивает устойчивость этих стереотипов. Анализ анекдотов, содержащих этноним "китайцы", также выявил, как юмор может способствовать распространению стереотипных представлений. Работа акцентирует внимание на двойственной природе стереотипов, которые могут включать как положительные, так и отрицательные характеристики. Это подчеркивает важность критического подхода к восприятию стереотипов и необходимость культурного обмена для снижения предрассудков. Результаты исследования имеют значительное значение для межкультурного общения, указывая на необходимость открытости и избегания чрезмерных обобщений в взаимодействии между культурами.

Ключевые слова:

стереотип, гетеростереотип, Китай, китаец, этноним, этнос, коллокация, частица, фразеологизм, анекдот

Введение

В основе данной статьи лежит понятие *этностереотип*, которое активно исследуется в современной гуманитаристике, см., например: [\[3; 7; 12; 1; 17; 18; 19; 21; 20\]](#) и др. Этностереотипы мы определяем как упрощенные и устойчивые представления о представителях того или иного этноса [\[23, с. 231\]](#), включая внешние антропологические особенности, поведенческие характеристики, личностные свойства людей, составляющих тот или иной народ, их интеллектуальные, психические параметры и многое другое. В нашей работе мы анализируем гетеростереотипы как устойчивые представления о другом этносе [\[10, с. 108\]](#).

Целью работы является выявление и классификация языковых средств, выражающих стереотипные представления о китайцах в русском языке, на основе анализа данных из российских СМИ.

Материалы и методы исследования

Материалом исследования послужили публикации, собранные с помощью поисковой базы данных Integrum за период с 1991-го по 2024 год, в которых упоминаются стереотипы о китайском этносе.

При сборе материала мы отталкивались от классификации языковых средств, при помощи которых эксплицируются этностереотипы, предложенной Л.П. Крысиным. В частности, ученым были отмечены следующие языковые средства.

1. Акцентирование стереотипных черт с помощью усилительно-выделительной частицы *даже*.
2. Сравнение свойств лица с «эталонным» представителем определенного этноса со

словом *настоящий*.

3. Обобщение и гиперболизация стереотипных свойств народа при помощи кванторных слов: *все, каждый, любой*.

4. Фразеологизмы, пословицы и поговорки, включающие этнонимы: *хитрый, как сто китайцев; китайцы на одно лицо; один (старый) мудрый китаец*.

5. Сравнительные обороты с частицей *как*: *трудолюбивы, как китайцы; вежливы, как китайцы*.

6. Атрибутивные словосочетания с прилагательными, образованными от этнонима, и именами свойств человека, или коллокации, состоящие из атрибутивного прилагательного и названия этноса: *китайская мудрость; мудрые китайцы; трудолюбивые китайцы*.

7. Слова, в свернутой форме негативно оценивающие черты представителей других этносов, например: жаргонное *китаёза*.

8. Особое внимание Л.П. Крысин уделил экспликации этностереотипов при помощи анекдотов, которые «часто эксплуатируют расхожие представления о том или ином этносе или какой-либо его группе в качестве сюжетобразующих компонентов» [\[7, с. 453-454\]](#).

Результаты исследования

Е.С. Мучкина отмечает, что «этнические стереотипы находят свое выражение в различных импликациях, осуществляющих приращение смысла к исходным значениям слов-этнонимов» [\[11, с. 114\]](#), поэтому мы рассматривали стереотипы, которые выражаются при помощи этнонима *китаец / китайцы*.

1. Акцентирование стереотипных черт с помощью усилительно-выделительной частицы *даже*.

Частица *даже* в составе выражения *даже китайцы* (1739 док.) акцентирует как положительную, так и отрицательную коннотацию стереотипных представлений. Частица *даже* имеет следующие значения, при помощи которых происходит экспликация стереотипов: 1) «Употр. при сообщении о том, что противоречит ожидаемому, осуществляется вопреки ему. 3) Употр. для выделения той части сообщения, к-рая его подтверждает, приводя дополнительные аргументы или еще более вескую информацию» [\[15, с. 178\]](#).

Выявляется стереотип о высокотехнологичности страны, высокой производительности труда, о трудолюбии представителей китайского этноса в значении «старательного человека» [\[15, с. 1004\]](#).

Даже китайцы, делающие семимильные шаги в развитии техногенной цивилизации, обеспокоились (Звезда Алтая; 24.10.2018);

П о производительности труда эта компания обошла даже китайцев (Деловой Петербург; 25.10.2018);

Здесь стоит, по утверждениям сотрудников завода, самый мощный кузнечный пресс в мире, «такой не могут построить даже китайцы!» (Коммерсантъ; 19.11.2010).

При помощи выражения *даже китайцы* часто эксплицируется стереотип о бедности и плохих условиях жизни китайского народа. Частица *даже* противопоставляет китайцев представителям других этносов:

Мясо — дорогое удовольствие, даже китайцы не всегда могут позволить себе говядину и баранину (МК; 10.02.2020);

Большинство народа живет в таких условиях, в которых ни один европеец, ни один американец, ни один японец... даже китаец не мог бы выжить (Известия; 07.09.2005);

Даже китаец со средним уровнем дохода предпочитает не вызывать врача, потому что это накладно (Звезда (Пермь); 05.09.2013).

Негативный характер имеет стереотип о склонности китайского этноса к воровству, склонности китайцев к обману:

В этом плане даже китайцы стали честнее (Золотой Рог (Владивосток); 06.04.2004).

2. Сравнение свойств человека с «эталонным» представителем этноса.

В словосочетании *настоящий китаец / настоящие китайцы* (318 док.). прилагательное *настоящий* имеет следующие значения, с помощью которых воссоздается эталонный образ китайца: 1) «Подлинный, действительный, не поддельный»; 2) «Действительно такой, какой должен быть; представляющий собой лучший образец, идеал чего-н» [\[15, с. 496\]](#).

Выделяется трудолюбие китайцев и их ответственное отношение к работе:

У настоящих китайцев хорошая квалификация и крайне ответственное отношение к производству (Недвижимость и строительство Петербурга; 08.06.2015).

Выражение *настоящий китаец* может иметь ироническую тональность, когда речь идет о стереотипном образе Китая как производителя контрафактных товаров, подделок под западные бренды:

Говорят, настоящий китаец, помимо традиционных фанзы, сына и мандаринового дерева, должен за свою жизнь вырастить еще и кроссовки «Абудас», тренировочные штаны «Найка» и магнитофон «Парасоник» (Сургутские ведомости; 07.02.2005).

Стоит отметить наличие стереотипов о китайцах с нейтральной смысловой окраской. Коллокация *настоящий китаец* используется для воссоздания внешнего облика китайцев и их традициях:

Ожидали увидеть настоящих китайцев, вероятно, в шелковых халатах, с косичками, с веерами и зонтиками в руках (Российская газета; 29.07.2004);

Потом я привык и уже ел палочками, как настоящий китаец (Мещерская Сторона (Рязань); 15.09.1999).

3. Этностереотипы выражаются через обобщение и гиперболизацию свойств с использованием кванторных слов *все, каждый, любой*.

Словосочетания *все китайцы* (3101 док.) и *каждый китаец* (1433 док.), игнорируя личностную индивидуальность, утверждают общность расхожих стереотипных черт:

Самые банальные стереотипы: **все китайцы на одно лицо, у них низкий рост, едят только рис, не пьют молоко и алкоголь, все занимаются боевыми искусствами** (Байкальские зори; 22.08.2019);

А он **улыбается радостно, как все китайцы** в разговоре, и ласково спрашивает: «Вам с собой завернуть или здесь поджарить?..» (Новая Сибирь; 28.10.2000);

Надо сказать, что мнение, будто **все китайцы едят только острую пищу, сплошной рис или всякую экзотику вроде жареных кузнечиков, змей и кошек**, не более чем стереотип (Эхо планеты; 27.07.2007).

Обобщение и гиперболизацию стереотипных черт вербализирует и словосочетание **каждый китаец**:

Специфика китайской медицины – предотвращение заболеваний, пока они ещё не появились: **каждый китаец** с детства привык постоянно принимать **нужные для здоровья травы** (АиФ; 31.05.2006);

Все разумно. У них же не православие в основе, а конфуцианство. Учение с идеей целесообразности в основе. **Целесообразие** – вот что у **каждого китайца** в голове (АиФ; 11.02.1999);

Каждый китаец знает начало «Бесед и суждений» **Конфуция**: «Учиться и повторять выученное – это ли не радость!» (Дружба народов; 15.08.2012);

Кроме того, в душе **каждый китаец**, как я уже говорил, **предприниматель, делец**, и если есть возможность разбогатеть, он ее постарается не упустить (Деловой журнал Профиль; 17.03.2008) .

В словосочетании **любой китаец** (370 док.) местоименное прилагательное **любой** также имеет «обобщительное» (А.М. Пешковский) значение, подчеркивающее характерные для китайского народа качества или действия:

Любой китаец производит больше, чем съедает (АиФ; 20.01.2016);

Любой китаец умеет заниматься и занимается тайцзицюань – дыхательно-двигательной гимнастикой, доступной здесь любому от мала до велика... (Дружба народов; 15.02.2016);

Разбудите ночью любого китайца, и он с легкостью назовет «пять принципов добродетельного мужа», то есть **пять основных этических принципов конфуцианства** (Известия; 19.10.2006).

4. Русский язык изобилует фразеологизмами и пословицами, которые отражают различные культурные стереотипы. В частности, выражения, связанные с Китаем и китайцами, часто используются в повседневной речи и имеют свои специфические коннотации. Рассмотрим несколько таких фразеологизмов: **хитрый, как сто китайцев, китайцы на одно лицо, один(старый) мудрый китаец**.

Хитрый, как сто китайцев

Данный фразеологизм используется для описания человека, который проявляет особую хитрость и изворотливость. Сравнение хитрого человека с китайцем подчеркивает стереотипное представление о том, что китайцы, якобы, обладают выдающимися способностями к манипуляциям. Важно отметить, что такие обобщения не всегда

отражают действительность и могут приводить к предвзятости [\[1, с. 119\]](#). Например:

*Её родители: суровая, с профилем римского императора, молдаванка баба Аня и **хитрый, как сто китайцев**, хохол* (Народная газета Московского региона; 23.01.1999);

*Как только её ни пытались изловить. И давилки ставили, и петли, и капканы... Всё едино — пшик. **Хитрая, как сто китайцев*** (Каргополье; 04.08.2022).

Китайцы на одно лицо

Выражение отражает распространенный межкультурный стереотип в русском языке. Оно не только демонстрирует чрезмерное обобщение внешности китайцев, но и выявляет «эффект другой расы» (other-race effect) в межрасовом распознавании лиц. Исследования показывают, что людям обычно легче распознавать и различать лица своей расы, в то время как способность распознавать лица других рас снижена [\[2, с. 143\]](#). Например:

*Все шло отлично, коммерсанты даже не трудились переклеивать в паспортах фотографии, поскольку были уверены: для наших пограничников **все китайцы на одно лицо*** (Иностранец; 13.08.2002).

Предполагаемая неспособность пограничников различать китайских граждан не только отражает стереотип, но и указывает на потенциальные проблемы в системе безопасности, основанные на расовых предубеждениях.

*Оказалось, что я перепутал и торговца, и лоток. Смущенно потупив взор, я выбрался из толпы, с остервенением продолжая про себя повторять: **Все вы китайцы на одно лицо*** (Семья; 20.12.2000).

Здесь выражение используется как эмоциональная реакция на личную неспособность различить конкретных людей.

Оба примера иллюстрируют, как стереотип может влиять на межличностные взаимодействия и даже на институциональные практики.

Для преодоления подобных стереотипов необходимо повышать осведомленность о других культурах, формировать позитивное восприятие других народов, а также увеличивать возможности межкультурного взаимодействия и диалога культур [\[16, с. 431; 22, с. 248\]](#). Позитивный межкультурный контакт способствует снижению предрассудков и улучшению межгрупповых отношений.

Один(старый) мудрый китаец

Данное выражение обычно используется при раскрытии изречений китайских мыслителей [\[13, с. 124-125\]](#) и означает наличие у китайцев жизненной мудрости, их склонности к философствованию, что связано с популярностью в России китайской философии. При помощи фразеологизма *один (старый) мудрый китаец* рассказываются философские притчи:

*На глаза попалась **притча про старого мудрого китайца**, который как-то сказал своему другу: «Этим примером я хотел тебе показать правду жизни: если ты ищешь в комнате только коричневые вещи, а в жизни — только плохое, то ты и будешь видеть только их, замечать исключительно их, и только они будут тебе запоминаться и участвовать в твоей жизни».* (Кубанские новости; 19.02.2016).

Фразеологизм *один (старый) мудрый китаец* сказал в некоторых случаях используется для передачи бытовых мудростей. Например:

Давным-давно **один мудрый китаец** сказал: «Китайская кухня имеет ту же значимость в мире вкусовых ощущений, что и европейская музыка в мире звуков» (События (Протвино); 16.03.2007).

5. Сравнительные обороты *трудолюбивы, как китайцы; вежливы, как китайцы и умные, как китайцы* отражают общественные стереотипы о характерных чертах представителей этой нации:

Все опрятны, как немцы, трудолюбивы, как китайцы, одинаково зажиточны и дружелюбны (Дружба народов; 15.02.1997);

Русские не стараются всеми силами избежать спора, как англичане или немцы, не отмалчиваются, как финны и эстонцы, не улыбаются вежливо, как китайцы и японцы (Наш современник; 31.08.2016).

6. Атрибутивные словосочетания с прилагательными, образованными от этнонима, и именами свойств человека представляют собой коллокации, комбинации двух или более слов, регулярно встречающихся в языке [4, с. 137].

В российских СМИ *китайская мудрость* (2183 док.) наиболее часто используется для представления стереотипов о китайцах и их культуре:

Как гласит древняя китайская мудрость, «сила побеждает иногда, а справедливость побеждает всегда» (Известия; 03.11.2021);

Есть, кажется, такая китайская мудрость: «живи быстро – умри молодым». Только вряд ли от этого становится легче (МК; 29.10.2002);

Китайская мудрость гласит: «Наступи на хвост Тигру, и если он не укусит тебя, впереди – свершение» (Деловой журнал Профиль; 22.12.1997).

Словосочетание *китайская мудрость* воспринимается как символ вдумчивости, подчеркивающий философскую и культурную глубину китайского подхода к жизненным ситуациям.

Для экспликации этнических стереотипов в российских СМИ также используется коллокация *мудрые китайцы* (770 док.). Мудрость как одна из характерных черт китайского народа в одних контекстах может пониматься как «глубокий ум, опирающийся на жизненный опыт» [15, с. 464]. Выражение *мудрые китайцы*, подчеркивающее жизненную философию и жизненный опыт нации, выступает в одном синтагматическом ряду с глаголами *говорить, утверждать, считать*. Такие контексты отличаются положительной коннотацией:

Мудрые китайцы говорят: чтобы себя хорошо чувствовать, надо в день делать десять тысяч шагов (Вечерний Челябинск; 14.05.2010);

Мудрые китайцы считают, что только так и проходит вся наша жизнь (Труд; 13.01.2007);

Как **утверждают мудрые китайцы,** долгий путь в десять тысяч ли — и тот начинается с первого шага (Еврейское слово; 30.09.2009).

Представления о мудрости китайцев в других контекстах часто связаны с их хитростью и изворотливостью, склонностью к обману, что также выражается при помощи коллокации *мудрые китайцы*. Такие контексты чаще всего имеют негативную коннотацию:

*За дружественными реверансами **мудрые китайцы**, как правило, **скрывают собственный интерес** и готовы торговаться до последнего* (Российская газета; 09.11.2006);

*Вот так **мудрые китайцы** на протяжении многих веков **обманывают** своего наивного Цзаована* (Вечерний Томск; 29.01.2014).

В российских СМИ частотно выражение *трудолюбивые китайцы* (488 док.). По данным социологических опросов, представления о трудолюбии остаются наиболее распространенным стереотипом о китайцах среди россиян [8, с. 238]. При помощи выражения *трудолюбивые китайцы* эксплицируется положительный стереотип о трудолюбии представителей китайского этноса, о высоком уровне их работоспособности:

Рекорд** в этой сфере **поставили трудолюбивые китайцы (Известия; 07.08.2008);

Только за первый день** кампании **трудолюбивые китайцы уничтожили около 2 тыс. назойливых насекомых (Наша Версия; 16.07.2007);

*Все эти факторы позволили **трудолюбивым китайцам оставить нашу некогда экономически сильную страну далеко позади*** (Южноуральская панорама; 26.06.2004);

***Трудолюбивые китайцы получали хорошую прибыль** и приносили деньги станице* (Коммерсантъ-Деньги; 16.11.2015).

7. Слова, в свернутой форме негативно оценивающие черты представителей других этносов. Часто они носят дискриминационный и унижительный характер, например: жаргонное *китаёза*.

Для экспликации стереотипов о китайцах используется разговорная единица *китаёза*, образуемая от этнонима, см. толкования в словарях разговорной речи: «Китаёза – китаец» [6, с. 58]; «Уничиж. разг.-сниж. О китаёзе» [14, с. 257].

В СМИ слово *китаёза* (329 док.) обычно употребляется как устаревшее:

*Весь этот ужас и начал персонифицироваться в тех, кого **еще вчера снисходительно, добродушно-презрительно называли «ходящими», «китаезами», «узкоглазыми»*** (Дружба народов; 15.12.2022);

Уинстон Черчилль, например, называл жителей Поднебесной «китаезами» и отказывался предоставить Пекину место в Совете Безопасности ООН (Профиль; 23.09.2009).

С другой стороны, слово *китаёза* не вышло из употребления. Лексема *китаёза* обычно эксплицирует негативные стереотипы о китайском народе. Например, стереотипные представления о глупости, хитрости и злом характере китайцев:

*Япошки — и мерзавцы, и наглые ловкачи. **Китаезы — идиоты и болваны*** (Огонек; 24.08.2015);

*Даже если это **хитрый и злой китаёза*** (Новый мир; 16.03.2005).

Функция названия китайцев китаёзами предполагает употребление их в синтаксически обусловленном (в позиции предикативного центра), квалификативно-оценочном [\[5, с. 25\]](#) значении, в функции уничижительного бранного слова по отношению к некитайцу:

– *Ты профан, твой идеал – Китай, ты – **китаеза**!* (Независимая Газета; 25.02.2011);

В детстве меня **дразнили китаезой** (Трибуна; 24.03.2006).

8. Другим распространенным средством экспликации стереотипных представлений о китайцах являются анекдоты [\[12, с. 148\]](#). Именно анекдоты обычно отражают наиболее укоренившиеся в сознании стереотипы [\[9, с. 219\]](#).

Наш материал показывает, что самыми распространенными являются анекдоты о многочисленности китайского этноса, которые обычно не имеют негативно-оценочной окраски и констатируют в шутливой тональности факт перенаселенности Китая:

В Интернете даже появились анекдоты, что **китайцам мало места на Земле**, но они нашли выход (Аргументы и факты; 23.06.2004);

Как в старом анекдоте про **китайцев**: «прорываемся **небольшими группами, по два-три миллиона**» (Профиль; 29.03.2004);

В качестве инвестиции Китай собирается **вложить в Россию сто миллионов китайцев** (АиФ – Дальний Восток; 15.08.2018);

Когда **китайцы дерутся** район на район, **драку видно из космоса** (Комсомольская правда (Иркутск); 25.04.2016);

Если русский мужчина за жизнь должен родить сына, построить дом и посадить дерево, то **настоящий китаец должен в жизни посадить десять деревьев и построить десять домов** — в общем, как-нибудь отвлечься... (Коммерсантъ-Деньги; 10.05.2010).

Встречаются анекдоты о низком качестве китайских товаров:

Китайский менеджер продал душу дьяволу. Через неделю она сломалась.. (АиФ; 08.08.2012);

о Китае как мировом производителе товаров:

Ну вот, например, такой анекдот: **Бог создал человека, а все остальное создали китайцы** (Комсомольская правда; 16.06.2011).

Внешнее сходство китайцев с точки зрения европейцев также подвергается иронии и высмеиванию:

Есть подозрение, что **за китайцев выступает один и тот же спортсмен** (Комсомольская правда; 09.08.2016).

Я работаю с парнем из Китая, которого зовут Ким, и однажды, когда мы выпивали в баре, я спросил у него: – Ким, тебя когда-нибудь задевало, что белые говорят: «**Все китайцы на одно лицо**»? Он ответил: — **Ким сейчас дома, я его жена** (АиФ; 31.07.2019).

Заключение

Анализ способов языкового выражения стереотипов о китайцах в российских СМИ

выявляет сложные и тонкие взаимосвязи между языком, культурой и социальным познанием. Российские СМИ используют различные языковые средства для выражения стереотипов о китайцах, включая сравнительные конструкции, устойчивые словосочетания, идиомы и разговорные выражения. Эти способы выражения не только отражают глубокое укоренение стереотипов в языке, но и демонстрируют сложность межкультурного восприятия. Примечательно, что эти стереотипы включают как положительные аспекты (такие как трудолюбие, мудрость), так и отрицательные (такие как хитрость и низкое качество товаров). Эта противоречивость подчеркивает важное влияние культурных различий на формирование стереотипов и напоминает нам о важности расширения культурного обмена и понимания для устранения предрассудков.

СМИ играют ключевую роль в распространении и усилении стереотипов. Повторное использование определенных выражений может непреднамеренно усиливать некоторые стереотипы. Однако мы также наблюдаем, что некоторые единицы (например, *китаёза*) считаются устаревшими, что указывает на эволюцию стереотипов во времени. Особенно примечательно, что шутки часто используются для распространения стереотипов, что может сделать их более приемлемыми и легкими для распространения. Эти выводы не только раскрывают динамическую природу стереотипов, но и подчеркивают важность критического мышления при восприятии стереотипной информации.

Значение этого исследования выходит за рамки лингвистики и культурологии, имея важные последствия для межкультурного общения между Китаем и Россией. Эти стереотипы могут как способствовать пониманию, так и вызывать недоразумения, поэтому сохранение открытого отношения и избегание чрезмерных обобщений становится особенно важным в межкультурном общении.

Библиография

1. Абрамова В. И., Архангельская Ю. В. Инокультурные топонимы, этнонимы и их дериваты в русской лексике и фразеологии: символы, эталоны, стереотипы, лингвокультурные коды // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2021. №. 1 (5). С. 115-124.
2. Ананьева К. И. «Эффект другой расы»: теоретические концепции, исследовательские инструменты, экспериментальные данные // Экспериментальная психология. 2021. Т. 14. №. 4. С. 142-163.
3. Бартминский Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике. М. : Индрик, 2005. 512 с.
4. Захаров В. П., Хохлова М. В. Анализ эффективности статистических методов выявления коллокаций в текстах на русском языке // Компьютерная лингвистика: по материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 26-30 мая 2010 г.). М. : Изд-во РГГУ, Т. 9 (16), 2010. С. 137-143.
5. Золотова Г. А. Синтаксический словарь: репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М. : Наука, 1988. 440 с.
6. Крысин – Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 2. К-О / РАН. Институт русского языка им. В. В. Виноградова, Отв. ред. Л. П. Крысин. М. : Издательский Дом ЯСК : Языки славянской культуры, 2017. 861 с.
7. Крысин Л. П. Этностереотипы в современном языковом сознании: к постановке проблемы // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности. М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2005. С. 450-455.
8. Лю Ц. Исследование имиджа Китая в России // Теории и проблемы политических исследований. 2022. Т. 11. №1А. С. 234-240.
9. Манцаева А. Н., Батаева Д. Н. Этнические стереотипы в межкультурной коммуникации

- // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8. №. 2 (27). С. 218-221.
10. Маслова В. А. Лингвокультурология : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М. : Издательский центр «Академия», 2001. 208 с.
11. Мучкина Е. С. Этнические стереотипы и их отражение в семантике этнонимов // Филология и человек. 2010. №. 4. С. 107-118.
12. Пасевич З. В. Языковые средства выражения этностереотипов в текстах русских анекдотов о китайцах // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. №. 3-3 (105). С. 148-155.
13. Ся Ш. Китай, китайский, китаец в русской фразеологии // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2008. №. 2. С. 120-126.
14. Химик – Химик В. В. Большой словарь русской разговорной речи. М.: Норинт, 2004. 768 с.
15. Шведова – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН. Институт русского языка им. В. В. Виноградова, Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2011. 1175 с.
16. Barroinisrina R. R., Sadiyah E. E., Putri M. N., Astutu L. A. P., Sholihah J. Literature study: application of multicultural counselling in overcoming ethnic stereotypes // International Conference on Guidance and Counseling. 2024. Vol. 2. №. 1. P. 427-432.
17. Buzinova L. M., Voloshina T. G., Parnikova T. V., Chernova O. O. Ethnic Stereotypes' Reflection by Means of Modern Cinematography // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2023. Т. 42. №. 3. С. 505-514.
18. Cao Y., Wang D., Bai Y., Ru T. Effect of ethnic stereotype threat on academic performance: Experimental evidence from rural China // China Economic Review. 2024. Vol. 86. P. 1-18.
19. Kroon A. C., Trilling D., Raats T. Guilty by association: Using word embeddings to measure ethnic stereotypes in news coverage // Journalism & Mass Communication Quarterly. 2021. Vol. 98. Iss. 2. P. 451-477.
20. Levchenko V. V., Pavlenina T. Y. Ethnic stereotypes and prejudices of modern Russian youth // Вестник университета. 2024. № 3. С. 187-196.
21. Punti G., Dingel M. Rethinking race, ethnicity, and the assessment of intercultural competence in higher education // Education Sciences. 2021. №. 11. №. 3. P. 1-17.
22. Pushkina K. V., Pushkin A. A., Tenyakova E. A. Ethnic stereotypes and their influence on the formation of ethnocultural tolerance among chuvash students // 9th International Conference on Education & Education of Social Sciences: Abstracts & Proceedings E-publication, Istanbul (17-18 January, 2022). Istanbul, 2022. P. 240-248.
23. Salmina, N.G., Zvonova, E.V., Pestereva, N.A., Pham Hong Nhung Ethnic Stereotypes in the Perception of Advertising by Young People // Lomonosov Psychology Journal. 2023. № 46(4). P. 227-247.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования – комплексный анализ языковых средств выражения стереотипных представлений о китайцах в русском языке. Эмпирическим материалом послужила выборка языковых средств из российских СМИ за период с 1991 по 2024 гг., публикации были собраны с использованием поисковой базы данных Integrum. Исследование полученных данных позволил автору выявить и классифицировать языковые средства, выражающие стереотипные представления о китайском этносе в

русском языке.

Методология исследования основана на сочетании теоретического и эмпирического подходов с применением методов лингвистического анализа, обобщения, синтеза.

Актуальность исследования обусловлена важностью для современного общества выявления разнообразных феноменов языка и культуры и, соответственно, необходимостью их исследования. Этностереотипы, как устойчивые представления о том или ином этносе, оказывают влияние на межкультурную и межличностную коммуникацию, следовательно, неверное представление об ином этносе негативно сказывается на её эффективности. Кроме того, сегодня увеличивается интенсивность разноуровневого взаимодействия России и Китая, поэтому формирование корректного представления о китайском этносе дает возможность выстраивать эффективное и продуктивное партнерство.

Научная новизна связана с обоснованными выводами о частотности различных языковых средств выражения стереотипов о китайском этносе в российских СМИ: самыми частотными являются этностереотипы выражаются через обобщение и гиперболизацию свойств с использованием кванторного слова все и атрибутивные словосочетания с прилагательными, образованными от этнонима, и именами свойств человека представляют собой коллокации – китайская мудрость. Иллюстративные примеры использования языковых средств в публикациях отражают глубокое укоренение стереотипов в языке.

Стиль изложения научный, структура, содержание. Статья написана русским литературным языком. Структура рукописи включает следующие разделы: введение (автор уточняет, что в работе гетеростереотипы анализируются как устойчивые представления о другом этносе, и ставит целью выявление и классификация языковых средств, выражающих стереотипные представления о китайцах в русском языке, на основе анализа данных из российских СМИ); материалы и методы исследования (указываются источники эмпирического материала и способы его сбора, автор указывает, что основывался на классификации языковых средств, предложенной Л.П. Крысиным); результаты исследования (автор наглядно демонстрирует как языковые средства эксплицируются этностереотипы в российских СМИ, приводит данные о частотности использования различных языковых средств, отмечает наличие как позитивных стереотипов (трудолюбие, мудрость), так и негативных (хитрость и низкое качество товаров); заключение (выводы); библиография (включает 23 источника отечественных и зарубежных авторов). Содержание в целом соответствует названию.

Выводы, интерес читательской аудитории

Для большей наглядности и лучшего восприятия результатов анализа эмпирического материала было бы хорошо добавить в статью диаграмму или таблицу с частностью языковых средств выражения стереотипных представлений о китайцах в русском языке, а также привести данные об общем объёме проанализированных публикаций. В заключение также можно добавить данные о наиболее и наименее частых языковых средствах. Библиографические описания некоторых источников нуждаются в корректировке в соответствии с ГОСТ и требованиями редакции.

Исследование выходит за рамки лингвистики и культурологии, полученные результаты будут интересны тем, кто вовлечён в межкультурное общение между Китаем и Россией. Проведенный анализ эмпирического материала и иллюстративные примеры показали актуальное представление о китайском этносе в российских СМИ. Именно средства массовой информации играют ключевую роль в распространении и усилении стереотипов, соответственно исследование публикаций позволяет подтвердить или опровергнуть укоренившиеся стереотипы. В статье подчеркнута важность критического мышления при восприятии стереотипной информации, это позволяет сформировать

корректный имидж этноса, что необходимо для эффективной межкультурной коммуникации.

В целом рукопись соответствует основным требованиям, предъявляемым к научным статьям. Материал представляет интерес для читательской аудитории и после доработки может быть опубликован в журнале «Филология: научные исследования» (рубрика «Лингвистика»).

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Готовцева А.Г. Журналист в декорациях террора: Камиль Демулен и газета «Старый Кордельер» // Филология: научные исследования. 2024. № 10. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.10.72033 EDN: VECVFU URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72033

Журналист в декорациях террора: Камиль Демулен и газета «Старый Кордельер»

Готовцева Анастасия Геннадьевна

доктор филологических наук

профессор; кафедра журналистики и телевизионных технологий; Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина
ведущий научный сотрудник; Институт научной информации по общественным наукам РАН

125993, Россия, г. Москва, ул. Садовническая, 33, стр. 1

✉ brunhilda@yandex.ru

[Статья из рубрики "Коммуникации"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2024.10.72033

EDN:

VECVFU

Дата направления статьи в редакцию:

17-10-2024

Дата публикации:

24-10-2024

Аннотация: В статье впервые в отечественной науке о журналистике излагается подробная история газеты Камиля Демулена «Старый кордельер» в историко-политическом контексте якобинского террора. Подробно рассматривается содержание семи номеров газеты, делается попытка раскрыть выстраиваемую Демуленом политическую концепцию издания в его споре лидером крайне левых Жаком Эбером, а также всеильным диктатором Максимилианом Робеспьером. Первые номера «Старого кордельера» вполне удовлетворяли Робеспьера, потому что метили в Эбера и проповедуемый им культ Разума. Однако постепенно смысл демуленовских текстов стал меняться. Журналист стал писать о недостатках всей машины государственного террора и в конце концов неизбежно критиковать Робеспьера, своего товарища юности. Уже

своим третьим номером Демулен вызвал недовольство политических Клубов якобинцев и кордельеров, из которых спустя короткое время он был исключен. Шестой номер задержал издатель Десенн, требуя изъять самые острые фрагменты. А седьмой номер газеты, за редактированием которого Демулена застал арест, вышел лишь после Термидора, да и то с сокращениями. Основными методами данного исследования являются метод качественного контент-анализа, метод дискурсивного анализа, а также биографический метод. По итогам исследования делается вывод о том, что политические взгляды Демулена, которые в начале Революции были достаточно радикальными, на фоне террора претерпели значительную эволюцию. Именно для того, чтобы оказывать влияние на события, он вернулся в журналистику и вновь стал издавать собственную газету — занятие, которое оставил, когда отошел от издания периодической брошюры «Революции Франции и Брабанта». Талантливый журналист, Демулен выстраивал тексты своих номеров используя «эзопов» язык и иносказательные образы, которые, однако, были вполне понятны современникам. Политическая позиция Демулена становилась все более непримиримой к правительственной террористической политике. В конце концов борьба с Робеспьером с газетных страниц привела к тому, что Демулен оказался на гильотине.

Ключевые слова:

Французская революция, Демулен, Эбер, Робеспьер, газетная полемика, кордельеры, якобинская диктатура, Старый кордельер, Папаша Дюшен, террор

Введение

После изгнания жирондистов из Конвента и убийства Марата (*фр.* Jean-Paul Marat, 1743–1793) в рядах якобинцев начали проявляться противоречия. К осени 1793 г. революционному правительству Робеспьера противостояли два течения. Умеренные, возглавляемые Жоржем Дантоном (*фр.* Georges Jacques Danton, 1759–1794) и Камилем Демуленом (*фр.* Lucie-Simplice-Camille-Benoît Desmoulins, 1760–1794), призывали к отказу от террора. Дантону приписывают крылатую фразу: «Кто слишком долго делает революцию, рискует не воспользоваться ее плодами». Радикально левые в главе с Жаком-Рене Эбером (*фр.* Jacques-René Hébert, 1757–1794) считали, что репрессии недостаточны и завоевания Революции в опасности.

Каждая группа имела свой печатный орган. Газета Демулена называлась «Старый кордельер». Эбер же продолжал издавать неизменного «Папашу Дюшена» (*фр.* Le Père Duchesne), рожденного в самом начале Революции. В конце 1793 — начале 1794 гг. между изданиями развернулась борьба, которая привела в итоге к гибели обоих авторов.

Всесильный диктор Робеспьер (*фр.* Maximilien Marie Isidore de Robespierre, 1758–1794) стоял как бы над схваткой, лавируя между течениями и пытаясь использовать оппонентов друг против друга, что, впрочем, не спасло от гильотины.

Свою газету «Старый кордельер» (*фр.* Le Vieux Cordelier) Демулен начал издавать в декабре 1793 г. Само название имело антиэберовскую коннотацию: Клуб кордельеров в глазах Демулена имел ценность только в своем «старом» воплощении, то есть до того, как с начала 1791 г. туда стали проникать эбертисты. Первоначально газета должна была выходить раз в пять дней (два раза в декаду). Но в декабре вместо шести вышло пять номеров. Шестой, хотя и был помечен 25 декабря 1793 г. (5 нивоза II года), вышел

лишь в начале февраля 1794 г. Последний же, седьмой, помеченный 3 февраля 1794 г. (15 плювиоза II года), набранный и готовый к печати, так и не вышел при жизни автора. Демулен был арестован, а номер был впервые опубликован его типографом Виктором Десенном (Victor Desenne, до 1752 – после 1815) в июне 1795 г. с изъятием неугодных Термидорианскому конвенту фрагментов текста, содержащих критику Робеспьера.

Нумерация страниц для всех номеров была сквозной с несколькими сбоями. Каждый номер содержал одно эссе на ту или иную тему, поэтому газета представляла из себя скорее периодический памфлет, нежели газету в современном смысле этого слова, что, впрочем, в ту эпоху отнюдь не было редкостью. Но острота материалов, их злободневность и неповторимый стиль Демулена выделяли листки среди собратьев. Историк литературы Эжен Марон утверждал, что «"Старый кордельер", погубивший Камиля Демулена и возведший его на гильотину, является, быть может, самым красноречивым сочинением, произведенным революцией, без сомнения, до и после журналистика не дала ничего, что можно было бы сравнить с ним» [\[1, p. 265\]](#).

Демулен решил вернуться в журналистику спустя полтора года после закрытия своей газеты «Революции Франции и Брабанта» (*фр.* Révolutions de France et de Brabant), заявив: «У нас больше нет газеты, которая бы говорила правду, по крайней мере, всю правду. Я выхожу на арену со всей откровенностью и смелостью, которыми я известен» [\[2, p. 4-5\]](#). Это решение было, так сказать, «партийным», принятым совместно с Дантоном.

Эпиграфом своего издания Демулен выбрал известный девиз Якобинского клуба «Жить свободным или умереть» (*фр.* Vivre libre ou mourir), который был внесен в текст Конституции 1791 г. Эта максима оказалась для Демулена пророческой: не добившись ослабления террора, он погиб на гильотине.

Методология, актуальность, новизна

Методология проведенного исследования имеет комплексный характер, при котором были использованы общенаучные методы анализа и синтеза, биографический метод, сравнительно-исторический и описательный методы, а также метод дискурсивного анализа, который сочетает изучение лингвистических особенностей текста источника и различных экстралингвистических аспектов.

Данную статью можно считать не только первым опытом подробного изложения в отечественной науке о журналистике истории журнала «Старый Кордильер», но и начальным подходом к анализу языковой личности и образа автора [\[3: 4\]](#), то есть Демулена, как революционера и журналиста. Деятели переломных, судьбоносных эпох, каковой является, безусловно, эпоха Французской революции, в этом смысле представляют несомненный интерес, т. к. их языковая личность и ее тезаурус складываются в экстраординарных быстро меняющихся обстоятельствах [\[5\]](#). Однако на всеобъемлющий анализ языковой личности Демулена статья не претендует, т. к. рассматривает лишь ограниченный комплекс демуленовских текстов — одно из его периодических изданий. Кроме этого, исследовательская оптика автора была сосредоточена скорее на историческом аспекте журналистского творчества, нежели в вопросах медиалингвистики.

Первый номер: эбертисты и Питт

В первом номере издание предупреждало об опасностях для Франции, исходящих от европейских стран, особенно Англии, главного врага Французской революции. Демулен

утверждал, что разногласия среди революционеров — дело рук английского правительства и лично первого министра Уильяма Питта-младшего (*англ.* William Pitt the Younger, 1759–1806). Здесь, не называя имен, он говорил о некой «иностранной партии» (*фр.* le parti de l'étranger), члены которой нападают на Дантона, «нашего извечного председателя старых кордельеров», за что получают «гинеи от Питта» [2, p. 2-3]. Героем пассажа предстает Робеспьер, защитивший Дантона в своей речи в Якобинском клубе, где того обвиняли по многим пунктам, в том числе в таковом же сотрудничестве с иностранными державами (Варианты речи см.: [6, p. 219-225]). Номер «Старого кордельера» вышел всего через два дня после робеспьеровской речи. В нем Демулен использует классический аргумент апелляции к личности *argumentum ad hominem tu quoque* (и ты тоже), именно поэтому в тексте и возникает «иностранная партия», состоящая соперников-эбертистов.

Упоминание Питта как было подвело Демулена к рассуждениям о свободе печати в двух странах и заставило с горечью заметить: «Год назад мы с полным основанием высмеивали так называемую свободу англичан, у которых нет неограниченной свободы печати; и все же какой добросовестный человек осмелится сравнить сегодняшнюю Францию с Англией в вопросе свободы печати? Посмотрите, как смело «Morning Chronicle» атакует Питта и военные действия! Какой журналист во Франции осмелился указать на ошибки наших комитетов, и генералов, и якобинцев, и министров, и коммун, как оппозиция указывает на ошибки британского министерства? А я, француз, я Камиль Демулен, я не так свободен, как английский журналист!» [2, p. 5].

Но виноват в ограничениях свободы печати отнюдь не Робеспьер, которого Демулен превозносит, а те же оплачиваемые Питтом эбертисты, требующие ужесточения террора.

Робеспьеру новый периодический листок пришелся по душе: он вполне вписывался в его риторику и в его ближайшие намерения — расправиться с эбертистами. Он обратился к своему другу юности Демулену с просьбой принять участие в издании. И второй номер, вышедший 20 фримера II года (10 декабря 1793 г.) отмечен всеми признаками прямого участия лидера якобинцев [7, p. 547]. Это была пропаганда культа Верховного Существа и атака на эбертистский культ Разума, дискредитацией которого Робеспьер в тот период активно занимался.

Второй номер: Анахарсис, Анаксагор и Фридрих-Вильгельм II

Едва ли не главным объектом нападков второго номера становится Анахарсис (настоящее имя Жан-Батист) Клоотс (*фр.* Anacharsis (Jean-Baptiste) Cloots, 1755–1794), голландец по происхождению, детство и молодость проведший в Пруссии и имевший титул прусского барона. Это давало Демулену риторическую возможность видеть во главе заговора против Французской Республики прусского короля Фридриха-Вильгельма II (*нем.* Friedrich Wilhelm II. von Preußen, 1744–1797), как до этого английского премьер-министра Питта. Еще одним антигероем номера был Пьер-Гаспар Шометт, взявший себе античное имя Анаксагор (*фр.* Pierre-Gaspard (Anaxagoras) Chaumette, 1763–1794), прокурор-синдик Парижской коммуны. Оба они обвинялись в контрреволюционности: «Анахарсис и Анаксагор будут думать, что вращают колесо разума в то время, как это будет колесо контрреволюции» [8, p. 2].

Пока Демулен метил в Эбера и других ультрареволюционеров, которые хотели взять власть в свои руки, внедряя собственную идеологию и пытаясь вытеснить остальных, Робеспьер не имел ничего против газеты, его цели вполне согласовывались с тем, о чем

она писала. Но постепенно направленность газеты стала меняться.

Третий номер: «Подозрителен!»

В третьем номере, вышедшем еще 5 дней спустя после второго, 25 февраля II года, «Старый кордельер» поставил под сомнение саму систему террора и принципиальную необходимость революционного правительства. Цитируя и интерпретируя, вольно размещая и пересказывая Тацита, а также Саллюстия, Светония и Цицерона, Демулен вывел под масками римских императоров-тиранов портреты политических деятелей революционной эпохи. Жертвы эпохи Октавиана, Клавдия, Нерона и Калигулы проецировались на жертв террора при Якобинском конвенте. Рассуждения о древнеримской «подозрительности» очень напоминали современность: «Все возбуждало беспокойство тирана. Гражданин был популярен? Он был соперником властителя, могущим спровоцировать гражданскую войну. <...> Подозрителен.

Напротив, вы скрывались от популярности и оставались у домашнего очага? Эта уединенная жизнь делала вас заметным и привлекала внимание. <...> Подозрителен.

Вы были богаты? В этом была опасность того, что народ развратится вашей щедростью. <...> Подозрителен.

Вы были бедны? Как бы не так! Непобедимый император, нужно более пристально следить за этим человеком, нет никого более предприимчивого, чем тот, у кого ничего нет. <...> Подозрителен.

У вас мрачный, меланхолический характер или небрежный туалет? Что вас больше всего удручает, это то, что общественные дела идут хорошо. <...> Подозрителен.

Если, напротив, гражданин предался праздности и пресыщению, он развлекался только потому, что у императора был приступ подагры, который, к счастью, обошелся, надо было дать ему почувствовать, что император еще во цвете сил. <...> Подозрителен.

Был ли он добродетельного и строгого нрава? Прекрасно! Новый Брут, который своей бледностью и якобинским париком заявлял о праве осуждать любезный и добротой завитой двор. <...> Подозрителен.

Был ли он философом, оратором или поэтом? Он вполне соглашался иметь больше славы, чем слава тех, кто правил! Возможно ли стерпеть, чтобы с четвертого яруса больше внимания уделялось автору, нежели императору в его решетчатой (здесь, вероятно, игра слов: фр. grillé — решетчатый, одновременно обозначает провалившийся, скомпрометировавший себя — А. Г.) ложе? <...> Подозрителен.

Наконец, доброе имя приобретено на войне? Своим талантом вы еще более опасны. С неспособным генером есть еще выход из положения. Если он предатель, он не сможет так хорошо сдать армию врагу, чтобы кто-нибудь не вернулся. Но офицер уровня Корбулона или Агриколы (Корбулон Гней Домиций (лат. Gnaeus Domitius Corbulō; ок. 7–67) — древнеримский военачальник, прославившийся во время Восточной кампании императора Нерона; Агрикола Гней Юлий (лат. Gnaeus Julius Agricola, 40–93) — выдающийся древнеримский полководец эпохи императора Веспасиана, тесть историка Тацита. — А. Г.), если бы он предал, ни один не убежал бы. Лучше всего было избавиться от него, по крайней мере, владыка, вы не можете уклониться от того, чтобы скорее удалить его из армии. <...> Подозрителен» [\[9, p. 32–34\]](#).

Для Демулена Тацит оказался настоящим кладом историй из политической жизни,

которые можно было экстраполировать на современную ему Францию, где преступление «контрреволюции» играло ту же роль, что и преступление «оскорбления величества» в Древнем Риме. Говоря о подозрительности, Демулен прямо метил в «Закон о подозрительных», принятый Конвентом в сентябре 1794 г. Однако в том же Конвенте вскоре поднялось противодействие ему: часть депутатов настаивала на необходимости письменного обоснования производимых арестов, после чего была принята соответствующая директива. Главными исполнителями «Закона о подозрительных» были революционные власти на местах, которые опротестовали его смягчение. Их поддержал Робеспьер и директива была отменена.

14 декабря (24 фримера) в Якобинском клубе состоялось чрезвычайное заседание, на котором обсуждали Демулена, речь шла о его исключении из Клуба. Журналиста обвиняли в безразличии к Революции и защите арестованного за контрреволюционную деятельность генерала Артура Диллона (Дийона, *фр.* Arthur de Dillon, 1750–1794). Робеспьер защитил своего старого товарища, заявив, что несмотря на приписываемые ему дружбу с Мирабо, связи с умеренными и восхищение мужеством жирондистов, он является настоящим республиканцем, и он был таковым «когда некоторые из сегодняшних великих патриотов трепетали, возможно, даже пресмыкались перед тираном. <...> Он оказал Революции большие услуги. Его энергичное и легкое перо может еще послужить ей с пользой, но, более осмотрительный в выборе друзей, он должен разорвать все договоры с нечестием, то есть с аристократией. В этих условиях я прошу допустить Камиля Демулена» [\[6, p. 253–255; 10, p. 560\]](#).

Четвертый номер: «Свобода — это счастье».

Через несколько дней, 20 декабря (30 фримера), вышел очередной, четвертый номер демуленовских листков. Здесь он не просто обсуждал неправомерность «подозрительности», но и заявлял о том, что ограничения свободы не должны иметь место, что то «состояние терпения» в ожидании свободы, о котором говорят его критики, не может являться оправданием для ее ограничения: «Некоторые, видимо, думают, что свобода, как и детство, должна пройти через крики и слезы, чтобы достичь зрелости. Напротив, свобода такова, что для того, чтобы ею наслаждаться, достаточно ее захотеть. Народ свободен до тех пор, пока он этого хочет. <...> У свободы нет ни старости, ни детства. У нее есть только один возраст — возраст силы и энергии. <...> Свобода, которую я обожаю, — это не неведомый Бог. Мы боремся за защиту благ, которые она немедленно передает во владение тем, кто ее призывает. Эти блага — декларация прав, мягкость республиканских правил, братство, святое равенство, нерушимость принципов. Вот шаги богини; вот черты, по которым я отличаю людей, среди которых она живет. И по какому еще знаку желают, чтобы я узнал эту божественную свободу? Пустое ли имя эта свобода? <...> Свобода — это счастье, это разум, это равенство, это справедливость, это декларация прав, это ваша величественная конституция!» [\[11, p. 50–51\]](#).

Главная мысль, к которой подходит Демулен после своих размышлений о свободе — мысль о том, что для достижения свободы вместо террора необходимо милосердие: «Хотите, чтобы я узнал ее, пал к ее ногам, пролил за нее всю свою кровь? откройте тюрьмы для тех двухсот тысяч граждан, которых вы называете подозреваемыми; ибо в декларации прав нет подозрительных домов; есть только дома предварительного заключения. У подозрения нет тюрьмы, но есть общественный обвинитель; нет подозрительных людей; есть только обвиняемые в преступлениях, установленных законом. И не верьте, что эта мера будет губительна для республики. Это будет самый революционный шаг, который вы когда-либо предпринимали.

Вы хотите истребить всех своих врагов с помощью гильотины. Но было ли когда-нибудь большее безумие? Сможете ли вы казнить на эшафоте хотя бы одного, не нажив при этом десять врагов из его семьи и друзей? Вы верите, что именно эти женщины, эти старики, эти доходяги, эти эгоисты, эти отставшие от революции, которых вы запираете, опасны? Из ваших врагов среди вас остались только трусы и больные. Смелые и сильные эмигрировали. Они погибли в Лионе или в Вандее; все остальное не заслуживает вашего гнева» [\[11, p. 51-53\]](#).

Античные и другие исторические аналогии, которыми так же, как и в предыдущем номере, в изобилии наполнены газетные страницы, на этот раз уже не уклончиво намекают, а прямо указывают на политическую ситуацию в революционной Франции и призывают к милосердию: «Столько примеров доказывает то, что я только что сказал, что милосердие, распределенное разумно, является самой революционной, самой эффективной мерой, тогда как террор — это всего лишь наставник на один день, как метко называет его Цицерон» [\[11, p. 58\]](#).

Формулируя явную антитезу кровавым Комитетам общей безопасности и общественного спасения, Демулен предлагает учредить комитет милосердия, который «завершит революцию; потому что милосердие есть тоже революционная мера, и самая действенная из всех» [\[11, p. 56\]](#). За поддержкой он общается к «старому другу», «дорогому Робеспьеру», убеждая его, что «любовь сильнее и долговечнее страха», и, пытаясь сблизить позиции, заявляет, что предложенная последним специальная комиссия из представителей обоих Комитетов для рассмотрения требований родственников арестованных «подозрительных» об их освобождении, фактически и есть предложенный тот самый комитет милосердия. Хотя, по утверждению Демулена, комиссию Робеспьера скорее следовало бы назвать комитетом справедливости.

Несмотря на примирительный и даже интимный тон «Старого кордельера», Неподкупный не мог быть доволен общим направлением газеты своего друга.

Третий и четвертый номера вызвали живейшую реакцию и стали предметом обсуждения в Клубах, Комитетах и в Конвенте. Так, присяжный заседатель Революционного трибунала и руководитель его типографии, член Комитета общественного спасения Шарль-Леопольд Николя (*фр.* Charles-Léopold Nicolas, 1757?–1794) на заседании Якобинского клуба 21 декабря обвинил Демулена в контрреволюционной деятельности, заявил, что он «издавна приближается к гильотине», и потребовал исключить из Клуба. К этому требованию присоединился Эбер, добавив, что автор «Старого кордельера», «с тех пор, как женился на богатой женщине, проводил время более с аристократами, которым часто покровительствовал», а вновь взявшись за перо, «занимается высмеиваем патриотов». После этого было решено пригласить Демулена на следующее заседание Клуба для ответов на выдвинутые против него обвинения. Для исследования всех вопросов, касающихся его и еще нескольких подозреваемых в контрреволюции, была создана специальная комиссия [\[10, p. 569-573\]](#). Нападки продолжались 23 декабря, когда радикальный депутат Конвента Жан Колло д'Эрбуа (*фр.* Jean-Marie Collot d'Herbois, 1749–1796), не называя имени Демулена, заявил, что переводить «древних историков», чтобы «предложить вам картину времени, в котором вы живете» непатриотично, и такой человек никогда не догонит Революцию, и 26 декабря, когда Эбер потребовал провести экспертизу «двух последних» номеров «Старого кордельера», третьего и четвертого [\[10, p. 577, 584\]](#).

Пятый номер: «Будьте осторожны; мы собираемся коснуться крайности».

Между тем, Демулен выпустил пятый номер газеты, который был помечен 5 нивоза (25 декабря). В этот день Робеспьер произнес в Конвенте речь «О принципах революционного правительства», в которой фактически был официально провозглашен террор и сформулированы основные его постулаты. Укажем в скобках, что пятый номер вышел в свет на одиннадцать дней позже и своей даты, и этой речи: 5 января 1794 г.: на заседании Якобинского клуба специальным письмом Демулен объявил о его выходе [\[7, p. 592\]](#).

Материал пятого номера был построен в форме «Большой оправдательной речи» перед якобинцами. Демулен, используя робеспьеровский образ корабля из вышеуказанной речи, в бурном море проходящего между двумя рифами, и объяснял, почему начал придерживаться «песчаной отмели умеренности». Слово *modérantisme* (модерантизм), используемое в революционном тезаурусе и переводимое как умеренность, существует в русском языке как термин. «Корабль Республики <...> плывет между двумя рифами: умеренностью и крайностью. — писал Демулен, — Я начал свою газету с политического исповедания веры, которое должно было обезоружить клевету. Я говорил вместе с Дантоном, что *выйти за рамки революции менее опасно и даже лучше, чем оставаться в ней* (курсив в тексте источника — А. Г.); что на пути, взятом судном, все же нужнее приближаться к скале крайности, чем к песчаной отмели умеренности. Но видя, что папаша Дюшен и почти все патриотически настроенные часовые стоят на верхней палубе со своими подзорными трубами и заняты только призывом: «Осторожно, вы прикасаетесь к умеренности», я, старому Кордельер и старейшина якобинцев, был вынужден взять на себя ответственность за трудную фракцию, чего никто из молодых людей не хотел, опасаясь стать непопулярным, фракцию призыва: «Будьте осторожны, вы рискуете коснуться крайности»; и это дело, за которое мне должны все мои коллеги по Конвенту — дело жертвовать даже своей популярностью для того, чтобы спасти корабль, на котором мой груз не был значительнее их груза. <...> Мне будет легко доказать, что я был вынужден взывать к кормчим государственного корабля: «Будьте осторожны; мы собираемся коснуться крайности». Робеспьер и даже Бийо-Варенн (Бийо-Варенн Жак-Николя (фр. Jacques-Nicolas Billaud-Varenne; 1756–1819) — революционер, влиятельный член «великого» Комитета общественного спасения, активный участник Термидорианского переворота) уже осознали эту опасность. Журналисту оставалось подготовить мнение, наглядно показать риф: именно это я и сделал в первых четырех выпусках» [\[12, p. 59–60\]](#).

В свою защиту Демулен ссылался на речь Робеспьера, в которой тот называл его «настоящим республиканцем», оказавшим «Революции большие услуги» и акцентировал внимание на том, что фактически именно благодаря ему, его выступлению в саду Пале-Рояль и состоялось взятие Бастилии, и затем собственно Революция. Отвечая Николя, Демулен писал: «Вы, Николя, имеющий влияние товарища, друга Робеспьера у якобинцев; вы, знающий, что мои намерения не являются контрреволюционными, как вы поверили пересудам, произносимым в некоторых кабинетах? как вы поверили им больше, чем речам Робеспьера, который следовал за мной почти с детства и который за несколько дней до того дал мне такое свидетельство, которое я противопоставляю клевете: что он не знал лучшего республиканца, чем я; что я был им по инстинкту, по чувству, а не по выбору, и что для меня невозможно даже было быть кем-то другим. Расскажите мне о ком-нибудь, о ком отзывались бы с большей похвалой?

Однако *тапдюры* (*tape-durs*) поверили Николя, скорее, чем Робеспьеру; и уже группками меня называют заговорщиком. Это правда, граждане. Вот уже пять лет я строю заговор, чтобы создать республиканскую Францию, счастливую и процветающую.

Я составил заговор ради вашей свободы задолго до 12 июля. <...> Я составлял заговор 12 июля, когда с пистолетом в руке призывал нацию к оружию и свободе, и я первый взял эту национальную кокарду, которую нельзя прикрепить к шляпе, не вспомнив обо мне [\[12, p. 64–65\]](#).

Тапдюры (от фр. *tape* — хлопок, шлепок и *dur* — твердый, жесткий, суровый, грубый) — банда головорезов, тайных агентов крайне левого революционера Станисласа-Мари Майяра (фр. *Stanislas-Marie Maillard*, 1763–1794). Эти люди, в качестве отличительных признаков носившие с собой мешок, веревку и сучковатую дубину, которой в насмешку дали название «Конституция», без всяких доказательств арестовывали «подозрительных», наводя ужас на парижан (см., напр.: [\[13, p. 6–7\]](#); [\[14, p. 3\]](#)). *Tape-Dur* часто переводят как Крепкий Кулак, называя так самого Майяра.

Далее Демулен отвечает другим своим оппонентам — Колло д'Эрбуа, Бертрону Барреру (фр. *Bertrand Barère de Vieuzac*, 1755–1841), с которыми он достаточно сдержан, называя конфликт с ними «всего лишь домашней ссорой с моими друзьями патриотами», и Эберу, в адрес которого отпускает резкие фразы, заявив, однако, что для атаки собирается использоваться только факты, а не оскорбления [\[12, p. 74\]](#).

«Луч надежды, которым я светил в глубине тюрем заключенным патриотам, — патетически замечал Демулен, — образ будущего счастья Французской Республики, который я заранее и до срока представил своим читателям, и одно имя комитета милосердия, которое я произнес, если хотите, напрасно для данного момента, одно это слово произвело на тебя, Эбер, действие хлыста фурий? Ты не смог смириться с мыслью, что однажды нация станет счастливой и народ братьями? Ведь одного этого слова милосердие, <...> тебе хватает, чтобы закипеть от ярости, впасть в чертов гнев, лишиться чувств, и дойти до безумия так, чтобы донести на меня перед якобинцами за то, что я женился, как ты говоришь, на богатой женщине» [\[12, p. 75\]](#).

Демулен доказывал, что, за все время своей популярности и даже пребывания на высокой должности в революционном правительстве не нажил себе никакого состояния, кроме того, что принесла ему в качестве приданного его жена, в отличие от Эбера, который, начав билетером в театре Варьете, теперь живет на широкую ногу. Главным аргументом для доказательства контрреволюционности «Папаши Дюшена» стала опубликованная в конце пятого номера «Старого кордельера» таблица сумм, якобы выделенных из казны на издание эберовской газеты военным министром Жаном-Батистом Бушоттом (фр. *Jean-Baptiste Noël Bouchotte*, 1754–1840), на которого Демулен нападал в третьем номере [\[9, p. 48\]](#), и которого Эбер, в свою очередь, защищал на заседаниях Якобинского клуба [\[10, p. 571\]](#). Указанные суммы эти несколько раз превышали затраты на заявленный тираж.

«Каково будет презрение граждан к этому нахальному папаше Дюшену, когда в конце этого номера 5 они узнают из выписки, взятой из казначейских книг, что лицемер, который упрекает меня в бесплатном распространении газеты, которую весь Париж бежит покупать, получил за один день в октябре прошлого года 60 тысяч франков у Мецената Бушотта за 600 тысяч экземпляров, и что, путем легкого сложения, читатель увидит, что негодяй Эбер только в этот день украл 40 тысяч франков у нации», — заявлял Демулен и утверждал затем, что листки Эбера сеют «по всей Франции плодородные семена мятежей и убийств». Оканчивался пятый номер «Старого Кордельера» похвалой Робеспьеру, который в своей речи «О принципах революционного правительства» «закрепил основные принципы нашей революции, на которых только

можно укрепить свободу и бросить вызов усилиям нынешних тиранов» [\[12, p. 77-711, 911, 991\]](#).

Следующий, шестой номер газеты должен был увидеть свет 10 нивоза, то есть 30 декабря, но так как в этот срок еще не вышел и пятый номер, шестой номер также задерживался, а ситуация вокруг Демулена и его издания продолжала накаляться. 5 января Колло д'Эрбуа предложил запретить выпуск «Старого Кордельера» [\[10, p. 593\]](#).

Кульминацией всех событий вокруг газеты стало 7 января, когда Якобинский клуб вновь собрался, и Робеспьер взял слово. Утверждая, что «Старый кордельер» — опасное и политически неблагонадежное сочинение, которое является оружием в руках аристократов и фейянов, он заявил: «Сочинения Камиля, вне всякого сомнения, достойны осуждения; но тем не менее мы должны ясно отличать человека от его произведений. Камиль — избалованный ребенок счастливых дарований, сбитый с пути плохой компанией. Необходимо принять жесткие меры к его номерам, которые сам Бриссо (*Бриссо Жак-Пьер* (фр. Jacques-Pierre Brissot de Warville, 1754–1793) — лидер партии жирондистов во второй период Революции. По обвинению в соглашении с аристократами был казнен на гильотине вместе с 20 своими сторонниками 31 октября 1793 г.) не осмелился бы одобрить, и оставить Демулена среди нас. В назидание я требую сжечь в Обществе (друзей свободы и равенства, т.е. в Якобинском клубе — А. Г.) номера Камиля» [\[6, p. 308-310\]](#).

Это предложение привело присутствующего на заседании Демулена в ярость. Он произнес ставшую крылатой фразу, которую приписал Руссо (великий женевец якобы сказал ее, когда узнал о назначении к сожжению своего трактата «Эмиль или о воспитании»): «Сжечь — не значит ответить» (фр. Brûler n'est pas répondre). Упоминание Руссо особенно задело Неподкупного. Получалось, что его обвиняли в выступлении против руссоистской свободы, которую он сам всегда проповедовал [\[15, p. 152\]](#). Робеспьер жестко парировал, заявив, что свое предложение о сожжении номеров он снимает, а вместо этого требует, «чтобы номера Камиля не сжигались, а за них несли ответственность. Раз он этого хочет, пусть покрывается позором!» Постулировав, что цитата из Руссо не может быть применима в данном случае, Неподкупный назидательно заключил: «Знай, Камиль, что, если бы ты не был Камилем, мы не имели бы к тебе такой снисходительности. С тобой обращаются как со сбившимся с пути ребенком, ты осмеливаешься жаловаться. Ну что ж! Я прошу, чтобы номера были зачитаны в полном заседании, и Общество со своей мудростью обсудит решение, которое оно должно принять». Демулен резонно возражал, говоря, что его листки читали все, и Конвент, и Гора, и в таком случае, следуя мысли Робеспьера, все они должны состоять только из аристократов. Наконец, и сам Робеспьер был сопричастен изданию: «Ты осуждаешь меня здесь, но разве я не был у тебя дома? Разве я не зачитывал тебе свои номера, умоляя тебя во имя дружбы быть настолько любезным, чтобы помочь мне своим советом и указать мне путь, по которому мне следует идти?» Но эти аргументы не были услышаны у якобинцев, как и призывы Дантона быть осторожными, чтобы, осуждая Демулена, не нанести «смертельный удар по свободе прессы». Робеспьер ответил в том духе, что не читал номеров, кроме первых двух и вообще не хочет знать, что в них, т. к. не хотел бы поддерживать распрю и принимать в ней чью-либо сторону [\[10, p. 599-600; 6, p. 308-311\]](#).

Четвертый номер «Старого Кордельера» был зачитан немедленно на этом же заседании под всеобщее неодобрение с указанием, что третий и пятый будут зачитаны на следующем. С этого момента дружба двух революционеров была окончательно

разрушена.

Обсуждение личности Демулена и его листов продолжалось на заседаниях Якобинского клуба 11, 10 и 12 января. Эбер всячески обличал своего оппонента, заявляя, что тот «насколько запятнан грязью, что более не может сравниться с настоящим патриотом». Робеспьер же, верный своей тактике умелого лавирования между противоборствующими лагерями, создал амбивалентный портрет своего бывшего друга: «В его произведениях вы видите самые революционные принципы наряду с максимами самой пагубной умеренности. Здесь он усиливает мужество патриотизма, там питает надежду аристократии. <...> С помощью своей грозной дубины он наносит нашим врагам самый страшный удар; с помощью пикантнейшего сарказма он разрывает на части лучших патриотов. Демулен — это причудливая смесь правды и лжи, политики и абсурда, здоровых взглядов и странных химерических проектов. <...> Я не поддерживаю здесь ничьих споров. Камиль и Эбер, в моих глазах неправы одинаково. Эбер слишком заботится о себе, он хочет, чтобы все смотрели на него, он недостаточно думает о национальных интересах» [\[10, p. 601; 6, p. 312\]](#).

10 и 11 января 1794 г. последовательно два политических клуба — кордельеры и якобинцы исключили Демулена из своего состава [\[10, p. 607, 610\]](#). Кольцо репрессий вокруг него сжималось.

Тем временем, полемика между Демуленом и Эбером с печатных страниц выплеснулась не только в залы заседаний политических клубов, но за столики уличных кафе. Одни поддерживали Демулена и осуждали Эбера, другие — наоборот считали Эбера настоящим патриотом, а Демулена если не предателем, то, во всяком случае, человеком недостойным. Одни называли автора «Папаши Дюшена» «настоящим республиканским санкюлотом», другие — «интриганом, стремящимся погубить в сознании народа его лучших защитников и истинных патриотов». Одни говорили о Демулене и дантонистах, что им нельзя доверять, другие утверждали, что Эбер, призвавший в своих листовках отправить Демулена на гильотину [\[16, p. 4–5\]](#), не имел права «приговаривать к смерти представителя народа». Тайные полицейские агенты доносили, что после опубликования Демуленом в пятом номере «Старого Кордельера» сметы средств, выделенных Бушоттом на издание «Папаши Дюшена», эберовской газете был нанесен «серьезный вред» и «глубокая рана», число читателей ее стало уменьшаться с каждым днем, а у самого издателя «парализовало язык» [\[17, p. 185–190\]](#).

Шестой номер: свобода под вуалью.

Шестой номер газеты Демулен, а вернее его типограф Десенн (*фр.* Victor Desenne, 175...–18...), долго не решался выпустить в свет. Он появился только 25 января, хотя был помечен 10 нивоза II года, т. е. 30 декабря 1793 г. В нем мятежный журналист заявил, что собирается изложить «политическое кредо Старого Кордельера», опровергнув связи с аристократами и получение денег от Питта, в которых его обвиняли оппоненты.

То ли иронизируя, то ли действительно желая сгладить конфликт, Демулен заявлял также, что раскаивается в выдвинутой им идее «комитета милосердия», т. к. «якобинцы, кордельеры и вся гора раскритиковали его». Но различать между собой преступления и ошибки необходимо для политики Республики. Для установления свободы, писал Демулен, необходимо выполнение двух условий: свободы печати и «экономичной гильотины, которая карает всех вождей и пресекает заговоры, не нанося удар по ошибкам». Что касается свободы печати, то, если она может быть ограничена для «спасения народа в момент революции», но невозможно ограничить для депутата

свободу выражения мнения и ему следует позволить ошибаться. Здесь Демулен, депутат Национального конвента, безусловно, говорит в первую очередь о себе [\[18, p. 102-104\]](#).

Свобода — главная тема всего шестого номера. Говоря о ней, Демулен использует свои прежние суждения из № 4: «Я продолжаю считать, что наша свобода — это нерушимость принципов декларации прав; это братство, святое равенство, возвращение в мир, или, по крайней мере, во Францию, всех патриархальных добродетелей, это мягкость республиканских максим, это *res sacra miser* (Полная латинская фраза читается как *res est sacra miser* (досл. несчастный — святыня) и приписывается Сенеке. Она содержится в его эпиграмме "De custodia sepulcri" («О сохранении могилы») — А. Г.), это уважение к несчастью, которое предписывает наша величественная конституция. Я считаю, что свобода, в конце концов, есть счастье; и, разумеется, вы не убедите ни одного патриота, который сколько-нибудь размышляет, что рисовать очаровательный портрет свободы в моих номерах — это было бы заговором против свободы» [\[18, p. 108\]](#).

И далее «Старый Кордельер» рисует очень интересный образ: «В то же время я считаю, как я уже это публично признавал, что в момент революции разумная политика должна была заставить Комитет общественного спасения набросить вуаль на статую свободы, не излить на нас разом тот рог изобилия, который держит в руке богиня, но приостановить испускание части ее благ, чтобы обеспечить нам потом наслаждение всеми. Я считаю, что было правильно поставить на повестку дня террор и использовать рецепт святого духа, что *страх Господень — это начало мудрости; по рецепту доброго Иисуса-санкюлота, который сказал: «Наполовину волей, наполовину силой всегда обращайтесь к ним, compelle intrare»* (*Compelle intrare* (досл. с лат. заставь войти) — цитата из Евангелия от Луки (17, 23–24), которая использовалась как формула, оправдывающая насильственное обращение иноверцев в христианство. Курсив в тексте источника — А. Г.). Никто не доказал необходимость революционных мер более сильными, чем я, аргументами, даже в моем «Старом Кордельере», о котором не хотели слышать» [\[18, p. 108-109\]](#).

Свобода, скрытая вуалью, неполноценная и ущемленная — это террористическая «свобода», проповедуемая правительством Робеспьера и соотносимая с сокрытием правды (см. подр.: [\[15, p. 159\]](#)). Согласие с ней Демулен выражал лишь для прикрытия. Тут же он дает изображение настоящей свободы такой, какой он ее видел, повторяя при этом мысли, уже высказанные ранее. Отстаивая свои взгляды на это важнейшее понятие Революции, он писал: «Я считаю, что свобода — это не страдание; что она не состоит в ношении потертой одежды с прорезами на локтях <...> Я считаю, напротив, что одна из вещей, которая больше всего отличает свободные народы от поработанных, состоит в том, что там, где есть свобода, нет нищеты, нет лохмотьев. Я все еще считаю, как я сказал в последних трех строках моей истории о Бриссотенах, которую вы так восхваляли: *что только Республика может сдержать Франции обещание, которое монархия дала ей впустую 200 лет назад: Курица в горшке для всех* (выделено в тексте «Старого кордельера» — А. Г.)» [\[18, p. 109\]](#).

В мае 1793 г. на пике политического противостояния с жирондистами Демулен опубликовал уничтожающий памфлет «История бриссотенов или Фрагмент тайной истории Революции и первых шести месяцев Республики» (фр. *L'Histoire des Brissotins ou Fragment de l'histoire secrète de la Révolution et des six premiers mois de la République*). Сам он считал позднее, что именно его произведение способствовало падению и казни сторонников Бриссо.

Знаменитую фразу о курице в горшке, традиционном блюде французской кухни, по

легенде произнесенную когда-то королем Генрихом IV, можно считать своеобразным лозунгом всего шестого номера. Отсылка и «Истории бриссотенов» — острого антижирондистского памфлета, написанного Демуленом в предыдущий период Революции совсем при других обстоятельствах, позволили ему далее утверждать, что он не изменил своим принципам, а те, кто обвиняют его в «отступничестве» и подчинении чужому влиянию, «не знают необузданной самостоятельности моего пера, которое принадлежит только Республике и, может быть, немного моему воображению и его отклонениям, если хотите, но не чьему-либо господству и влиянию». Далее он продолжил: «Поэтому те, кто осуждает "Старого Кордельера", не читали "Революций Франции и Брабанта". Они вспомнили бы, что меня упрекают именно за те самые мечты о моей филантропии, которые мощно послужили революции в моих номерах 815, 90 и 91 годов. Они увидели бы, что я совсем не изменился, что это сами патриоты своими аплодисментами укоренили в моей голове эти заблуждения и что эта система республиканизма, которую хотят, чтобы я разом проскрибировал, вовсе не является во мне отступничеством, но окончательной нераскаянностью. <...> невозможно, чтобы общество даже при открытии сессии отстранило меня за то, что я исповедовал в «Старом Кордельере» ту же самую доктрину, которой оно столько раз аплодировало в моих «Революциях Брабанта» и из-за которой она назначила меня генеральным прокурором Фонаря за четыре года до того, как моя должность была передана "Папаше Дюшену". Мы видим, что то, что называют сегодня в моих статьях *умеренностью* (курсив в тексте источника — А. Г.), является моей старой системой Утопии. Мы видим, что вся моя вина в том, что я остался при своем росте 12 июля 1789 г. <...> Вся моя вина в том, что я сохранил старые заблуждения "Свободной Франции", "Фонаря", "Революций Брабанта", "Трибуны патриотов" и не смог отказаться от прелестей моей Республики Изобилия» [18, p. 111-114].

Демулен имеет здесь в виду свой первый газетный проект «Революции Франции и Брабанта» (фр. Révolutions de France et de Brabant), а также памфлет «Речь фонаря к парижанам» (фр. Le Discours de la Lanterne aux Parisiens), после которого он получил шутовское прозвище Прокурор фонаря.

Пассаж о свободе, о том, что она не страдание, а счастье — полемика с Эбером, нарисовавшего в своих листках «Папаша Дюшен» образ «славного Иисуса-санкюлота», «лучшего якобинца, существовавшего на свете», который «проповедовал милосердие, братство, свободу, равенство, презрение к богатству» и благодаря которому «все лживые священники поубавили спеси» [19, p. 7]. То есть образец истинного революционера и республиканца — бедняк санкюлот. Демулен с тем, что республиканцы должны быть нищими, категорически не согласен. Он иронизирует по адресу Эбера, который «обратился», то есть вдруг заговорил об Иисусе, хотя всегда проповедовал атеизм и Культ Разума, не признавая совсем ничего того, что было написано в Евангелии. И хотя Эбер отрицает божественную сущность Христа, заявляя, что «кровавого бога» из него сделали священники, используя его «для своих ухищрений» и исказив его Евангелие», но сам факт появления имени Иисуса на страницах «Папаша Дюшена» позволил Демулену язвительно заметить, защищаясь от нападок Эбера: «Чудо! великое обращение папаша Дюшена! <...> Продолжайте, Эбер; божественный санкюлот, которого вы цитируете, сказал: *«На небесах будет больше радости для обратившегося папаша Дюшена, чем для девяноста девяти старых кордельеров, не нуждающихся в покаянии»*. Но помните, что вы читали в той же книге: *«Не говори брату твоему "Рака", то есть "Тупица"»*» [18, p. 116].

Тупицей (un viédase, от фр. visage d'âne — ослиная морда) Эбер назвал Демулена в №

328 своей газеты «Папаша Дюшен». Демулен иронически перефразирует евангельские высказывания Христа: «Кто же скажет брату своему: "рака́", подлежит синедриону» (Мф. 5: 22) и «На небесах более радости будет об одном грешнике кающемся, нежели о девяноста девяти праведниках, не имеющих нужды в покаянии» (Лк. 15:7). Рака — это слово в I в. н. э. использовали иудеи для выражения глубокой неприязни к кому-либо. "Рака" происходит из арамейского и еврейского слов, означающих "пустой" или "бесполезный". Буквально оно переводится как «пустоголовый».

В целом, шестой номер нес в себе двоякую идеологию. С одной стороны, Демулен демонстративно раскаивался в своей идее о комитете милосердия, как будто признавая необходимость террора в определенные исторические периоды, то есть используя примирительную риторику в отношении Робеспьера, с другой же — яростно защищался против обвинений в связях с аристократами, выдвинутых против него якобинцами. Но, несмотря на все завуалированность и сдержанность публикаций, шестой номер был переполнил чашу терпения Робеспьера и стал толчком для ареста Демулена, который произошел в конце марта.

Седьмой номер: «Боги жаждут!»

История седьмого номера «Старого Кордельера» драматична. Номер был помечен 15 плювоза II года (3 февраля 1794 г.), то есть изначально планировалась, что он выйдет через девять дней после предыдущего. Однако Демулен все еще продолжал править корректуры, когда 30 марта 1794 г. в его дом явились солдаты, чтобы арестовать его. Корректуры опечатали и забрали вместе с другими его бумагами. Ряд историков предполагали, что кто-то из лагеря Робеспьера выкрал несколько страниц номера из дома Демулена накануне 30 марта, что послужило окончательному решению об аресте [\[15, p. 162\]](#). Так или иначе, но в седьмом номере Демулен уже не скрывал своих обвинений в адрес террористического Комитета общественного спасения и лично Робеспьера.

Номер получил название «За и против или Разговор двух старых кордельеров», воплотив в себе двойственную позицию Демулена относительно ограничения свободы слова и печати. Текст его был построен в форме диалога самого Демулена и его собеседника, Старого Кордельера. При этом Старый Кордельер отстаивал полную, ничем не ограниченную свободу слова, письма и печати. Более того, он утверждал, без свободы слова нет республики, а с ней любое государство может такой стать: «Что отличает республику от монархии? Только одно: свобода говорить и писать. Имейте свободу печати в Москве, и завтра Москва будет республикой. Вот как, вопреки воле Людовика XVI <...> и всего правительства целиком, заговорщического и роялистского, одна свобода печати вела нас, как за руку, до 10 августа и свергла пятнадцать вековая монархия, почти без кровопролития» [\[20, p. 123-124\]](#).

Его визави, которого Демулен вывел под своим именем, напротив, отстаивал примирительную позицию, утверждая, что полная свобода слова и письма — недостижимый идеал: «Я не знаю, допускает ли человеческая природа то совершенство, которое предполагает неограниченная свобода говорить и писать. Я сомневаюсь, что в какой-либо стране, в республиках, а также в монархиях те, кто правят, когда-либо были способны допустить эту неограниченную свободу» [\[20, p. 154\]](#).

В некоторых же исторических ситуациях, утверждал «Демулен», неограниченная свобода слова может быть даже вредна. В качестве примера среди прочих он привел Цицерона с его неприязнью к Марку Антонию: «Антоний отменил имя диктатора после смерти

Цезаря; он заключил мир с тираноубийцами. В то время как трусливый Октавиан, всю битву скрывавшийся за повозками, одержавший победу благодаря возвышенному мужеству Антония, трусливо оскорблял труп Брута, пронзившего себя мечом, Антоний пролил слезы над последним из римлян, и прикрыл его своим доспехом; и пленники, приближаясь к Антонию, приветствовали его именем императора, вместо того, чтобы иметь лишь оскорбления и презрение для этого трусливого и жестокого Октавиана. Но старик Цицерон своими речами сделал Антония непримиримым врагом республики и правительства, которое по своей природе было таким ярким изображением его пороков и этой неограниченной свободы писать. Цицерон уверяет, что он безвозвратно отказался от Антония и, как все люди, за исключением Катона, столь редкого в человеческом роде, он пожертвовал всем без политики ради своего спасения, а не ради спасения родины, что считал себя обязанным ласкать Октавиана, чтобы противопоставить его Антонию и таким образом сделать себе щит опаснее меча. Популярность и красноречие Цицерона были тем мостом, по которому Октавиан перешел к командованию армиями, и, прибыв туда, он сломал мост. Таким образом, невоздержанность языка Цицерона и свобода печати погубили дела республики так же, как и добродетель Катона <...> Я признаю, что, когда добродетель и свобода печати становятся несвоевременными, вредными для свободы, республика, охраняемая пороками, подобна юной девице, честь которой защищается только честолюбием и интригами, а часового вскоре развращают [\[20, p. 159-161\]](#).

Историк Революции Ж. Мишле трактует этот отрывок в том ключе, что в образе доблестного Антония Демулен вывел Дантона, а в образе трусливого Октавиана — Робеспьера [\[21, с. 2813\]](#).

При этом из самого диалога невозможно понять, на чьей же стороне автор. Он как будто он не отдает предпочтения ни одному из собеседников. Здесь обе, по сути, противоположные точки зрения, как и в предыдущем номере, гармонично сосуществуют, хотя сосуществование не лишено тревожности, обусловленной историческим фоном создания текста.

Соглашаясь со Старым Кордельером в том, что свобода печати должна быть неограниченной и в том, что, ее имеют своей основой республики, но выражая в то же время сомнения в том, что существуют правительства, способные допустить такую свободу, «Демулен» вновь возвращается к образу террористической «свободы» из шестого номера, которая завешена черной вуалью. И здесь снова возникают обвинения в адрес эбертистов, которые опускают эту вуаль «чистыми руками» и способствуют тем самым английскому премьер-министру Питту, находясь с ним в некоей «косвенной коалиции». Заканчивается диалог замаскированным призывом к смягчению террора, усиления которого требовали, как известно, эбертисты: «Позавидовали бы вы теперь этой свободе французов, полюбили бы вы эту жаждущую крови богиню, первосвященник которой Эбер, Моморо (*Моморо* Антуан-Франсуа (фр. Antoine-François Momoro, 1756–1794) — французский издатель и книготорговец, радикальный революционер. Осужден и казнен по делу эбертистов. — А. Г.) и им подобные осмеливаются требовать, чтобы храм строился, как храм в Мексике, из костей трех миллионов граждан, и беспрестанно говорят якобинцам, коммуне, кордельерам то, что испанские священники сказали Монтесуме? *Боги жаждут!* [\[20, p. 156, 163-164\]](#).

Издатель «Старого кордельера» Десенн, когда после Термидорианского переворота смог, наконец, издать седьмой номер, изъял или сократил все, что касалось обвинений в адрес Робеспьера несмотря на то, что сам Робеспьер уже был казнен. Самоцензура

подвергся, например, такой вложенный в уста Старого Кордельера и обращенный к «Демулену» пассаж диалога: «Было бы лучше ошибаться, как папаша Дюшен в его разоблачениях, которые он делает без разбора, но с энергией, характеризующей республиканские души, чем видеть этот ужас, который замораживает и сковывает сочинения и мысль <...> Робеспьер проявил великий характер несколько лет назад на трибуне якобинцев, когда однажды в минуту жестокой немилости он ухватился за трибуну и выкрикнул, что его нужно убить там или выслушать, но ты, ты был рабом, а он деспотом, в тот день, когда ты смирился с тем, что он так резко оборвал тебя при первом твоём слове: *сжечь не значит ответить!* и когда ты не продолжил упорно говорить в свое оправдание» [\[22, p. 188–189\]](#).

Старый Кордельер высказывает те мысли, которые Демулен не решился изложить от себя и которые были вычеркнуты Десенном при издании. И как будто в подтверждение этого через все изъятые фрагменты рефреном проходит риторический вопрос Старого Кордельера к «Демулену»: «осмелишься ли ты?» (*фр. oserais-tu*) сказать что-либо, сделать что-либо, выразиться каким-либо образом, обратиться к кому-либо. В частности, обвиняя Робеспьера в бриссотизме за призывы к войне против Англии. Кордельер говорит: «Робеспьер в своей речи к якобинцам (См. Речь Робеспьера в Якобинском клубе 1 плювиоза II года (28 января 1794 г.): [\[23, с. 105–106\]](#)), сам того не сознавая, взял на себя роль Бриссо, придавшего войне национальный характер! <...> И именно Робеспьер забыл, таким образом, глубоко дипломатичную, увлекательную, неопровержимую речь, которую он произнес в декабре 1791 г., когда почти наедине с вами он так решительно высказался против войны. Именно Робеспьер забывает те энергичные слова, которые он тогда сказал: «Когда пожар в нашем доме, нужно пойти и потушить его в домах других людей!» Именно он забывает эту великую истину, которую он тогда так хорошо провозглашал и развивал, что война всегда была источником деспотизма, который по своей природе имеет силу только в оружии и не может добиться ничего, кроме как острием меча, тогда как свобода не нуждается в пушках и никогда не совершает завоеваний ничем более, как миром, так как царствует не террором, а своими чарами; ей не нужно прятаться в окопах, чтобы брать города; но как только мы видим ее, мы влюбляемся в нее и бежим ей навстречу. Но осмелишься ли ты сделать подобные сравнения и этими противоречиями вернуть Робеспьеру те насмешки, которые он с некоторых пор изливает на тебя?» [\[22, p. 203–205\]](#).

Десенн исключил из текста Демулена целиком «Продолжение политического кредо», которым должен был открываться седьмой номер и которое должно было стать развитием концепции шестого. Именно это «Продолжение» и звучало от лица самого журналиста. В нем Демулен вновь призывал к ослаблению террора, и утверждал, что настоящий республиканизм и свобода не предполагает тех тиранических жестов, на которые идет нынешнее правительство — Комитет общественного спасения, узурпировавший власть. На этом фоне даже жестокие римские императоры Нерон, Тиберий и Калигула кажутся более гуманными. Демулен писал: «Комитет уже назначает на все должности и даже в комитеты Конвента, даже комиссаров, которых он посылает в департаменты и в армии. В его руках один из величайших источников политики — надежда, которой правительство привлекает все амбиции, все интересы. Чего ему не хватает для того, чтобы подчинить себе или, вернее, разрушить Конвент и реализовать всю полноту диктатуры?» [\[22, p. 173–174\]](#).

Демулен здесь сравнивает якобинский Комитет общественного спасения (12 человек) с диктатурой (10 человек) в Древнем Риме, заменившим на два года в середине V в. до

н. э. своей властью власть двух консулов для составления законов. При децемвирате ряд ключевых гражданских свобод были отменены, при втором составе децемвиров была введена жесткая тирания.

Это политическое кредо должно было получить свое продолжение в восьмом номере, из которого сохранился лишь небольшой отрывок, в нем Демулен выступает против тирании и призывает ввести во Франции Конституцию. Если же этого не будет сделано, тогда, утверждает журналист, необходима новая революция [\[22, p. 244\]](#).

Но ни новой революции, которой можно считать Термидорианский переворот конца июля 1794 г., отправивший на гильотину всесильного диктатора Робеспьера, ни введения Конституции Демулен не увидел: он был казнен 5 апреля. Его извечный оппонент в журнальных спорах Жак-Рене Эбер оказался на эшафоте немного ранее — 24 марта.

Выводы

С течением Революции взгляды Демулена, которые в ее начале были достаточно радикальными, на фоне террора претерпели значительную эволюцию. Именно для того, чтобы оказывать влияние на события, он вернулся в журналистику и вновь стал издавать собственную газету — занятие, которое оставил, когда отошел от издания периодической брошюры «Революции Франции и Брабанта».

Талантливый журналист, Демулен выстраивал тексты своих номеров используя «эзопов» язык и иносказательные образы, которые, однако, были вполне понятны современникам. Политическая позиция Демулена становилась все более непримиримой к правительственной террористической политике. В конце концов непримиримая борьба с Робеспьером с газетных страниц привела к тому, что Демулен оказался на гильотине.

Библиография

1. Maron E. Histoire littéraire de la Convention nationale. Paris : Poulet-Malassis et de Broise, 1860. 359 p.
2. Le Vieux Cordelier. 1793. No 1. 15 frim. II [5 dec.]. 8 p.
3. Имашева О.А. Персонология: о понятиях «образ автора» и «языковая личность» // Актуальные проблемы лингвистики и межкультурной коммуникации: сборник трудов кафедры лингвистики и иностранных языков. М.: РГУ им. Косыгина, 2024. С. 13–16.
4. Дегтярева А.Н. Структура категории «образ автора» в художественном дискурсе // Российский лингвистический бюллетень. 2023. № 3(39). URL: <https://rulb.org/archive/3-39-2023-march/10.18454/RULB.2023.39.17>.
5. Вerezубова Е.Е., Шведчикова М.С. Язык и символы нового общества во Франции эпохи революции // Гуманитарные науки и вызовы нашего времени: сборник материалов V Всероссийской (национальной) научной конференции с международным участием. Санкт-Петербург, 9-10 марта 2023 г. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2023. С. 66–69.
6. Robespierre M. Œuvres complètes : 10 vol. Paris : E. Leroux, 1910. Т. 10. 655 p.
7. Janssens J. Camille Desmoulins. Le premier républicain de France. Paris : Perrin, 1973. 781 p.
8. Le Vieux Cordelier. 1793. No 2. 20 frim. II [10 dec.]. P. 9–24.
9. Le Vieux Cordelier. 1793. No 3. 25 frim. II [15 dec.]. P. 25–48.
10. La Société des Jacobins : recueil de documents pour l'histoire du club des Jacobins de Paris: 6 vol. Paris : Quantin, 1895. Т. 5. [2], 711 p.
11. Le Vieux Cordelier. 1793, 1793. No 4. 30 frim. II [20 dec.]. P. 49–64.
12. Le Vieux Cordelier. 1793. No 5. 5 niv. II [25 dec.]. P. 57–100.
13. Mercier L.-S. Paris pendant la Révolution (1789–1798) ou le Nouveau Paris : 2 vol. Paris

: Poulet-Malassis, 1862. Т. 2. 474 p.

14. Chardigny L. Ce bon M. Maillard, chef des tape-dur[s] // Ric et Rac : grand hebdomadaire pour tous. 1944. No 754. 14 avr. P. 3.

15. Weber C. Terror and Its Discontents: Suspect Words in Revolutionary France. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2003. 320 p.

16. Le Père Duchesne. [1793]. No 332. 8 p.

17. Walter G. Hébert et le Père Duchesne 1757–1794. Paris: J.B. Janin, 1946. 456 p.

18. Le Vieux Cordelier. 1793. No 6. 10 niv. II [30 dec.]. P. 101–116.

19. Le Père Duchesne. [1793]. No 307. 8 p.

20. Le Vieux Cordelier. 1794. No 7. 15 pluv. II [3 fev.]. P. 117–172.

21. Мишле Ж. История Французской революции: в 6 т. / пер. с фр. М.: Ладомир, 2022. Т. 5. С. 2750–3193, [5] с. (Литературные памятники).

22. Le vieux Cordelier de Camille Desmoulins, seule édition complète. Paris : Ébrard, 1834. XXXV, 254 p.

23. Робеспьер М. Избранные произведения: в 3 т. М.: Наука, 1965. Т. 3. 318 p

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена достаточно актуальному предмету научного исследования, языковой личности французского адвоката, журналиста и общественного деятеля эпохи Великой французской революции, Камиля Демулена, и его газете «Старый Кордельер»: «нумерация страниц для всех номеров была сквозной с несколькими сбоями. Каждый номер содержал одно эссе на ту или иную тему, поэтому газета представляла из себя скорее периодический памфлет, нежели газету в современном смысле этого слова, что, впрочем, в ту эпоху отнюдь не было редкостью. Но острота материалов, их злободневность и неповторимый стиль Демулена выделяли листки среди собратьев».

Теоретической основой исследования явились в основном исторические труды на французском языке (Maron E. Histoire littéraire de la Convention nationale, 1860; Mercier L.-S. Paris pendant la Révolution (1789–1798) ou le Nouveau Paris, 1862; Le vieux Cordelier de Camille Desmoulins, 1834; La Société des Jacobins: recueil de documents pour l'histoire du club des Jacobins de Paris, 1895; Janssens J. Camille Desmoulins. Le premier républicain de France, 1973 и др.). Методология проведенного исследования в статье не раскрывается, но очевиден ее комплексный характер. С учётом специфики предмета, объекта, цели и задач работы в исследовании использованы общенаучные методы анализа и синтеза, биографический метод, сравнительно-исторический и описательный методы, а также метод дискурсивного анализа, который представляет собой совокупность взаимосвязанных подходов к изучению дискурса и функционирующих в нем языковых единиц, как и различных экстралингвистических аспектов.

Анализ теоретического материала и его практическое обоснование позволили автору(ам) проследить трансформацию языковой личности Демулена с течением Революции, взгляды которого «в ее [Великой французской революции] начале были достаточно радикальными, [но] на фоне террора претерпели значительную эволюцию», и сделать вывод о том, что «талантливый журналист, Демулен выстраивал тексты своих номеров, используя «эзопов» язык и иносказательные образы, которые, однако, были вполне понятны современникам. Политическая позиция Демулена становилась все более непримиримой к правительственной террористической политике. В конце концов

непримиримая борьба с Робеспьером с газетных страниц привела к тому, что Демулен оказался на гильотине».

Теоретическая значимость исследования определяется его вкладом в развитие теории дискурса, социолингвистики, политической лингвистики, языковой личности. Практическая значимость работы заключается в возможности использования ее результатов в процессе дальнейшего изучения языковой личности Камиля Демулена и публицистического дискурса эпохи Великой французской революции.

Библиография статьи включает 20 источников, в основном иностранных. Однако, как отмечалось ранее, это в большинстве своем исторические работы, что представляется недостаточным для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики. Также автор(ы) практически не апеллируют к научным работам последних лет. Рекомендуем автору(ам) подобно ознакомиться с требованиями редакции, предъявляемыми к библиографическому списку научной публикации в журнале «Филология: научные исследования» («В список литературы включаются только рецензируемые научные источники (статьи из научных журналов и монографии)...»), а также с принципами библиографического описания иностранных изданий.

Стиль изложения материала соответствует требованиям научного описания и характеризуется логичностью и доступностью. Статья имеет завершённый вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования» после расширения библиографии, в том числе актуальными работами (изданными в последние 3 года), и устранения недочетов в оформлении библиографии.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования – эволюция языковой личности и образа автора сквозь призму лингвистических особенностей текста источника и различных экстралингвистических аспектов. Автор исследования детально анализирует номера газеты «Старый Кордильер», которую издавал Камиль Демулен, правый якобинец, во время Великой французской революции.

Методология исследования основана на сочетании общенаучных методов анализа и синтеза, биографического метода, сравнительно-исторический и описательный методов, а также метод дискурсивного анализа. Используемые методы позволили автору сделать аргументированные выводы о лингвистических особенностях источников, а также продемонстрировать эволюцию языковой личности и образа Камиля Демулена как автора.

Актуальность исследования обусловлена тем фактом, что средства массовой информации отражают происходящие в обществе процессы, являются индикаторами социального настроения, а также оказывают влияние на формирование мировоззрения у населения. Следовательно, исследование работ деятелей переломных, судьбоносных эпох представляют несомненный интерес, поскольку их языковая личность и ее тезаурус складываются в экстраординарных быстро меняющихся обстоятельствах.

Научная новизна заключается в том, что автор дает комплексную характеристику номеров газеты «Старый Кордильер», проводит их сравнительно-исторический анализ, демонтируя на основе этого комплекса текстов эволюцию языковой личности Камиля Демулена. Автор подчёркивает, что исследование в большей степени было сосредоточено на историческом аспекте журналистского творчества, нежели на

вопросах медиалингвистики.

Стиль изложения научный, структура, содержание.

Статья написана русским литературным языком. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, структура рукописи включает следующие разделы: введение (содержит постановку проблемы, автор дает историческую справку о газете «Старый Кордильер»); методология, актуальность, новизна (автор аргументирует актуальность и новизну выбранной темы, перечисляет использованные в исследовании методы); основная часть (в этом разделе автор проводит комплексное исследование демуленовских текстов, он детально анализирует семь номеров газеты «Старый Кордильер», измышления автора подкреплены иллюстративными примерами, что позволяет наглядно наблюдать эволюцию политической позиции Камиля Демулена); выводы (основываясь на результатах исследования автор делает выводы о том, что взгляды Камиля Демулена претерпели значительные изменения, будучи талантливым журналистом, он выстраивал тексты своих номеров используя «эзопов» язык и иносказательные образы, которые были понятны его современникам и отражали установки общества в переломный для Франции исторический период); библиография (включает 23 источника отечественных и зарубежных авторов, а также первоисточники эмпирического материала). Содержание в целом соответствует названию.

Выводы, интерес читательской аудитории

Результаты исследования будут интересны тем, кто интересуется анализом языковой личности, а также тем, кто исследует эволюцию языковой личности и образа автора на материале работ видных деятелей различных эпох. Проведенный анализ первоисточников и иллюстративные примеры дают представление о происходящих в обществе времен Великой французской революции процессах, следовательно, позволяет взглянуть на эпоху сквозь призму свободных средств массовой информации.

Рекомендации автору:

1. Возможно, стоит несколько расширить название статьи «Журналист в декорациях террора: Камиль Демулен и газета «Старый Кордельер», добавить отсылку к языковой личности и образу автора.
2. В тексте статьи присутствует опечатка (Всесильный диктор Робеспьер; С неспособным генером; Эбер всячески обличал своего оппонента, заявляя).
3. Было бы хорошо унифицировать оформление дат в тексте: 20 фримера II года (10 декабря 1793 г.), 14 декабря (24 фримера) или 25 фримера II года

В целом рукопись соответствует основным требованиям, предъявляемым к научным статьям. Материал представляет интерес для читательской аудитории и после доработки может быть опубликован в журнале «Филология: научные исследования» (рубрика «Автор и его позиция»).

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Демьянова П.И. Социолингвистический анализ примеров употребления англицизмов в эквадорских публицистических текстах // Филология: научные исследования. 2024. № 10. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.10.71856 EDN: AKXXYI URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71856

Социолингвистический анализ примеров употребления англицизмов в эквадорских публицистических текстах

Демьянова Полина Ивановна

ORCID: 0000-0001-9698-2835

преподаватель; институт иностранных языков; Российский университет дружбы народов имени
Патриса Лумумбы
аспирант; институт иностранных языков; Российский университет дружбы народов имени Патриса
Лумумбы

141410, Россия, Московская область, г. Химки, ул. Дружбы, 5, кв. 246

✉ demianova_pi@pfur.ru

[Статья из рубрики "Лингвокультурология"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2024.10.71856

EDN:

AKXXYI

Дата направления статьи в редакцию:

01-10-2024

Аннотация: Предметом данного исследования является функционирование англоязычных заимствований (англицизмов) в эквадорском национальном варианте испанского языка на примерах их употребления в текстах местных средств массовой информации. Объектом исследования выступают тексты эквадорских СМИ, в частности новостные статьи, опубликованные на сайтах наиболее читаемых газет Эквадора. В работе рассматриваются такие вопросы, как социолингвистическое влияние английского языка на эквадорский испанский, частотность и характер использования в нем англицизмов, а также их распространение через СМИ. Особое внимание уделяется анализу конкретных примеров употребления англицизмов в публицистических текстах, что позволяет выявить ключевые тенденции их функционирования. В рамках данного исследования англицизмы рассматриваются как один из факторов, влияющих на развитие испанского языка в Эквадоре. В исследовании применяются методы контент-анализа и качественного анализа примеров употребления англицизмов в эквадорских

публицистических текстах, благодаря чему была выявлена частотность их использования и их роль в формировании современной языковой нормы. Актуальность выбранной темы продиктована фактом увеличивающегося влияния англицизмов на эквадорский испанский. Вариант испанского языка, распространенный на территории Республики Эквадор, на данный момент представляется менее изученным в сравнении с соседствующими с ним латиноамериканскими вариантами. Таким образом, наблюдается потребность в проведении исследования основных тенденций его развития. Из этого следует, что новизна работы заключается в осуществлении комплексного социолингвистического анализа англоязычных заимствований, используемых в эквадорских СМИ, что способствует формированию более глубокого понимания процессов, лежащих в основе формирования и функционирования эквадорского национального варианта испанского языка. Результаты исследования показали, что англицизмы достаточно активно проникают в различные сферы эквадорского общества, выступая в роли социального маркера и отражая влияние западной культуры на местное население.

Ключевые слова:

Англицизмы, Эквадорский испанский, Социолингвистика, Языковая динамика, Заимствования, Средства массовой информации, Контент-анализ, Глобализация, Языковая политика, Публицистические тексты

Современные глобализационные процессы, приведшие к становлению нового формата межкультурного обмена, а также стремительное развитие информационных технологий, повлияли на возникновение и популяризацию англоязычных заимствований во многих языках. Находясь в числе самых распространенных, испанский язык также не является исключением из этого процесса. В частности, на территории Республики Эквадор, как и в других странах Латинской Америки, англицизмы внедрились практически во все сферы жизни, затронув как повседневную коммуникацию, так и художественную литературу и даже официальные документы. Однако в рамках данного исследования наибольший интерес вызывает функционирование англицизмов в эквадорских публицистических текстах, поскольку СМИ не только отражают существующую на данный момент языковую норму, но также активно влияют на то, как представленная в них информация воспринимается населением страны.

Рассмотрением поставленного вопроса занимается социолингвистика – междисциплинарная область научного знания, изучающая, как исходит из названия, взаимосвязь языка и общества. Отмечается, что отечественное и зарубежное языкознание приводят несколько отличные друг от друга трактовки предмета и объекта ее исследования. Так, русскоязычными учеными утверждается, что границы данной дисциплины определены не окончательно, и до сих пор сохраняется большая доля неясности [\[1, с. 9\]](#). Тем не менее очевидно, что задачи социолингвистики заключаются в изучении языковых вариаций и языковой нормы, а также в анализе влияния социальных факторов на языковое поведение, в то время как цель данной науки сводится к формированию понимания того, как социальный класс, образование, пол, возраст влияют на использование определенных языковых единиц в различных контекстах. Кроме того, нельзя не упомянуть, что данная дисциплина также рассматривает влияние глобализации и культурного взаимодействия на языковую динамику современного мира. Наконец, учеными был сформулирован ряд вопросов, представляющих особый интерес в

современной социалингвистике, которые включают в себя:

1. проблему социальной дифференциации языка;
2. взаимодействие языка и культуры;
3. проблему социальных аспектов билингвизма;
4. проблему языковой политики [\[2, с. 102\]](#).

Основной причиной распространение англицизмов как социалингвистического феномена является широкое влияние англоязычной культуры. Такие заимствования проникают во много языков, включая испанский, по мере того, как английский язык становится ведущим средством межкультурной коммуникации в науке, бизнесе и поп-культуре. Среди конкретных причин распространения англицизмов в других языках можно перечислить внешние, такие как тесные политические, торгово-экономические и культурные связи, а также внутренние – одномоментное сосуществование в языке заимствования и исконного слова, значения которых похожи, но способы употребления которых отличаются (всеобщий – тотальный, рассказ – репортаж, увлечение – хобби и т.д.) [\[3, с. 31\]](#). Отмечается, что на данный момент существование в языке-рецепторе около 15% англоязычных заимствований объясняется нехваткой в нем понятия для описания того или иного явления современности [\[4\]](#).

Проникновение англицизмов в испанский язык также усиливается благодаря средствам массовой информации, интернету и образовательному процессу. Проявляется это, как правило, на лексико-грамматическом уровне. Учитывая обширный спектр аудиальных и визуальных платформ, через которые англицизмы могут попасть в испанский язык, в наше время зачастую представляется невозможным определить первоначальный путь заимствования слов [\[5, с. 3\]](#). Так, англицизм может попасть в испанский язык через фильмы или подкасты, рекламные ролики и блоги. Исследователи, рассмотревшие телевизионную рекламу, также отмечают, что представленные в ней англицизмы доказывают свою способность проникать в испанский язык одновременно через слуховой и визуальный каналы [\[6, с. 276\]](#). Географическая близость к США также влияет на внедрение английских заимствований в испанский язык стран Латинской Америки, ввиду чего исследователи все чаще говорят о более широком влиянии английского языка именно в этом регионе, нежели в Испании [\[7\]](#). Так, анализ использования англицизмов в испаноязычных газетных статьях из Испании и латиноамериканских стран показал, что испанская пресса использует меньшее количество англицизмов. Кроме того, исследование, в рамках которого носители языка из разных испаноязычных стран заполняли лексический опросник, показало, что участники из Мадрида отметили меньше англицизмов по сравнению с участниками из таких латиноамериканских столиц, как Мехико, Сантьяго и Сан-Хуан [\[8\]](#). Представляется, что именно экономическая колонизация США обширных регионов Южной Америки играет значительную роль в этом явлении [\[9\]](#).

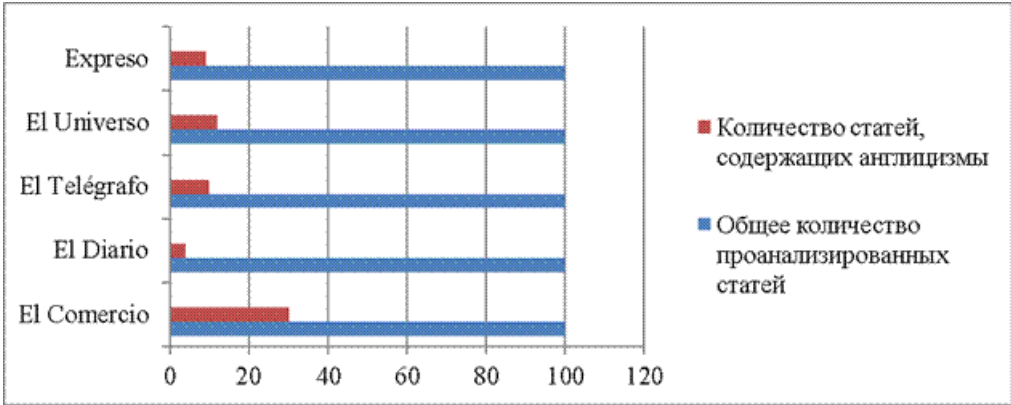
Все это привело к тому, что многие исследователи и носители языка стали выражать некоторую озабоченность столь серьезным влиянием английского на местные язык и культуру, ввиду чего испаноязычное сообщество активно регулирует употребление англицизмов, стремясь сохранить собственную языковую идентичность [\[10, с. 265\]](#). Однако важно отметить, что этот процесс не является односторонним: испанский язык также оказывает влияние на другие языки, в том числе на английский, в результате миграции

и культурного обмена. Так, испанизмы в английском языке начали появляться еще в XIII в., но их поток стал постоянным только на рубеже XVI-XVII вв., что было связано с растущим господством Испании в военной, морской, политической и экономической сферах [11, с. 83]. Таким образом, взаимодействие испанского и английского языков иллюстрирует сложные социолингвистические процессы.

Распространение англоязычных заимствований в испанском языке Эквадора связано с налаживанием контактов с англоязычными странами. Так, в XIX-XX вв. Эквадор испытывал экономическое и политическое влияние Великобритании и США, что привело к постепенному проникновению англицизмов в местный вариант испанского, особенно в областях, связанных с бизнесом, технологиями и международными отношениями [12, с. 542]. Кроме того, как уже упоминалось ранее, социокультурные факторы также играют важную роль в распространении англицизмов в Эквадоре. Урбанизации и глобализация экономики способствовали росту среднего класса, который в значительной степени ориентируется на западные культурные модели и воспринимает английский язык как символ престижа. В образовательной системе Эквадора английский язык стал важным элементом на всех этапах образования, что усилило его влияние на лексический состав местного варианта испанского языка. Кроме того, молодежь, стремящаяся к культурной и профессиональной мобильности, активно использует англицизмы как маркер принадлежности к глобальной культуре.

Употребление англицизмов в Эквадоре имеет свои специфические черты, отличающие его от других стран Латинской Америки. Несмотря на то, что проникновение англицизмов в испанский язык характерно для всего региона, масштабы и формы их использования варьируются в зависимости от страны. В таких странах, как Мексика и Аргентина, где культурные и экономические связи с США и Европой исторически более сильны, англицизмы проникли глубже и охватывают более широкий спектр областей, включая не только бизнес и технологии, но и повседневную речь. В Эквадоре же англицизмы сосредоточены преимущественно в профессиональной лексике и медиа, что отражает более осторожное восприятие англоязычных заимствований, ввиду чего в качестве материала данного исследования был выбран именно публицистический жанр. Так, для анализа употребления англицизмов в эквадорских публицистических текстах была проведена выборка материалов из новостных статей, опубликованных на сайтах наиболее читаемых газет Эквадора. Согласно статистике, в их список вошли следующие издательства: *El Comercio*, *El Diario*, *El Telégrafo*, *El Universo* и *Expreso*. Критериями для отбора текстов стали их тематика, отражающая ключевые аспекты современного уклада жизни в Эквадоре, такие как экономика, технологии, культура и спорт. В каждом из издательств было рассмотрено 100 новостных текстов с целью обнаружения в них англицизмов, после чего были получены следующие данные:

Рис. 1. Статистика употребления англицизмов в эквадорской публицистике

Таким образом, данная статистика подтверждает описанный выше факт того, что эквадорский национальный вариант испанского был меньше подвержен западному влиянию в сравнении с другими латиноамериканскими вариантами. Тем не менее англицизмы все же встречаются в текстах, связанных с политикой, экономикой и технологиями. В первую очередь, были выявлены лексические англицизмы – прямые заимствования слов из английского языка. Эти термины широко используются в статьях, посвященных тем сферам жизни, где английский язык является доминантным. Некоторые примеры: *el marketing, el streaming, el startup, el freelance*.

Кроме того, встречаются морфологические англицизмы, такие как адаптация английских слов к испанской грамматике. Например, использование суффиксов для создания новых форм: «*emailar*» от «*to email*». Стоит отметить также, что наиболее часто англицизмы встречаются в заголовках, что можно объяснить стремлением привлечь внимание читателей к актуальным темам. Примеры таких заимствований включают:

Таблица 1. Морфологические англицизмы

Англицизм	Английский термин	Пример употребления	Значение
Clickear	To click	Para participar en el concurso, debes <i>clickear</i> en el enlace que hemos compartido en nuestra página.	Кликать
Postear	To post	Los usuarios de redes sociales <i>están posteando</i> sus fotos de vacaciones en la playa, y nosotros queremos verlas.	Выкладывать пост (например, в соц. сетях)
Chequear	To check	Es importante <i>chequear</i> las fuentes antes de compartir cualquier noticia en línea.	Проверять
Linkear	To link	Para mejorar el alcance de tu contenido, es <i>linkear</i> el contenido a una página web.	Давать ссылку (например, на онлайн-ресурс)

		recomendable <i>linkear</i> a otras páginas relevantes.	
El dropeo	A drop	E l <i>dropeo</i> de productos en línea ha llevado a un aumento en las compras digitales en Ecuador.	Запуск товара на рынке

Наконец, интересным представляется контекст употребления англицизмов в тех случаях, когда возможно применение исконно испанского слова, например:

Таблица 2. Англицизмы, имеющие испанский аналог

Англицизм	Испанское слово/выражение	Значение
El fan	El admirador	Фанат, поклонник
El coach	El etrenador	Тренер
El feedback	Comentarios	Комментарий, обратная связь
El networking	Establecer contactos	Налаживать контакты (как правило, в профессиональной среде)
El show	El espectáculo	Представление, мероприятие

Данную тенденцию можно трактовать как желание авторов статей сделать текст более привлекательным для молодой аудитории читателей, поскольку, как было отмечено ранее, именно эта социальная прослойка склонна употреблять в своей речи англицизмы и более охотно принимает новые входящие в эквадорский испанский западные заимствования.

Таким образом, в ходе проведенного анализа были выявлены ключевые особенности использования англицизмов в эквадорском национальном варианте испанского языка. Активно проникающие в него заимствования оказывают значительное влияние на различные аспекты языкового и культурного пространства страны. Особенности их употребления зависят от множества факторов, включая также жанровую специфику и целевую аудиторию текстов.

Значение англицизмов в современном эквадорском обществе выходит за рамки простого лексического заимствования. Они отражают процессы глобализации, культурного обмена и технологического развития. Англицизмы также становятся индикаторами социальных изменений и отражают готовность общества ассимилироваться с другими культурами. Однако, как считают местные эксперты, чрезмерное использование таких заимствований может создавать языковые барьеры и угрожать сохранению культурной и языковой идентичности. В связи с этим правительство Республики Эквадор проводит активную политику налаживания связей с автохтонными народами региона с целью поддержания и развития своей культурной самобытности.

Библиография

1. Алпатов В.М. Социолингвистика и другие лингвистические дисциплины // Социолингвистика. 2020. № 1 (1). С. 9-16.
2. Сеттарова М.Д. Актуальные проблемы социолингвистики // Проблемы Науки. 2016. № 8 (50). С. 101-103.
3. Бенямина Х. Англицизмы: как социолингвистическое явление в русском языке // DIZWW. 2021. № 17. С. 30-34.
4. Брейтер М.А. Англицизмы в русском языке: история и перспективы: Пособие для иностр. студентов-русистов. М.: Изд-во АО "Диалог-МГУ", 1997.
5. Bäumlér L. Loanword Phonology of Spanish Anglicisms: New Insights from Corpus Data // Languages. 2024. № 9. P. 1-18.
6. Winter-Froemel E. Entlehnung in der Kommunikation und im Sprachwandel: Theorie und Analysen zum Französischen. Berlin and Boston: De Gruyter, 2011.
7. Pustka E. Loanword phonology in Romance // Manual of Romance Phonetics and Phonology. P. 503-528.
8. Dworkin S. A History of the Spanish Lexicon: A Linguistic Perspective. Oxford: Oxford University Press, 2012.
9. Pratt C. El anglicismo en el español peninsular contemporáneo. Madrid: Gredos, 1980.
10. González-Cruz M.-I., Rodríguez-Medina M. On the pragmatic function of anglicisms in Spanish: A case study // Revista Alicantina de Estudios Ingleses. 2011. № 24. P. 257-273.
11. Muñoz-Basols J., Salazar D. Cross-Linguistic Lexical Influence between English and Spanish // Spanish in Context. 2016. P. 80-102.
12. Garner P. El "imperio informal" británico en América Latina: ¿realidad o ficción? // Historia mexicana. 2015. № 65 (2). P. 541-559.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Лингвистические исследования в рамках социолингвистики последнее время появляются достаточно часто, и это вполне оправдано. Оценка языковых явлений на стыке ряда наук продуктивна, интересна, актуальна. Предметом изучения данной статьи становится употребление англицизмов в эквадорских публицистических текстах. Думаю, что указанная тема не имеет столь объемной развертки в круге научных изысканий, следовательно, может заинтересовать читательскую аудиторию. Фактические данные представлены в режиме должной верификации, автор стремится к объективности в выражении собственной точки зрения. Например, «Рассмотрением поставленного вопроса занимается социолингвистика – междисциплинарная область знаний, изучающая, как исходит из названия, взаимосвязь языка и общества. Отмечается, что отечественное и зарубежное языкознание приводят несколько отличные друг от друга трактовки предмета и объекта ее исследования», или «Проникновение англицизмов в испанский язык также усиливается благодаря средствам массовой информации, интернету и образовательному процессу. Проявляется это, как правило, на лексико-грамматическом уровне. Учитывая обширный спектр аудиальных и визуальных платформ, через которые англицизмы могут попасть в испанский язык, в наше время зачастую представляется невозможным определить первоначальный путь заимствования слов [5, с. 3]. Так, англицизм может попасть в испанский язык через фильмы или подкасты, рекламные ролики и блоги» и т.д. В принципе материал имеет заверченный, целостный

вид; стиль работы соотносится с научным типом. Однако, работу нужно вычитать, устранить неточности и недочеты: например, «тем не менее представляется возможным выделить основные концепции социолингвистики, которые заключаются в изучении языковых вариаций и языковой нормы, а также в анализе влияния социальных факторов на языковое поведение», или «Одним из ярчайших примеров социолингвистического глобализационного феномена являются англицизмы, или заимствования из английского языка. Разумеется, продиктованно это широким распространением влияния англоязычной культуры», или «говоря об историческом контексте распространения англоязычных заимствований в испанском языке Эквадора, стоит отметить, что начало этому процессу было положено благодаря налаживанию контактов с англоязычными странами» и т.д. Удачно в текст работы вписываются и статистические данные, они поддерживают объективный тон всего сочинения. Да и оценка этих данных дается весьма точно: «Таким образом, данная статистика подтверждает описанный выше факт того, что эквадорский национальный вариант испанского был меньше подвержен западному влиянию в сравнении с другими латиноамериканскими вариантами. Тем не менее, англицизмы все же встречаются в текстах, связанных с политикой, экономикой и технологиями. В первую очередь, были выявлены лексические англицизмы – прямые заимствования слов из английского языка. Эти термины широко используются в статьях, посвященных тем сферам жизни, где английский язык является доминантным. Некоторые примеры: el marketing, el streaming, el startup, el freelance» и т.д. Базовые требования издания учтены, уместен факт включения таблиц (визуализация); использованная литература является базисом труда, цитация выдержана. В финальной части автор отмечает, что «в ходе проведенного анализа были выявлены ключевые особенности использования англицизмов в эквадорском национальном варианте испанского языка. Активно проникающие в него заимствования оказывают значительное влияние на различные аспекты языкового и культурного пространства страны. Особенности их употребления зависят от множества факторов, включая социальную принадлежность, возраст, а также жанровую специфику и целевую аудиторию текстов. Так, молодежь наиболее склонна к использованию англицизмов, воспринимая их как более адекватное современным процессам средство самовыражения...» и т.д. Работа имеет практическую направленность, материал уместно использовать в вузе при изучении курсов лингвистического толка. Считаю, что тема статьи раскрыта, методы, которые избирает автор, актуальны, серьезных недочетов нет. Статья «Социолингвистический анализ примеров употребления англицизмов в эквадорских публицистических текстах» может быть рекомендована к публикации в журнале «Филология: научные исследования».

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье предметом исследования выступают англицизмы в эквадорских публицистических текстах, актуальность изучения которых обусловлена тем, что «современные глобализационные процессы, приведшие к становлению нового формата межкультурного обмена, а также стремительное развитие информационных технологий, повлияли на возникновение и популяризацию англоязычных заимствований во многих языках». Однако, как отмечается в статье, «наибольший интерес вызывает функционирование англицизмов в эквадорских публицистических текстах, поскольку СМИ не только отражают существующую на данный момент языковую норму, но также

активно влияют на то, как представленная в них информация воспринимается населением страны».

Материалом для анализа послужили новостные статьи, опубликованные на сайтах наиболее читаемых газет Эквадора. В их список вошли следующие издательства: El Comercio, El Diario, El Telégrafo, El Universo и Expreso. Критериями для отбора текстов стали их тематика, отражающая ключевые аспекты современного уклада жизни в Эквадоре, такие как экономика, технологии, культура и спорт. В каждом из издательств было рассмотрено 100 новостных текстов с целью обнаружения в них англицизмов. Исследование материала осуществлялось с использованием социолингвистического анализа, контент-анализа и статистического анализа. Выбор методов оправдан: «задачи социолингвистики заключаются в изучении языковых вариаций и языковой нормы, а также в анализе влияния социальных факторов на языковое поведение, в то время как цель данной науки сводится к формированию понимания того, как социальный класс, образование, пол, возраст влияют на использование определенных языковых единиц в различных контекстах».

Теоретическую базу данного исследования логично составили труды по социологии и англицизмам в языках отечественных и зарубежных ученых (В. М. Алпатов, М. Д. Сеттарова, Х. Бенямина, М.А. Брейтер, L. Bäumlér, S. Dworkin, C. Pratt, M.-I González-Cruz., M. Rodríguez-Medina).

Анализ теоретического материала и его практическое обоснование позволили автору(ам) выявить ключевые особенности использования англицизмов в эквадорском национальном варианте испанского языка: «особенности их употребления зависят от множества факторов, включая также жанровую специфику и целевую аудиторию текстов».

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру, способствующую полноценному восприятию материала. Библиография статьи насчитывает 12 работ, большая часть которых – иностранные источники, что очевидно в связи с предметом исследования. Однако автору(ам) следует обратить внимание на библиографическое описание иностранных источников в соответствии со стандартом АРА (см требования редакции).

Результаты, полученные в ходе анализа, имеют теоретическую значимость и практическую ценность: они вносят определенный вклад в развитие исследований в области проблем теории языка и лексикологии; в изучение англоязычных заимствований в других языках, а также могут быть использованы в вузовских курсах по общему языкознанию, функциональной стилистике, лингвистической прагматике, межкультурной коммуникации и др.

Стиль изложения материала отвечает требованиям научного описания, содержание работы соответствует названию. Статья имеет заверченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Афанасьева А.Г. Потенциал телеграм-канала преподавателя университета для развития имиджа вуза //

Филология: научные исследования. 2024. № 10. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.10.71919 EDN: ALIGGP URL:

https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71919

Потенциал телеграм-канала преподавателя университета для развития имиджа вуза

Афанасьева Анастасия Георгиевна

заместитель начальника; управление персонала; РЭУ им.Г.В.Плеханова

115404, Россия, г. Москва, ул. Касимовская, 7 корпус 1, кв. 33

✉ aafanaseva345@gmail.com

[Статья из рубрики "Коммуникации"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2024.10.71919

EDN:

ALIGGP

Дата направления статьи в редакцию:

08-10-2024

Аннотация: Предметом исследования является контент телеграм-канала преподавателя вуза как средство формирования имиджа вуза. Объектом исследования является потенциал телеграм-канала сотрудника как вклад в public relations организации. Автор подробно рассматривает данную проблематику на примере организаций высшего образования, выбрав для практического анализа крупный и малый вузы и сопоставив контент телеграм-каналов тех преподавателей, которые афишируют свою аффилиацию к вузу. Особое внимание уделяется двум различным подходам, характерным для крупного и малого вуза соответственно: в первом случае профессура позиционирует себя как профессионалов независимо от преподавательской деятельности, во втором – именно как сотрудников вуза. В результате анализа выработаны рекомендации, которые позволят университетам продуктивно использовать потенциал новых медиа. При отборе материала исследования использовался метод сплошной выборки сотрудников, ведущих телеграм-каналы и непосредственно содержания самих телеграм-каналов. В анализе содержания был использован метод контент-анализа публикаций, анализ количественного состава аудитории, а также стратегии взаимодействия автора канала

со своей аудиторией через инструменты обратной связи. Основными выводами проведенного исследования являются, во-первых, констатация факта крайне малого использования потенциала телеграм-каналов сотрудников для построения имиджа организации в области высшего образования. При большом внимании к личности преподавателя и значительном влиянии его персоналии на взгляды студенчества, вкусы в области искусства и культуры и выбор будущей профессии профессура не конвертирует это влияние в пространство новых медиа. Особым вкладом автора в исследование темы является выявление двух стратегий взаимодействия персоналии автора телеграм-канала с его профессией вузовского преподавателя. Условно можно обозначить их как первичность профессионального успеха и личного бренда независимо от преподавания и первичность преподавания независимо от личного бренда. Новизна исследования заключается во впервые предпринятом в отечественной науке исследовании телеграм-канала преподавателя именно в связи с имиджем университета: так, присутствуют исследования телеграм-каналов преподавателей в их связи именно с процессом преподавания (размещение заданий, диалоги с обучающимися через платформу Телеграм), но связь с позиционированием вуза и его имиджем ранее не рассматривалась.

Ключевые слова:

телеграм, имидж, высшее образование, public relations, новые медиа, профессура, студенчество, личный бренд, университет, телеграм-каналы

Частные Телеграм-каналы в последнее время приобретают популярность, становятся важным инструментом построения личного бренда и воздействия на аудиторию. Если телеграм-канал ведется представителем организации, то его контент оказывает влияние на имидж данной организации в публичном пространстве.

Контент частных телеграм-каналов и его особенности с научной точки зрения в отечественной науке пока мало отрефлексирован. Так, лингвистические особенности публикаций рассматриваются Ю.В. Шуйской [\[1\]](#), где рассматриваются как телеграм-каналы определенной личности, так и телеграм-каналы организаций. В.В. Олешкевич, анализируя ведущие телеграм-каналы Российской Федерации, указывает «проанализировав работу трех телеграм-каналов, занимающих ведущие позиции в рейтингах телеграм-СМИ, можно сделать вывод о том, что мессенджер в условиях изменений и прекращения работы традиционных СМИ выступает в качестве информационной альтернативы – предоставляет площадку для вещания не только блогерам, но и журналистам» [\[2, с. 84\]](#).

Телеграм-каналы преподавателей рассматриваются в статье [\[3\]](#) в ключе преподавания – учителя выкладывают в каналах задания, делятся секретами изучения иностранного языка. В исследовании [\[4\]](#) продемонстрирован потенциал Телеграма как мессенджера в отношении организации студенческих групп: «Однако в данном исследовании не рассматривается потенциал личных телеграм-каналов сотрудников как инструмент построения имиджа организации, что и обуславливает проблему настоящего исследования.

Первые исследования телеграм-каналов как важной информационной силы и нового средства построения коммуникации с аудиторией начались в 2018 г. [\[5\]](#), когда Телеграм

как мессенджер появился и начал интенсивно развиваться. В фундаментальном исследовании [6] обобщены сильные и слабые стороны Телеграма. К сильным сторонам относятся возможность мгновенного обмена сообщениями, быстрый рост и развитие мессенджера [6, с. 296]. Возможность вести каналы, в которых размещается информация, в качестве преимущества не рассматривается.

В исследованиях [7-9] проанализирован обширный потенциал Телеграма в области новой журналистики, его влияния на медиаполе и диверсификацию контента. О.И. Ляховенко указывает, что «В политическом сегменте мессенджера Telegram сложилась уникальная ситуация: низкий «порог входа», короткое «плечо» передачи информации к адресату, в том числе статусному и «закрытому», массовый охват при одновременной элитарности коммуникации» [10, с. 124]. Указанное соображение может быть экстраполировано на коммуникацию в Телеграм в других областях, в том числе – в сфере образования.

Краткий обзор исследования Телеграм в отечественной и зарубежной науке показывает, что на сегодняшний день не исследован имиджевый потенциал Телеграм-каналов преподавателей как средства PR вуза. Не подвергается сомнениям организационный потенциал Телеграма как мессенджера и его информационные возможности, однако комплексного анализа этих двух факторов выявить не удалось, что и обуславливает необходимость проведения настоящего исследования.

Телеграм-канал преподавателя является способом объединения студентов (при условии, что преподаватель позиционирует себя именно как преподаватель и не скрывает свою идентичность от своих учеников), внедрения в их среду корпоративного духа и способом внутреннего PR вуза, факультета и конкретной дисциплины. В этом отношении большой интерес представляют открытые телеграм-каналы, к которым может присоединиться любой человек – в том числе не студент вуза, а его друг, знакомый, родственник и т.д.

Для практического анализа были привлечены телеграм-каналы преподавателей Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова и Московского университета имени А.С. Грибоедова. Прежде всего, следует отметить, что преподаватели практически не используют потенциал мессенджера: поиск по открытым источникам позволил выявить единичные телеграм-каналы преподавателей, несмотря на то, что в составе обоих университетов имеется факультет журналистики, профессура которого осознает экспансию новых медиа и их потенциал во взаимодействии со студентами. При этом у РЭУ имени Г.В. Плеханова отсутствует централизованный телеграм-канал – есть телеграм-каналы приемной комиссии [11], отдельных направлений и филиалов [12]. У Московского университета имени А.С. Грибоедова такой канал присутствует [13], и его контент представляет собой, главным образом, новости из жизни университета – рассказы о конференциях, студенческих активностях, публикациях и пр.

Среди преподавателей РЭУ имени Г.В. Плеханова выявлены такие телеграм-каналы, как «Нармина про карьеру и профориентацию» [14] и «Алексей Кыласов» [15]. Второй канал представляет собой уникальный среди анализируемых случай – он именной, привязан к имени и фамилии владельца – преподавателя, доктора культурологии. Среди анализируемых телеграм-каналов у него максимальное количество подписчиков – более 3 тысяч по состоянию на октябрь 2024 года.

Среди преподавателей Московского университета имени А.С. Грибоедова присутствуют владельцы анонимизированных телеграм-каналов «Преподские байки» [16] и «Ключи под

мантией звенят» [\[17\]](#), которые не раскрывают свою личность в описании канала, однако используют в качестве фото канала свои реальные фотографии, в результате чего студенты вуза и сотрудники могут их идентифицировать.

Количество подписчиков в анализируемых телеграм-каналах по состоянию на октябрь 2024 – 364 человека у [\[14\]](#), 3116 у [\[15\]](#), 143 у [\[16\]](#) и 57 у [\[17\]](#), что в пропорциональном отношении примерно соответствует масштабам соответствующих вузов – РЭУ имени Плеханова, по данным портала «Вузопедия» [\[18\]](#), обучает на 2024 года 8 400 студентов, а Московский университет имени А.С. Грибоедова – 1636 студентов [\[19\]](#), т.е. РЭУ имени Г.В. Плеханова приблизительно в 5 раз больше, чем Московский университет имени А.С. Грибоедова.

Рассмотрим контент телеграм-каналов в порядке убывания количества подписчиков. Канал [\[15\]](#) ежедневно публикует материалы, представляющие собой репост статей, других телеграм-каналов, скриншоты выступлений автора канала в различных телепрограммах, высказывания по актуальным вопросам. Автор не скрывает своей аффилиации к РЭУ имени Г.В. Плеханова – так, в чате регулярно появляются фотографии его выступлений в различных телепрограммах, в которых он подписан как профессор соответствующего вуза. При этом контент телеграм-канала никак не связан с преподавательско-студенческим контекстом – на октябрь 2024 автор лишь единожды упоминает о своих студентах и при этом в связи с вопросами, имеющими общественный резонанс: «Я всегда беспощадно снижал оценки своим студентам, если обнаруживал материалы Википедии, содержащей наукообразные статьи, представляющие собой гремучую смесь тенденциозных материалов. А вот российским чиновникам от науки и образования понадобилось больше десяти лет, чтобы понять сущность Википедии как средства оболванивания населения» [\[15\]](#).

Алексей Кыласов высказывается по вопросам политики, науки и спорта, в основном позиционируя себя как общественного деятеля и профессора. Он не упоминает в контексте поста конкретный вуз и не занимается его прямым PR, реклама университета в данном случае косвенная, через фото автора публикаций канала. Комментарии в постах закрыты, у подписчиков нет возможности написать автору обратную связь.

У канала [\[14\]](#) в описании канала присутствует ссылка на сайт, на котором размещена информация о том, что автор канала, Нармина Борисова, работает преподавателем в РЭУ имени Г.В. Плеханова. В контенте телеграм-канала много постов о студентах без упоминаний конкретных имен и фамилий. Автор в силу своей плотной работы с профориентацией часто упоминает о старшеклассниках, их ориентировании в будущей специальности и пр. Так, типичный пост в канале выглядит следующим образом: «Можно ли перевестись из ВУЗа в ВУЗ после 1 курса?

Можно. Но озаботится этим надо в тот момент, когда абитуриент принимает решение, что поступает в иной ВУЗ, вместо желаемого. Эта ситуация возникает тогда, когда не набраны баллы на желаемое направление» [\[14\]](#).

Содержание комментариев показывает, что целевой аудиторией канала являются, главным образом, абитуриенты и их родители. Нармина Борисова делится историями выбора профессии, успеха, поступления в вузы и последующего профессионального развития. Не декларируя эксплицитно в теле канала, что она является преподавателем РЭУ имени Г.В. Плеханова, Нармина Борисова, тем не менее, указывает ссылку на эту информацию и может быть идентифицирована как преподаватель соответствующего вуза.

Telegram-каналы преподавателей Московского университета имени А.С. Грибоедова ^[16] и ^[17] являются гораздо более скромными с точки зрения охвата аудитории, однако представляют большой интерес в контексте PR вуза. У людей, ведущих эти каналы, нет деанонимизации в самом телеграм-канале, зато присутствует ссылка на их канал в личном профиле телеграма. Получается, что представитель внешней аудитории не сможет обнаружить эти каналы (в отличие от анализируемых каналов преподавателей РЭУ имени Г.В. Плеханова), но студент, обучающийся у конкретных преподавателей, сможет присоединиться к их каналу.

Так, канал «Преподские байки» в самом названии декларирует интересные истории из жизни преподавателя и студентов, действительно составляющие большую часть контента канала. Помимо этого, автор публикует истории из своей жизни, упоминает о практике репетиторства и частных занятий. В контенте канала часто представлены диалоги со студентами в социальных сетях, в которых имена зашифрованы как «Очень ответственная студентка», «Дистанционный студент» и подобным образом. Пример типичного поста в канале: «Спрашиваю на семинаре по психологии журналистики, кто из присутствующих характеризует себя как экстраверта.

Студент: зависит от количества выпитого.

Другой студент: не всегда алкоголь превращается интроверта в экстраверта. Иногда интроверт просто становится грустным интровертом.

Я: или интровертом, которому плохо» ^[16].

Автор не деанонимизирует свою работу в конкретном вузе, тождество личности автора канала и конкретного преподавателя может быть установлено только при непосредственном знакомстве. Взаимодействие с PR вуза может быть прослежено только через живой интерес студентов вуза к постам своего преподавателя: они комментируют, репостят и делятся контентом канала со своими друзьями, в том числе не из вуза, что позволяет расширять узнаваемость университета, однако достаточно косвенным образом.

Сходная структура и у телеграм-канала ^[17], обладающего самым меньшим числом подписчиков из всех анализируемых. Его автор упоминает, что работает в вузе, не называя имени и конкретного университета, однако контент касается, среди прочего, обучения и студенческой среды. Как и в ^[16], в качестве аватара канала используется собственное фото автора, что позволяет его идентифицировать тем, кто знаком с ним непосредственно. Интересно, что автор канала уделяет много внимания субкультуре dark academia – молодежному движению, в контексте которого предполагается активная учеба, посещение библиотек, скрупулезное выполнение домашних заданий и т.д. ^[18]

Типичный пост в контексте этой эстетики – например, «окей, осень. мы недооценили то, насколько сильно по тебе скучали. теперь — время привыкать к твоей натуре и постигать все, что ты в себе несешь. можно подольше, мм?..

на этой неделе корпус университета засыпало рапсово-желтым. возвращаем нашу славную привычку видеть курилку полной от цветных причесок, луков и голосов; в отличие от безлюдности, от приевшегося молчания лета» ^[17].

Как видно из приведенных примеров, преподаватели гуманитарных факультетов двух сопоставляемых университетов выбирают различные стратегии личного пиара в его

взаимодействии с public relations вуза. Преподаватели РЭУ имени Г.В. Плеханова позиционируют себя как профессионалов независимо от своего преподавания в вузе, упоминают свой статус, но не привлекают к нему внимания, и, в сущности, созданные ими телеграм-каналы являются скорее средством PR личного бренда, чем средством PR непосредственно вуза. Более интересный случай в Московском университете имени А.С. Грибоедова: выбранные каналы, наоборот, привлекают подписчиков через вуз и посвящают свой контент именно студенческо-преподавательской тематике. Однако ни те, ни другие виды телеграм-каналов преподавателей не способствуют привлечению внимания к вузу.

В результате проведенного исследования становится очевидным, что вузы мало используют потенциал Телеграма как социальной сети и телеграм-каналов сотрудников и преподавателей. Выбранные для исследования вузы находятся в разных «весовых категориях», однако в них наблюдаются сходные тенденции: ни крупный, ни малый университет не используют обширный потенциал телеграм-каналов как площадки для формирования и укрепления имиджа вуза. Прежде всего, крайне незначительный процент преподавателей вуза в принципе ведет телеграм-каналы. Те, кто ведет, не вступают во взаимодействие со сформировавшимся имиджем вуза и не используют его потенциал: преподаватели РЭУ имени Г.В. Плеханова позиционируют себя как независимых профессионалов и лишь косвенно упоминают о своей работе в вузе, а преподаватели Московского университета имени А.С. Грибоедова деанонимизированы лишь для узкого круга непосредственно знакомых с ними студентов и не упоминают эксплицитно, в каком именно университете работают.

Несмотря на обширный потенциал телеграм-каналов и их широкое использование в сфере public relations, вузы не привлекают свой преподавательский состав к PR университета через этот способ коммуникации. Персоналия преподавателя, его профессиональный и жизненный опыт вызывает большой интерес студентов и потенциальных обучающихся – абитуриентов, и этот интерес может быть реализован в деятельном привлечении абитуриентов через телеграм-каналы. Многие учреждения ведут официальные телеграм-каналы и поощряют частные телеграм-каналы сотрудников, однако в высшем образовании эта практика не развита. Обозначенная в данном исследовании точка роста может быть использована в дальнейшей работе организаций высшего образования в Российской Федерации.

Библиография

1. Шуйская Ю.В. Лингвистические особенности дискурса телеграм-каналов как нового типа медиа // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 6, Языкознание: Реферативный журнал. 2023. № 3. С. 45-57.
2. Олешкевич В.В. Телеграм-журналистика: информационные проекты в мессенджерах как новые массмедиа // Меди@льманах. 2022. № 5 (112). С. 74-84.
3. Косарева Е.В., Попова Т.И., Щукина К.А., Анциферова О.В., Афанасьева Н.А., Ерофеева И.Н., Колесова Д.В. Телеграм-канал как средство Lifelong Learning для преподавателя РКИ // Профессорский журнал. Серия: Русский язык и литература. 2022. № 3 (11). С. 31-38.
4. Aladsani H. K. University Students' Use and Perceptions of Telegram to Promote Effective Educational Interactions: A Qualitative Study. // International Journal of Emerging Technologies in Learning. 2021. № 16(9). Pp. 1-16.
5. Бондаренко О.В. Телеграмм-каналы как новый вид коммуникации с общественностью // Век информации. 2018. № 2-2. С. 170-172.
6. Laiby Th., Subramanya Bh. A Comprehensive Overview of Telegram Services – A Case

- Study // International Journal of Case Studies in Business, IT, and Education. Vol. 6. No. 1. April 2022. Pp. 288-301. DOI: <https://doi.org/10.5281/zenodo.6513296>
7. Дядченко М.В., Холодилина А.Ю. Роль telegram-каналов в российском инфополе // Язык и коммуникация в контексте культуры. Материалы международной научно-практической онлайн-конференции. – Ростов-на-Дону, 2022. – С. 311-316.
 8. Кушнерук С.Л. Фреймирование предвыборной политической ситуации в дискурсе телеграм-канала // Медиалингвистика. – 2022. – Т. 9. – № 3. – С. 220-236.
 9. Малахов А.А. Сегментация и фрагментация аудитории на примере телеграм-каналов // Актуальные проблемы медиапространства: от теоретических аспектов до практической реализации. Сборник научных статей. – Москва, 2022. – С. 255-263.
 10. Ляховенко О.И. Телеграм-каналы в системе экспертной и политической коммуникации в современной России. // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2022. Т. 4. № 1. С. 114-144.
 11. Приемная комиссия РЭУ им. Г.В. Плеханова // https://t.me/abiturient_reu
 12. Брянский филиал РЭУ им. Г.В. Плеханова // <https://t.me/reu32>
 13. Университет Грибоедова // https://t.me/impe_griboedova
 14. Нармина про карьеру и профориентацию // <https://t.me/borisovanarmina>
 15. Алексей Кыласов // <https://t.me/kylasov>
 16. Преподаские байки // https://t.me/university_tales
 17. Ключи под мантией звенят // <https://t.me/silvouscle>
 18. РЭУ имени Г.В. Плеханова // <https://vuzopedia.ru/vuz/416>
 19. Московский университет имени А.С. Грибоедова // <https://vuzopedia.ru/vuz/885>
 20. Юзефович Г.Л. Апология «темной академии» // <https://theblueprint.ru/culture/paper/darcacademia>

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена исследованию потенциала телеграм-канала преподавателя университета для развития имиджа вуза. Предмет исследования представляет собой достаточно актуальный социальный феномен: «частные Телеграм-каналы в последнее время приобретают популярность, становятся важным инструментом построения личного бренда и воздействия на аудиторию. Если телеграм-канал ведется представителем организации, то его контент оказывает влияние на имидж данной организации в публичном пространстве. Контент частных телеграм-каналов и его особенности с научной точки зрения в отечественной науке пока мало отражены». Отмечается, что «телеграм-каналы преподавателей рассматриваются в статье в ключе преподавания – учителя выкладывают в каналах задания, делятся секретами изучения иностранного языка. В исследовании продемонстрирован потенциал Телеграма как мессенджера в отношении организации студенческих групп».

Материалом исследования послужили телеграм-каналы преподавателей Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова и Московского университета имени А.С. Грибоедова. Автор(ы) установили, что «преподаватели практически не используют потенциал мессенджера: поиск по открытым источникам позволил выявить единичные телеграм-каналы преподавателей, несмотря на то, что в составе обоих университетов имеется факультет журналистики, профессура которого осознает экспансию новых медиа и их потенциал во взаимодействии со студентами. При этом у РЭУ имени Г.В. Плеханова отсутствует централизованный телеграм-канал – есть телеграм-каналы приемной

комиссии, отдельных направлений и филиалов. У Московского университета имени А.С. Грибоедова такой канал присутствует, и его контент представляет собой, главным образом, новости из жизни университета – рассказы о конференциях, студенческих активностях, публикациях и пр.».

Теоретической основой исследования выступили труды таких отечественных ученых, как Ю. В. Шуйская, В. В. Олешкевич, О. И. Ляховенко, О. В. Бондаренко, А. А. Малахов, Е. В. Косарева, Т. И. Попова и др., а также зарубежных исследователей Н. К. Aladsani, Th. Laiby, Bh. Subramanya, обзор которых показал, что «на сегодняшний день не исследован имиджевый потенциал Телеграм-каналов преподавателей как средства PR вуза. Не подвергается сомнениям организационный потенциал Телеграма как мессенджера и его информационные возможности, однако комплексного анализа этих двух факторов выявить не удалось, что и обуславливает необходимость проведения настоящего исследования».

Методология проведенного исследования в работе не раскрывается, но очевиден ее традиционный характер. Методы используются с учётом специфики предмета, объекта, цели и задач работы: описательный метод, контент-анализ материала и метод системного анализа. Анализ теоретического материала и его практическое обоснование позволили автору(ам) установить, что «несмотря на обширный потенциал телеграм-каналов и их широкое использование в сфере public relations, вузы не привлекают свой преподавательский состав к PR университета через этот способ коммуникации. Персоналия преподавателя, его профессиональный и жизненный опыт вызывает большой интерес студентов и потенциальных обучающихся – абитуриентов, и этот интерес может быть реализован в деятельном привлечении абитуриентов через телеграм-каналы. Многие учреждения ведут официальные телеграм-каналы и поощряют частные телеграм-каналы сотрудников, однако в высшем образовании эта практика не развита».

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру, способствующую полноценному восприятию материала. Стиль изложения материала соответствует требованиям научного описания и характеризуется оригинальностью, логичностью и доступностью.

Библиография исследования состоит из 20 источников, в том числе иностранных. В библиографическом списке присутствуют как фундаментальные труды, так и актуальные работы.

Теоретическая и практическая значимость исследования неоспорима и обусловлена его вкладом в решение современных проблем коммуникации. Кроме того, «обозначенная в данном исследовании точка роста может быть использована в дальнейшей работе организаций высшего образования в Российской Федерации».

Статья имеет завершённый вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Чай Л. Изучение рассказа «Сказать – не сказать...» В. Токаревой в китайском литературоведении // Филология: научные исследования. 2024. № 10. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.10.72011 EDN: ALSZFG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72011

Изучение рассказа «Сказать – не сказать...» В. Токаревой в китайском литературоведении

Чай Ли

ORCID: 0009-0000-3178-0415

аспирант, кафедра Русского языка и литературы, Дальневосточный Федеральный Университет

690950, Россия, Приморский край, г. Владивосток, ул. Аякс, 10

✉ 847743692@qq.com

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2024.10.72011

EDN:

ALSZFG

Дата направления статьи в редакцию:

17-10-2024

Аннотация: Актуальность работы определяется тенденциями российско-китайской межкультурной коммуникации, а также интересом к изучению особенностей восприятия творчества современных русских писательниц в китайском литературоведении и критике. Объектом исследования являются критические материалы на китайском языке, посвященные изучению творчества В. Токаревой и ее рассказа «Сказать - не сказать...». Предмет исследования – особенности восприятия и осмысления рассказа писательницы китайской критикой и литературоведением. Цель исследования – определить особенности восприятия рассказа В. Токаревой «Сказать – не сказать» в китайском литературоведении и критике. Для достижения вышеуказанной цели исследования мы должны решить следующие задачи: 1) систематизировать переводы произведений В. Токаревой, опубликованных к настоящему времени, особенно переводы произведения «Сказать – не сказать...»; 2) проанализировать особенности изучения китайскими учеными творчества В. Токаревой и тенденцию развития изучения рассказа «Сказать – не сказать...»; 3) изучить и обобщить причины внимания ученых к рассказу и углубления анализа этого рассказа в китайском литературоведении. Для решения указанных задач

применяются следующие методы: типологический метод, который позволил рассмотреть общие характерные черты в восприятии творчества В. Токаревой китайской критикой в разные периоды; метод целостного анализа, который дал возможность изучить проблемное и тематическое наполнение критических статей китайских русистов. Научная новизна исследования состоит в том, что в этой работе впервые проводится систематический анализ восприятия «Сказать – не сказать...» В. Токаревой в Китае. В статье дан сравнительный анализ изучения рассказа в разные периоды, проанализированы причины углубления исследований этой области. В результате установлено, что восприятие произведения В. Токаревой связано с динамическим характером осмысления литературных произведений. Отмечено, что анализ творчества автора сосредоточен на трех основных аспектах: исследования тем; исследования лингвистических особенностей; исследования с точки зрения отражения феминистских идей в творчестве В. Токаревой. Доказано, что благодаря постоянному улучшению качества перевода очевиден процесс развития критических высказываний от общих сведений об авторе и произведении до многостороннего анализа творческого стиля писательницы.

Ключевые слова:

В. Токарева, рассказ, китайское литературоведение, китайская критика, переводы, русская женская проза, межкультурная коммуникация, восприятие, китайские русисты, рецепция

«Движение 4 мая» в 1919 году в Китае способствовало пробуждению сознания женщин. Оно не только вызвало глубокие социальные изменения и культурную революцию, но и стало женским освободительным движением, которое побудило группу женщин с демократическим и свободным мышлением взять на себя инициативу в выражении своих взглядов на общество и жизнь, а также в проявлении уникальных мыслей и чувств женщин в литературе. С тех пор в Китае появилась иностранная женская литература, а китайские писательницы также стали задумываться о себе и о мире. С тех пор китайский феминизм продолжает развиваться.

В середине 1980-х годов западный феминизм по-настоящему начал свое распространение в Китае. Китайские ученые осуществили множество переводов классики западного феминизма и провели исследование в этой области. Появление переводов иностранной женской прозы также обеспечено распространением феминизма. После 1980-х гг. в Китае появилось много переводов русской женской литературы, например, произведения таких авторов, как Л. Петрушевская, В. Токарева, Т. Толстая и другие.

В. Токарева стала известна в русской литературе с 1964 года, опубликовав рассказ «День без вранья» в 7-м номере газеты «Молодая Гвардия», и с тех пор не прекращает писать. С 1986 года, когда в китайском журнале «Советская литература» появился рассказ «Между небом и землей» (переводчик Чжэн Хайлин), творчество писательницы покорило китайских читателей. Благодаря постоянным переводам и исследованиям произведений писательницы, китайские ученые получили ряд ценных научных результатов. В этой работе проанализированы как основные переводы рассказа В. Токаревой «Сказать – не сказать...» на китайский язык, так и результаты исследования этого рассказа в Китае. Нами выбран хронологический принцип описания, чтобы представить динамику в оценке означенного рассказа автора в китайском

литературоведении.

Обзор переводов и исследований творчества В. Токаревой в Китае

В. Токарева – русская писательница, творчество которой привлекает внимание китайских переводчиков и читателей на протяжении последних тридцати лет. Двадцать пять рассказов В. Токаревой были переведены на китайский язык; некоторые из них, в том числе «Между небом и землей», «Старая собака», «Не сотвори», «Я есть. Ты есть. Он есть», «Сказать – не сказать...» и т.д. имеют два и более перевода. Первый переведенный сборник В. Токаревой на китайский язык – это «Длинный день», который был опубликован Хэнаньским народным издательством в 1990 году, переводчиком которого является Чжэн Хайлин.

В процессе перевода китайские ученые продолжают искать новые стратегии, подходящие для стилового своеобразия творчества В. Токаревой. Например, в диссертации Лю Тун из Пекинского университета иностранных языков «Доклад о переводе рассказа В. Токаревой "День без вранья"» [\[15\]](#) анализируются такие особенности оригинального текста, как отображение реальной жизни и простой язык. И вводятся основные принципы перевода, такие как «*达义为本*» (следование теории эквивалентности) (Здесь и далее перевод Чай Ли) и «*风格有价*» (обеспечение воспроизведения исходного стиля в переводном тексте). Существует также диссертация Чжань Юйлин «Художественный перевод с точки зрения теории релевантности - на примере перевода рассказа В.С. Токаревой "Между небом и землей"» [\[27\]](#), которая посвящена изучению метода перевода произведений Токаревой на основе теории релевантности. В диссертации «Перевод эмоционально-психологических описаний художественного текста – на примере рассказа В. Токаревой "Старая собака"» [\[23\]](#) Ван Хаожан классифицировал эмоционально-психологические описания, появляющиеся в произведениях писательницы, и обратил внимание на риторические средства оригинального произведения и сохранение их художественного воздействия в переводе.

Китайские русисты считают, что все сюжеты творчества В. Токаревой взяты из жизни, это одна из причин того, почему писательница может быть любима читателями в России и за рубежом. Как считал литературовед П. Николаев, «все произведения писательницы становились бестселлерами» [\[2, с. 686\]](#). Поскольку произведения В. Токаревой постепенно стали частью переводной женской прозы, исследователи обратились не только к проблемам перевода, но и к анализу творческого метода писательницы. Можно выделить следующие три направления исследований.

(1) Исследования, посвященные тематике произведений. Анализ темы помогает интерпретировать подтекст произведения и позволяет исследовать социальную значимость и культурную ценность творчества автора. Например, Пань Сюетин в своей статье «Анализ темы рассказа В. Токаревой "Счастливый конец"» анализирует темы любви, семьи, жизни и смерти в произведениях В. Токаревой. Эти темы «вызывают у людей размышления о женщинах, а также связаны с социальными проблемами, такие как проблемы морали и отношений между людьми» [\[18, с. 22\]](#). В своей диссертации «Темы и образы в феминистских рассказах В. Токаревой» [\[26\]](#) ученый Юань Юань утверждает, что темы любви, семьи и существование являются типичными для творчества В. Токаревой. А Лю Чжунсю в своей работе «Тема одиночества в рассказах В. Токаревой» приходит к выводу, что социальные и культурные изменения приводят к конфликту моральных ценностей, что служит причиной душевного одиночества. По мнению Лю Чжунсю, «в своих произведениях Виктория Токарева выражает мысль о том, что

стремление к независимости, проявление любви к другим и смирение с одиночеством – вот позитивные способы преодоления одиночества» [\[16, с. 4\]](#).

(2) Исследования, посвященные лингвистическим особенностям. Большинство китайских ученых изучают языковые особенности произведений В. Токаревой с точки зрения лексикографии, риторики и прагматики. Сунь Чао в работе «Исследование российских повестей и рассказов 1980-х и 1990-х годов» [\[22\]](#) обобщил творческие особенности В. Токаревой: яркий и юмористический язык, частое использование афоризмов, исторических и религиозных аллюзий. В своей работе «Исследование лингвистических особенностей произведений В. Токаревой» [\[19\]](#) Цю Шувэнь анализирует языковые особенности рассказов Виктории Токаревой на уровнях словообразования, лексики, синтаксиса и риторики. Ученый Ван Цзюань в монографии «Творчество В. Токаревой в контексте лингвистики» [\[24\]](#) берет прагматику в качестве теоретического руководства, чтобы изучить специфические средства выражения, и их функционирование в произведениях В. Токаревой.

(3) Исследования с точки зрения отражения феминистских идей в творчестве В. Токаревой. Как представитель русской современной женской прозы В. Токарева описывает реальную жизнь и призывает женщин освободиться от негативного влияния жизненных обстоятельств и стремиться к лучшему. Китайские исследователи анализировали с точки зрения феминистской критики дух женской независимости и феминистские мысли, отражающиеся в произведениях В. Токаревой. Например, Фу Синхуань в своей статье «Столкновение двух полов – анализ феминистской мысли в повести В. Токаревой "Лавина"» [\[11\]](#) утверждает, что писательница подчеркивает необходимость для женщин повысить свою самооценку; также автор статьи исследует сложные гендерные отношения в произведении. Ши Цзиньжу в диссертации «Анализ двух женских образов в творчестве В. Токаревой» [\[20\]](#) анализирует такие женские образы, как Елена Кудрявцева в «Гладком личике» – «рабыня красоты» и в Артамонова «Сказать – не сказать...» – «хозяйка судьбы». Го Юе в своей диссертации «Исследование женского духа в произведениях В. Токаревой» использовала «духовную экологию» (Духовная экология – это развивающаяся область в религии, охране природы и научных кругах, которая предполагает, что во всех вопросах, связанных с охраной природы, энвайронментализмом и управлением землей, есть духовный аспект) как теоретическую основу для изучения образа женщины в творчестве В. Токаревой и «глубокого понимания влияния традиционной ценности на духовный мир современной женщины» [\[12, с. 43\]](#). Автор диссертации отмечает, что произведения В. Токаревой имеют положительное влияние на построения современного духовного мира женщины.

Изучение «Сказать – не сказать...» В. Токаревой в китайском литературоведении

Рассказ «Сказать – не сказать...» вышел в свет в 1991 г. и до сих пор является одним из репрезентативных для перевода произведений В. Токаревой. Первый перевод («表白,还是沉默.....») этого произведения на китайский язык был опубликован во втором номере журнала «Русская литература» в 2008 году, переводчиком является Ван Хунчан. С тех пор появилось еще три публикации перевода, которые приведены в таблице ниже (время поиска автора – апрель 2024 г.):

Табл. 1

Публикации перевода «Сказать – не сказать...» на китайском языке

Исследователь	Публикация	Исследователь	Публикация
---------------	------------	---------------	------------

название на китайском	переводчик	издательство/ журнал	год издания/ номер журнала
«表白,还是沉默.....»	王红厂 (Ван Хунчан)	«俄罗斯文艺» («Русская литература»)	2008. №2
«我一生都在等你»	谷羽, 王红厂 (Гу Юй, Ван Хунчан)	«青年文摘 (彩版)» («Молодежный дайджест (цветной)»)	2010. №24
«说?不说?»	岳萍 (Юе Пин)	«西部 (新文学)» («Запад (Новая литература)»)	2014. №2
«爱,从不会止歇»	谷羽, 王红厂 (Гу Юй, Ван Хунчан)	«青年作家» («Молодой писатель»)	2014. №5

Переводы рассказа «Сказать – не сказать...» привлекли внимание китайских читателей, а китайские ученые непрерывно обращаются к изучению этого произведения, находя в нем новые смыслы. Поиск на китайской академической платформе CNKI (China National Knowledge Infrastructure) показывает количество исследований, посвященных творчеству В. Токаревой и произведению «Сказать – не сказать...», которые показаны в таблице ниже (время поиска – апрель 2024 г.):

Табл. 2

Количество результатов изучения китайскими учеными рассказа

«Сказать – не сказать...» и творчества В. Токаревой (Сайт «CNKI», 2024)

Период	Количество исследований о «Сказать – не сказать...»	Количество исследований о творчестве В. Токаревой
2001-2010	1	6
2011-2015	1	13
2016 – по настоящее время	10	26

Как видно из таблицы, китайские ученые постепенно уделяют все больше внимания творчеству Виктории Токаревой.

Первая статья о рассказе «Сказать – не сказать...» – «В. Токарева, представительница современной русской женской литературы» была опубликована в двенадцатом номере журнала «Мировая литература» в 2009 году. Ее автор Ши Вэй, считающая В. Токареву представителем русской женской прозы, кратко знакомит с биографией писательницы и анализирует два ее рассказа «Вместо меня» и «Сказать – не сказать». Ши Вэй также обобщает особенности уникального творческого стиля писательницы, т.е. использование юмористического языка, раскрытие проблем, и близких к реальной жизни. Автор статьи полагает, что «хотя работы В. Токаревой показывают тоска жизни, но в то же время полны добрых надежд на будущее» [\[21, с. 13\]](#).

В 2012 г. статья «Особенности стиля русских постмодернистских писательниц» была опубликована в журнале «Писатель», выпуск №2. Автор Ма Сяохуа на примере «Сказать – не сказать...» анализирует особенности творчества В. Токаревой. Вывод заключается в том, что «независимо от того, какой тип главного героя, какой сюжет, концовка истории, написанной Викторией Токаревой, всегда счастливая» [\[17, с. 85\]](#).

В этих исследованиях упоминается творчество писательницы в целом. В работах после 2015 года уже дается более подробный анализ художественного метода. Появилось много статей, монографий и диссертаций. Исследования этого периода, по сравнению с предыдущими, характеризуются следующими двумя особенностями.

(1) Расширение направлений исследований – от простого знакомства с писателем и особенностями ее творчества до такого глубокого анализа ее произведений, как исследования темы, стиля, сюжета, исследования творчества сквозь отражения феминистских идей в произведениях В. Токаревой и др. Стоит отметить развитие изучения «Сказать – не сказать...» с точки зрения феминистской критики, чему посвящена почти половина работ среди исследований этого периода.

Например, Чжан Кунь, Го Юе в статье «Исследование женских образов в произведении В. Токаревой с точки зрения духовной экологии», опубликованной во седьмом номере журнала «Теоретическое наблюдение» в 2000 году, проанализировали процесс пробуждения самосознания и поиска самоценности Артамоновой – героини рассказа. Ученые разделяют женщин в произведениях В. Токаревой на три основных вида: женщины, живущие ради любви; женщины, стремящиеся к счастью; женщины, живущие, преодолевая трудности. Они считают, что Артамонова относится ко второй категории: это женщина, сознание которой меняется перед лицом невзгод и которая продолжает стремиться к счастью. Считается, что в «Сказать – не сказать...» «изображается женщина передового образа мыслей, которая пережила несчастливую любовь и брак, но обладает позитивным и полным энтузиазма духом, она все еще полна надежд на жизнь и имеет независимое сознание» [\[28, с. 122\]](#). Авторы статьи утверждали, что В. Токарева всегда описывала женщин с независимой личностью и сильным внутренним миром, и сфокусировала внимание на судьбе обыкновенных женщин.

В работе «Темы и образы в феминистских рассказах В. Токаревой» Юань Юань анализирует характер Артамоновой в «Сказать – не сказать...» и приходит к выводу, что «в творчестве писательницы для современных женщин любовь постепенно отходит на периферию и больше не является центром их жизни в процессе саморазвития» [\[26, с. 32\]](#). Юань Юань классифицирует образы женщин в творчестве В. Токаревой следующим образом: женщины нового поколения; женщины, относящиеся к жизни как к игре; женщины, не довольствующиеся тем, что есть. Артамонова считается женщиной нового поколения. После анализа образа героини Артамоновой Юань Юань приходит к выводу, что с помощью выразительных женских образов писательница поощряет женщин освобождаться от привязанности к мужчинам, стремиться к независимости и установлению своей ценности для общества.

(2) Углубление исследования отдельного направления. Что касается творческого стиля, то исследования перешли от простого обобщения языковых и творческих особенностей писательницы к более глубокому изучению традиций классической литературы, например, анализ влияния чеховского текста на произведения В. Токаревой, и анализу прецедентных феноменов в рассказе писательницы.

Творчество А.П. Чехова, по мнению китайских литературоведов, оказало огромное

влияние на творчество В. Токаревой. Сама писательница в одном из интервью рассказывала: «Еще помню, в двенадцать лет мне мама прочитала Чехова, и это повернуло во мне какой-то ключик. Как мне теперь кажется, это было, конечно, с самого начала заложено, как в компьютер информация закладывается. Я родилась с дискеткой писательницы, а Антон Павлович Чехов нажал нужную кнопку» [\[6, с. 41\]](#). Влияние А.П. Чехова на творчество В. Токаревой было подробно изучено Лю Мэнцзин, которая в диссертации «Трагические мотивы в творчестве В. Токаревой» анализирует сходство творения двух писателей и утверждает: «...как в чеховских рассказах, так и в произведениях В. Токаревой музыка играет важную роль. Оба автора обожают музыку Чайковского» [\[14, с. 37\]](#). Например, В. Токарева в «Сказать – не сказать...» написала, что Киреев приходит к Артамоновой и спрашивает, есть ли у нее «Детский альбом» Чайковского, что служит поводом для встречи двух главных героев.

В исследованиях ученые отмечают, что одной из главных особенностей творчества В. Токаревой является использование большого количества исторических и религиозных аллюзий. В статье «Прецедентные феномены как репрезентанты концепта "любовь" в рассказах В.С. Токаревой» [\[25\]](#) Янь Гоцинь глубже исследует аллюзии в произведениях В. Токаревой и проводит дальнейшее изучение проявления творческого стиля писательницы. Она полагает, что писательница часто использует прецедентные феномены для выстраивания сюжета, описания персонажей и интерпретации темы любви, что является характерной темой в творчестве писательницы. Например, причину развода двух главных героев в «Сказать – не сказать...» метко объясняют строчкой из стихотворения Лермонтова «Договор»: «Была без радости любовь, разлука будет без печали».

Расширение и углубление исследований рассказа «Сказать – не сказать...» могут быть объяснены двумя причинами. Первая причина: русская женская проза стала занимать существенное место в китайском литературном процессе. В конце двадцатого века на русской литературной сцене стали появляться выдающиеся писательницы, а также большое количество произведений женской прозы. «Женщины-прозаики, такие, как Л. Петрушевская, В. Токарева, Т. Толстая, Л. Улицкая и другие, также стали чаще выпускать свои сборники в 1990-х» [\[9, с. 33\]](#). В новом веке писательницы обращаются к анализу общественных и исторических тем в своем творчестве. «Новая женская проза стала не только привычным и заметным фактом литературного процесса, но вошла и в литературный, и даже академический процесс» [\[1, с. 76\]](#).

Во время феминистского движения с 1990-х годов культурная революция в Китае окончилась. После реформ и открытости Китая в стране произошли большие изменения в политической, экономической, социальной и культурной сферах, и социальное положение китайских женщин вновь изменилось. С возобновлением культурных обменов между Китаем и Западом зарубежная феминистская мысль вновь хлынула в Китай. В 1995 г. в Пекине состоялась Всемирная конференция женщин, на которой представлен девиз: «Смотреть на мир женскими глазами» [\[13, с. 91\]](#). На этой конференции исследования произведения, написанные женщинами, достигли кульминации. С тех пор соответствующие произведения стали переводиться в большом количестве. Русская женская литература также постепенно привлекала внимание китайских читателей и исследователей.

Согласно собранной информации в Интернете, количество публикаций произведений основных российских писательниц в Китае выглядит так: В. Токарева – 25, Л. Улицкая –

9, Петрушевская – 6, Т. Толстая – 4, О. Славникова – 2, Г. Яхина – 2, Д. Рубина – 2. С переводом и распространением произведений этих известных писательниц русская женская проза привлекла внимание исследователей. За последние 30 лет научные работы о русской женской прозе, опубликованные китайскими русистами, составило 67. В настоящее время в этой области появилось много ученых, которые активно знакомят китайские научные круги с творчеством конкретных современных русских писательниц, в том числе В. Токаревой.

Вторая причина, по которой рассказ «Сказать – не сказать» очень популярен в Китае заключается в следующем: в процессе восприятия произведений писателей за рубежом перевод и исследование неотделимы друг от друга. Качество перевода, его верность оригиналу и раскрытие стиля писателя во многом определяют, смогут ли произведения авторов быть успешно восприняты иностранными читателями и исследователями.

По мнению исследователей, «чтение оригинальных текстов вызывает определенные трудности (как при чтении любого иноязычного текста) у современного читателя в Китае» [4, с. 113], и «инаковость автора и читателя оказывается существенным барьером в понимании произведения. У инокультурного читателя не сформированы или недостаточно сформированы языковые и межкультурные компетенции, отвечающие за восприятие иностранного художественного текста в контексте картины мира чужой культуры» [5, с. 53]. Цель литературного перевода – не только передать информацию, мысли и чувства, которые хотел донести автор, но и максимально восстановить стиль и красоту оригинального текста, что предъявляет повышенные требования к переводчикам. «То, какие произведения переводчик выбирает в качестве источника перевода и в какой степени он их воссоздает, определяется культурной подготовкой переводчика. Культурная подготовка – это синтез культурного воспитания, вкуса, духовной индивидуальности и других факторов» [10, с. 138]. Цао Минлунь в своей статье «Настоящий переводчик не должен быть освобожденным» считает, что «квалифицированные переводчики должны постоянно совершенствовать свой билингвизм и читать широкий круг книг, включая шедевры, исторические и философские труды, а также астрономические, географические и натуралистические труды на обоих языках, для того чтобы обладать большими познаниями» [8, с. 177].

Китайские ученые придерживаются пути сочетания перевода и исследования. У них высокий уровень владения языком, знакомства с литературой двух стран и эстетического восприятия, что позволит получить высококачественный перевод. Это является основной причиной того, что переведенные произведения вызвали значительный отклик китайских читателей и исследователей.

Как видно из Таблицы 1, Ван Хунчан является переводчиком трех из публикаций перевода «Сказать – не сказать...» на китайский. Ван Хунчан сейчас является доцентом китайского языка и культуры в Нанькайском университете. Благодаря опыту практики и исследований двух языков его переводы приобретают высокую оценку. Большинство последующих исследований этого рассказа китайскими учеными руководствовались именно переводом Ван Хунчана.

Другой важный переводчик – Гу Юй, первоначальное имя которого Гу Хэндун. Он является профессором кафедры русского языка института иностранных языков Нанкайского университета, членом Союза писателей Тяньцзинь и Союза писателей Санкт-Петербурга. Гу Юй занимается переводческой деятельностью уже более 50 лет и посвятил свою жизнь переводу русской поэзии на китайский, имея глубокие познания в

русской и китайской литературе.

Оба ученых приложили огромные усилия к переводу «Сказать – не сказать...», и это одна из причин, почему этот рассказ привлек внимание многих китайских русистов.

Мы отметим, что хотя изучение произведения «Сказать – не сказать» в китайском литературоведении непрерывно углубляется, но по настоящее время исследования в этой области, как и изучение творчества В.С. Токаревой, еще не систематизированы. Рассказ имеет только 4 публикации перевода на китайском. Однако так о писательнице сказал классик советской литературы Юрий Нагибин: «У Виктории Токаревой нет плохих рассказов. Только хорошие, очень хорошие и блестящие» [\[3\]](#). По нашему мнению, исследовательская ценность произведений В. Токаревой будет открываться все большему числу китайских ученых.

Заключение

Творчество В. Токаревой вызывает существенный интерес у китайской аудитории, многие ее произведения были переведены на китайский язык. Установлено, что китайские ученые также провели исследования стратегий перевода ее рассказов с учетом особенностей творчества писательницы. Отмечено, что исследования творчества автора сосредоточены на трех основных аспектах: исследования тем; исследования лингвистических особенностей; феминистские критические исследования. Среди переведенных рассказов В. Токаревой «Сказать – не сказать...» имеет 4 варианта перевода в Китае. Китайские ученые активно занимаются исследованием и развитием принципов перевода, что обеспечивает улучшение качества переводов. Высококачественный перевод произведения также является важной причиной того, что рассказом «Сказать – не сказать...» интересуются китайские читатели и исследователи.

В. Токарева – представительница русской женской прозы, в творчестве которой стремление к независимости и высокой социальной ценности женщин было высоко оценено и проанализировано китайскими учеными. Проведенный сравнительный анализ изучения этого рассказа китайскими исследователями в разные периоды позволяет нам сделать вывод о том, что изучение рассказа «Сказать – не сказать...» непрерывно расширяется и углубляется. Очевиден процесс от краткого знакомства с произведением и писателем до изучения тем, стиля, сюжетов в ее тексте, анализ отражения феминистских идей в ее рассказе. Стоит также отметить исследования, посвященные творческому стилю писательницы, которые также развиваются от простых обобщений до глубокого анализа влияния классических литературных традиций и специфических проявлений стиля творения В. Токаревой. Здесь следует сказать и об общей тенденции китайского литературоведения: имея не такой обширный опыт анализа, как в европейском литературоведении, китайское литературоведение осмысляет и только начинает использовать терминологический аппарат, методы анализа, общие принципы взаимодействия с текстом, которые в европейском и русском литературоведении развивались на протяжении последнего столетия.

Перспективы дальнейшего исследования видятся в более подробном и углубленном изучении восприятия творчества В. Токаревой в китайском литературоведении, в раскрытии специфики китайской критики и ее развитии на примере рецепции русской женской литературы в синхроническом аспекте, в анализе с междисциплинарной точки зрения для выявления влияния различных социокультурных условий на развитие женской литературы, а также на отклик об иностранной женской прозе со стороны китайских исследователей и читателей.

Библиография

1. Воробьева Н.В. Женская проза 1980–2000-х гг.: динамика, проблематика, поэтика (электронный ресурс) Пермь. 2006. URL: <https://www.dissercat.com/content/zhenskaya-proza-1980-2000-kh-godov-dinamika-problematika-poetika>
2. Николаев П.А. Русские писатели 20 века. Биографический словарь / Гл. ред. и сот. П.А. Николаев. М.: Большая Российская энциклопедия; Рандеву – А. М., 2000. 808 с.
3. Юрий Нагибин. Российский прозаик и сценарист Виктория Токарева. URL: <https://nfreg.ru/documents/u-viktorii-tokarevoj-net-plohih-rasskazov-u-nee-est-tolko-horoshie-ochen-horoshie-i-blestyashhie>
4. Чжао Сюе, Говорухина Ю.А., Суханов В.А. Русская литература в Китае: конфликт интерпретаций, его причины и пути преодоления (на материале рецепции русской литературы китайским читателем). Статья I // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 473. С. 112–118.
5. Чжао Сюе, Говорухина Ю. А., Суханов В. А. Русская литература в Китае: конфликт интерпретаций, его причины и пути преодоления (на материале рецепции русской литературы китайским читателем). Статья II // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 484. С. 52–59.
6. Чупринин С. Два мнения // Литературная газета. 1989. № 6. С 4.
7. Сайт «CNKI». URL: <http://129.211.14.229:3344/kns8/defaultresult/index4>
8. Цао Минлунь. Настоящий переводчик не должен быть освобожденным // Перевод. (曹明伦. 真正的译者绝不能当叛逆者 ——兼谈对英译汉合格译者的基本要求 // 中国翻译). 2022. № 5. С. 172–177.
9. Чэнь Фан. Современная русская женская проза. Пекин: Издательство Китайского народного университета, 2007. 214 с. (陈方. 当代俄罗斯女性小说研究). 北京: 中国人民大学出版社, 2007. 214 с.
10. Чэнь Цзяньхуа. О китайско-российских литературных отношениях в начале 21 века // Сравнительная литература в Китае. (陈建华. 论 21 世纪初期的中俄文学关系 // 中国比较文学). 2021. № 4. С. 130–141.
11. Фу Синхуань. Столкновение двух полов - анализ феминистской мысли в повести В. Токаревой «Лавина» // Новый мир. (傅星寰. 两性世界的冲撞-浅析托卡列娃《雪崩》中的女权主义倾向 // 新世界). 1995. № 10. С. 27–29.
12. Го Юе. Исследование женского духа в произведениях В. Токаревой. Цицикар: Цицикарский университет, 2020. 56 с. (国月. 维·托卡列娃作品中的女性精神研究). 齐齐哈尔: 齐齐哈尔大学, 2020. 56 с.
13. Лю Бохун. Событие, которое никогда не бывает далеким: взгляд на 4-ю Всемирную конференцию по положению женщин и памятные мероприятия, посвященные ей // Вестник Шаньсийского педагогического университета (Серия «социальная наука»). (刘伯红. 不曾远去的盛会: 第四次世界妇女大会及纪念活动管窥 // 山西师大学报(社会科学版)). 2021. № 6. С. 90–99.
14. Лю Мэнцзин. Трагические мотивы в творчестве В. Токаревой. Пекин: Пекинский университет иностранных языков, 2018. 60 с. (刘孟静. 托卡列娃作品中的悲剧性元素探究). 北京: 北京外国语大学, 2018. 60 с.
15. Лю Тун. Доклад о переводе рассказа В. Токаревой «День без вранья». Пекин: Пекинский университет иностранных языков, 2014. 84 с. (刘彤. 维·托卡列娃的小说《没有谎言的一天》的翻译报告). 北京: 北京外国语大学, 2014. 84 с.
16. Лю Чжунсю. Тема одиночества в рассказах В. Токаревой. Пекин: Пекинский университет иностранных языков, 2020. 41 с. (刘钟秀. 维·托卡列娃小说的“孤独”主题书写). 北京: 北京外国语大学, 2020. 41 с.
17. Ма Сяохуа. Особенности стиля русских постмодернистских писательниц // Писатель. (马晓华. 论俄罗斯后现代女性作家写作风格特色 // 作家). 2012. № 2. С. 84–88.

18. Пань Сюетин. Анализ повествовательных тем рассказа В. Токаревой «Счастливым конц» // «Шэньчжоу». (潘雪婷. 维·托卡列娃《幸福的结局》叙事主题分析 // 神州文化). 2020. № 6. С. 22.
19. Цю Шувэнь. Исследование лингвистических особенностей произведений В. Токаревой. Харбин: Хэйлунцзянский университет, 2014. 68 с. (曲淑雯. 维·托卡列娃作品的语言特点研究). 哈尔滨: 黑龙江大学, 2014. 68 с.
20. Ши Цзиньжу. Анализ двух женских образов в творчестве В. Токаревой // Молодой писатель. (史瑾茹. 浅析维·萨·托卡列娃笔下的两种女性形象 // 青年文学家). 2017. № 14. С. 101, 103.
21. Ши Вэй. В. Токарева, представительница современной русской женской литературы // Мировая культура. (石伟. 俄罗斯当代女性文学的代表人物托卡列娃 // 世界文化). 2009. № 12. С. 12-13.
22. Сунь Чао. Исследование российских повестей и рассказов 1980-х и 1990-х годов. Пекин: Издательство «Жэньминь вэньсюэ чубаньшэ», 2012. 297 с. (孙超. 二十世纪八、九十年代俄罗斯中短篇小说研究). 北京: 人民文学出版社, 2012. 297 с.
23. Ван Хаожан. Перевод эмоционально-психологических описаний художественного текста - на примере повести В. Токаревой «Старая Собака». Пекин: Пекинский университет иностранных языков, 2017. 52 с. (王浩然. 文学作品中情感心理描写的翻译—以托卡列娃的小说《年迈的狗》为例). 北京: 北京外国语大学, 2017. 52 с.
24. Ван Цзюань. Творчество В. Токаревой в контексте лингвистики. Пекин: Издательство Пекинского университета, 2018. 285 с. (王娟. 语用学视角下的维·托卡列娃作品研究). 北京: 北京大学出版社, 2018. 285 с.
25. Янь Гоцинъ. Прецедентные феномены как репрезентанты концепта "любовь" в повестях В.С. Токаревой // Изучение иностранных языков Северо-Восточной Азии. (颜国琴. 基于先例现象阐释В.С.托卡列娃小说“爱情”观念的表达方式及其功能 // 东北亚外语研究). 2022. № 7. С. 78-91.
26. Юань Юань. Темы и образы в феминистских рассказах В. Токаревой. Чунцин: Сычуаньский университет иностранных языков, 2018. 61 с. (元园. 维·托卡列娃女性主义小说中的主题与形象). 重庆: 四川外国语大学, 2018. 61 с.
27. Чжань Юйлин. Художественный перевод с точки зрения теории релевантности - на примере перевода рассказа В. Токаревой «Между небом и землей». Муданьцзян: Муданьцзянский педагогический университет, 2017. 52 с. (战玉玲. 关联理论视角下的文学翻译). 牡丹江: 牡丹江师范学院, 2017. 52 с.
28. Чжан Кунь, Го Юе. Исследование женского образа в произведении В. Токаревой с точки зрения духовной экологии // Теоретическое наблюдение. (张坤, 国月. 精神生态视角下维·托卡列娃女性形象 // 理论观察). 2020. № 7. С. 121-124.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Русская литература XX – XXI веков привлекает внимание как читателей, так и исследователей разных стран. Китай не является исключением, следовательно, дать оценку рецепции отечественных текстов вполне целесообразно. Автор рецензируемой статьи останавливается на рассказе Виктории Токаревой «Сказать – не сказать...». Вектор оценки женской прозы особенно интересен и актуален, следовательно, и данный материал по-своему нов, оригинален, объективно заманчив. Автор работы в начале труда отмечает, что «в середине 1980-х годов западный феминизм по-настоящему начал свое распространение в Китае. Китайские ученые осуществили множество переводов

классики западного феминизма и провели исследование в этой области. Появление переводов иностранной женской прозы также обеспечен распространением феминизма. После 1980-х гг. в Китае появилось много переводов русской женской литературы, например, произведения таких авторов, как Л. Петрушевская, В. Токарева, Т. Толстая и другие». Перевод русскоязычных произведений на другие языки дает возможность читателям сформировать более правильный образ России, сложить к ней некое отношение, хотя и в этом есть некоторая «субъективная» сложность. Статья включает должный состав информации, правки не собственно аналитического порядка также уместны и необходимы: например, «В. Токарева стала известна в русской литературе с 1964 года, опубликовав рассказ «День без вранья» в 7-м номере газеты «Молодая Гвардия», и с тех пор не прекращает писать. С 1986 года, когда в китайском журнале «Советская литература» появился рассказ «Между небом и землей» (переводчик Чжэн Хайлин), творчество писательницы покорило китайских читателей. Благодаря постоянным переводам и исследованиям произведений писательницы, китайские ученые получили ряд ценных научных результатов. В этой работе проанализированы как основные переводы рассказа В. Токаревой «Сказать – не сказать...» на китайский язык, так и результаты исследования этого рассказа в Китае. Нами выбран хронологический принцип описания, чтобы представить динамику в оценке означенного рассказа автора в китайском литературоведении» и т.д. Считаю, что ориентир на один рассказ оправдан, да и автор указывает, что «Сказать – не сказать...» вышел в свет в 1991 г. и до сих пор является одним из репрезентативных для перевода произведений В. Токаревой. Первый перевод («表白,还是沉默.....») этого произведения на китайский язык был опубликован во втором номере журнала «Русская литература» в 2008 году, переводчиком является Ван Хунчан. С тех пор появилось еще три публикации перевода, которые приведены в таблице ниже (время поиска автора – апрель 2024 г.)...». Должная аналитическая статистика вводится в работу верно, таблицы есть сведение объективных данных в одно целое. На мой взгляд, материал выверен, серьезных фактических нарушений не выявлено, требования издания учтены. Позиция / точка зрения исследователя доступна и понятна; верификации темы дана в режиме открытой аргументации. Например, «Согласно собранной информации в Интернете, количество публикаций произведений основных российских писательниц в Китае выглядит так: В. Токарева – 25, Л. Улицкая – 9, Петрушевская – 6, Т. Толстая – 4, О. Славникова – 2, Г. Яхина – 2, Д. Рубина – 2. С переводом и распространением произведений этих известных писательниц русская женская проза привлекла внимание исследователей. За последние 30 лет научные работы о русской женской прозе, опубликованные китайскими русистами, составило 67. В настоящее время в этой области появилось много ученых, которые активно знакомили китайские научные круги с творчеством конкретных современных русских писательниц, в том числе В. Токаревой». Выводы по работа созвучны основной части: «Творчество В. Токаревой вызывает существенный интерес у китайской аудитории, многие ее произведения были переведены на китайский язык. Установлено, что китайские ученые также провели исследования стратегий перевода ее рассказов с учетом особенностей творчества писательницы. Отмечено, что исследования творчества автора сосредоточены на трех основных аспектах: исследования тем; исследования лингвистических особенностей; феминистские критические исследования...». Цель исследования достигнута, задачи решены; материал имеет должную научную новизну, его можно использовать и в рамках практики. Рекомендую статью «Изучение рассказа «Сказать – не сказать...» В. Токаревой в китайском литературоведении» к публикации в журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Алимов Т.Э. Функционально-семантическая классификация эвфемизмов номинативного поля «смерть» узбекского языка сквозь призму русской и английской культур // Филология: научные исследования. 2024. № 10. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.10.72041 EDN: AJNBAP URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72041

Функционально-семантическая классификация эвфемизмов номинативного поля «смерть» узбекского языка сквозь призму русской и английской культур

Алимов Тимур Эрмекович

аспирант, кафедра иностранных языков, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ alimovcom@mail.ru

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2024.10.72041

EDN:

AJNBAP

Дата направления статьи в редакцию:

21-10-2024

Аннотация: Предметом исследования послужили эвфемистические коды, заменяющие негативную коннотацию "смерть" в современном русском, узбекском и английском языках, отобранные методом направленной выборки из «Словаря эвфемизмов русского языка» Е. П. Сеничкиной (2008), «Ўзбек тилининг қисқача эвфемик луғати» (Краткий эвфемистический словарь узбекского языка) А. Ж. Омонтурдиев (2006) и Oxford dictionary of euphemisms (how not to say what you mean: a dictionary of euphemisms) R.W. Holder (2008). Общее количество примеров составило более 1104 единиц, из которых 349 относятся к русскому языку, 405 – к узбекскому и 350 – к английскому, что обеспечило возможность провести подробный анализ и сформулировать достоверные выводы. Цель исследования – представить функционально-семантическую классификацию эвфемизмов, заменяющие негативную коннотацию номинации "смерть" в узбекском языке через призму сопоставления с русской и английской культурами. Научная новизна исследования заключается в том, что в нем впервые посредством

сравнительного и семантического анализа выявляются, систематизируются и описываются русские, узбекские и английские эвфемистические коды номинативного поля «смерть» в контексте лингвокультурологической парадигмы. Впервые проводится количественный анализ функционально-семантического номинативного поля «смерть», на основе чего делается вывод, что национально-культурные особенности жизни стран носителей русского, английского и узбекского языков и особенности их менталитета лежат в основе эвфемистической номинации «смерть». Полученные результаты свидетельствуют о том, что когнитивный подход в исследовании функционально-семантической классификации является важным инструментом для выявления существенных характеристик эвфемистических кодов, основанных на универсальных и уникальных (культурно обусловленных) концептах. Одновременно лингвокультурологический метод предоставляет толкование культурных мотивов использования эвфемистических единиц при исследовании номинативного поля «смерть». Посредством когнитивного и лингвокультурологического анализа в исследовании раскрываются механизмы кодирования денотатов в русских, узбекских и английских эвфемистических выражений, образующих функционально-семантическую классификацию номинативного поля «смерть».

Ключевые слова:

эвфемистический код, межкультурная коммуникация, национальная культура, лингвокультурологическая парадигма, функционально-семантическая классификация, вторичная номинация, концепт, семантический компонент, номинативное поле, смерть

Введение

В современной филологии, приоритеты которой в настоящее время смещаются в сторону коммуникативной, дискурсивной и когнитивной лингвистики, структурные, семантические и прагматические особенности эвфемизмов изучаются в новых аспектах, разрабатываются классификации эвфемизмов по различным основаниям. Универсальное научное определение понятия «эвфемизм» остается предметом постоянных дискуссий. Эвфемистические единицы - сложное и многогранное явление в системе языка. В работах по вопросам эвфемии приводятся неоднозначные толкования некоторых её особенностей и признаков, при этом внимание, как правило, концентрируется на отдельном аспекте проблемы. В классическом понимании эвфемизмы рассматриваются как языковые средства, используемые для замены слов или выражений, которые могут считаться грубыми, оскорбительными, табуированными или неуместными в определённом контексте. Цель эвфемизмов (смягчить выражение, сделать его более приемлемым и нейтральным, сохраняя при этом суть или смысл высказывания. Эвфемизмы традиционно рассматриваются как средство социальной и культурной адаптации языка, позволяющее говорить о сложных, деликатных или неприятных темах более корректно и вежливо [\[1, с. 5271\]](#). Данное определение эвфемизма демонстрирует функциональную эффективность субституционного подхода, который позволяет систематизировать и анализировать языковые явления, связанные с заменой. Этот подход подчеркивает, что эвфемизмы функционируют как альтернативные выражения, которые позволяют обходить социальные, культурные или моральные ограничения, наложенные на прямое использование определённых слов или фраз в обществе. При том, что в целом, характеризуясь многоцелевыми мотивационными детерминантами (что свойственно всем языкам), каждый отдельный язык отражает культурно-национальные особенности

(языковые и культурные универсалии), свойственные той или иной общности или этносу, реализуя индивидуальный запрос [8]. Сценарий эвфемистического кодирования информации отражает диалектику общего и особенного, универсального и уникального, возможного и действительного. Семиотическая эвфемистическая репрезентация каждого индивидуума осуществляется через мощный словесный ресурс, «один из семиотически наиболее универсальных способов концептуализации» [11, с. 147], предлагаемых языковой системой и речевой практикой - ряд синонимов, лексико-семантических полей, метафорических образов, прецедентных имен, символов для произведений искусства, обрядов, предметов материальной и духовной культуры. Несмотря на то, что не существует исчерпывающего описания, способного выразить все содержание концепта, масштаб семиотической эвфемистической среды напрямую связан со значимостью этого концепта для лингвокультурного сообщества, с аксиологической или теоретической ценностью этого экстра-концепта, языкового явления, воплощенное во всем его когнитивно-смысловом объеме, а также в масштабе оценок и мер, которые использует индивид для оценки событий и условий собственной жизни. Следовательно, эвфемизация – «это феномен, где переплетаются языковые свойства с когнитивными, социальными и творческими аспектами» [4].

В рамках данного исследования эвфемизмы рассматриваются «среди разнообразных языковых явлений, используемых для обозначения различных объектов действительности, к которым они относятся не прямо, а косвенно, и понимаются как знаки косвенной номинации, предназначенные для кодирования определенных предметов, явлений, событий, или действий для различных целей (по характеристике знаков)» [13, с. 131].

Особенностью эвфемизмов является то, что в основе их образования лежит принцип вторичной номинации, которая основывается на процессах апроприации первичному концепту новой номинации. В результате замены исходного концепта новым номинативным средством, которое получает новую функцию наречения, как это отмечает В.Н. Телия [11, с. 129], представляя собой часть общего способа отражения действительности для носителей данного языка. В широком смысле эвфемизмы — это «иное название, переименование предмета или явления, основанное на множественности способов описания одной и той же ситуации разными языковыми средствами» [цит. по: 5, с. 24].

Наш подход предполагает, что анализ концептуальных оснований семантики эвфемизмов позволит выявить специфику их функционирования, что, в свою очередь, станет ключевым критерием для систематизации функционально-семантической классификации эвфемизмов номинативного поля «смерть» в трех сопоставляемых языках. Сопоставление личных эвфемизмов узбекского языка с аналогичными явлениями в русской и английской культурах даёт возможность выявить как общие черты, так и уникальные особенности, связанные с культурными и социальными нормами каждой из изучаемых культур.

Обсуждение и результаты

Сравнительный анализ узбекского, русского и английского языков показывает, что антропоцентричный характер языкового мышления проявляется в:

1) *персонификации смерти*, которая наблюдается в общезыковых и менее распространенных эвфемистических единицах:

(ср.: **уйти к старухе с косой, встретиться с жнецом, постучалась смерть, Загиб Иваныч (Петров), Иван Гробов; Малякуль-маут (Malakul-maut)** (букв. ангел смерти. В исламской традиции это имя ангела Азраила, который забирает души умерших. Использование этого термина является прямой персонификацией смерти как существа, **Худо марҳамат қилмоқ** (Бог проявил милость. Смерть интерпретируется как акт божественной воли; **to get the call** (получить вызов (намек на призыв смерти как личности), **Lord has him** (Господь забрал его (персонификация смерти через божественное вмешательство). **Death is Receiving** (смерть как получение (персонификация через действие)).

2) *символизируется через образы мифических существ:*

(ср.: **ангел смерти пришел, позвать на суд божий, смерть пришла за душой, взять под руку с тем, кто уводит в иной мир, повстречать владычицу темных сфер, отправиться на танец с дамой в черном, смерть накрыла своим плащом; Эгасига керак бўлди** (стал нужен Создателю (Богу). Смерть представлена как призыв от Бога, персонифицируя божественное вмешательство; **the Grim Reaper** (мрачный жнец или смерть с косой. Образ представляет смерть в виде антропоморфной фигуры, обычно изображаемой как высокий скелет, одетый в длинный черный плащ с капюшоном и держащий большую косу в руках. Коса символизирует "жатву" душ, подобно тому, как фермер жнет урожай).

3) И для узбекской, русскоязычной, и для англоязычной культур характерно метафорическое обозначение *смерти как сна, отдыха, покоя:*

(ср.: **заснуть последним сном, вечный покой, почить, уйти на покой, обрести долгожданный покой; мангу уйғонмаслик** (вечный сон), **мангу учрашмаслик** (вечный покой), **абдий фароғатга эришмоқ** (ушел в вечный покой), **абдий уйқуга кетмоқ** (заснуть вечным сном), **абдий ўрин олмоқ** (получить вечное место); **to be asleep, to fall asleep** (уснуть), **to sleep a perpetual sleep** (спать вечным сном), **to sleep in one's shoes** (погибнуть в бою), **to sleep in one's leaden hammock/in Davy Jones's locker** (погибнуть и быть похороненным на дне моря), **to put to sleep** (усыпить (часто о животных), **sleep** (сон (смерть)), **to be at rest, to be laid to rest, last rest in gplace** (обрести покой, быть упокоенным, последнее место отдыха), **to repose** (покоиться), **to be called to one's eternal rest** (быть призванным к вечному покою).

4) *в значении скорой, приближающейся смерти:*

(ср.: **дни сочтены, недолго жить осталось, пробил последний час; бир ҳафтага бормайди** (не протянет и недели), **тўрт бешкунлиги қолибди** (досл. осталось четыре по пять дней), авторские фразеологизмы, обозначающие скорую смерть: **хуфтонгача қолмайдиган кўринади** (не останется до хуфтон (хуфтон – в исламской религии обязательная четырёхкратная ночная молитва. Время совершения намаза начинается с исчезновением вечерней зари после заката Солнца и продолжается до рассвета, тем самым появляется схожесть, что до этого времени тело человека должно быть предано земле); **your number is up** (твой номер подошёл (твое время пришло), **to be on one's way out** (быть на исходе), **to be down for good** (окончательно уйти), **the last trump** (последний труба (намек на Судный день)), **Jemandes Tage sind gezählt** (чьи-то дни сочтены).

5) *представление её как отделение души от тела:*

(ср.: **испустить дух, отдать богу душу, испустить последний вздох; жон баҳаққи**

таслим қилди (отказывать от жизни), **жон берди** (отдал душу), **жони чиқди** (душа покинула), **жони жаннатга кетди** (душа улетела в рай), **мусулмончилик қилмоқ** (принять ислам), **бандаликни бажо келтирмоқ** (совершить соболезнование); **to give up the ghost** (отдать дух), **to depart this life** (покинуть эту жизнь), **to pass away** (уйти), **to expire** (истечь).

6) *смерть в виде сведения счетов:*

(ср.: **покончить с жизнью, наложить на себя руки лишить себя жизни, совершить суицид, свести счета с жизнью, закрыть счёт земного существования, подвести итог жизненному пути; жонига қасд қилмоқ** (свести счета с жизнью), **жонини фидо қилмоқ** (пожертвовать своей жизнью), **жонини тамуғ казармасига юбормоқ** (досл. отправить душу в казармы ада).

7) *конца, завершения чего-либо:*

(ср.: **кончина, окончить жизнь, окончить земное существование, расплатиться с долгами перед жизнью, окончить баланс бытия, расплатиться с миром, отчитаться за прожитые дни, завершить жизненные счета, поставить точку в жизненной книге, прекратить вести счёт своих дней; тамом бўлди** (все кончено), **пешонасига ёзилган экан** (предписано судьбой), **умри қисда экан** (жизнь коротка); **to pay one's last debt, pay nature's (last) debt** (заплатить последний долг, долг природе), **to pay the extreme (final, supreme) penalty** (понести высшую кару), **to close an account** (закрыть счёт), **to settle accounts with life** (свести счёты с жизнью), **to pay off** (расплатиться), **to check out** (выписаться), **to chuck a seven** (выбросить семёрку (в игре в кости, означает проиграть, умереть)). Необходимо отметить, что «для узбекского менталитета, образованного в основном на базе религиозных (мусульманских) представлений, характерно восприятие смерти не как окончательного, полного прекращения жизни, а как начала новой жизни, правда, иным видом и в другом месте» [\[3, с. 77\]](#), жизнь после смерти понимается как «достижение вечного удовольствия и счастья» [\[2\]](#). Существует поверье, что, покинув бренный мир, человек может жить на том свете в постоянном комфорте. «Она оценивается как *переход от одной стадии к другой, от одного состояния к другому, возвращение к обещанному миру*. Вера в возвращение к обещанной вечной жизни после земной жизни (маад) является одним их основных идейных принципов ислама, в который должен уверовать каждый мусульманин» [\[4, с. 81\]](#). Например, **боқий дунёга кетмоқ** (уйти в вечный мир), **ҳақиқий ҳаётга йўл олмоқ** (отправился в истинный путь), **ёлғон дунё мушкулларидан қутулмоқ** (покинул бренный мир), **абдий фароғатга эришмоқ** (ушел в вечное наслаждение). В семантике этих предложений обнаруживается, с одной стороны, причина смерти и даже её цель, и с другой, смерть как сила, независимая от человека. Во-первых, люди рождаются для того, чтобы умереть, во-вторых, смерть согласно исламским представлениям – это счастье, награда. Рассматриваемые эвфемизмы-предложения раскрывают понятие смерти через такой параметр, как постижение счастья, обретение благодати: **ўлим – олий масъудлик** (смерть есть высокая благодать), **масъудлик онини – ўлим саодати** (момент счастья – блаженство смерти), **ўлим – бу дунёнинг энг улуғ мукофоти** (смерть – высшая награда в мире). Речь идет о неизбежном наступлении смерти с чем нужно смириться. Данные эвфемистические предложения призваны успокоить человека, помочь ему смириться с расставанием с бесценной жизнью. Эвфемистические экспликации **тақдирдан қочиб қутула олмайслиқ** (от судьбы не убежать), **тақдирда бор экан** (предначертано судьбой), **тақдирда йозилган бўлмоқ** (случиться тому, что написано судьбой) можно рассматривать в двух планах: в смысловом аспекте представляется как нечто

неизбежное, если же рассматривать предложение в аспекте когнитивной лингвистики, то возникает зримый образ смерти. Судьба в данной единице представляется как некая стихия, лишаящая человека жизни, от которой невозможно скрыться, убежать. Таким образом, возникает концепт *такдир* (судьба), т.е. совокупность представлений и ассоциаций, в которых совмещаются чувственные и рациональные элементы. Основное значение рассматриваемых эвфемизмов-предложений смерть – высшая благодать, смерть – неизбежность. В англоязычной культуре смерть воспринимается как переход, как отправной момент в путешествие без конца, которое символизируется прощанием. Как отмечает И.А. Осиновская «мотив странничества, раскрытый через образы скитания, путешествия, лежит в той же плоскости, что и мотив смерти. В архаичном сознании путешествие воспринималось как соприкосновение со смертью. Иноземная страна (это всегда страна мертвых» [\[7, с. 129\]](#). Эвфемистические устойчивые выражения **to cross the river Jordan** (перейти реку Иордан) и **to go to Kingdom come** (уйти в Царство Божие), а также выражение **to send to Kingdom come** (убить кого-то, досл. "отправить в Царство Божие"), несут в себе глубокие христианские представления о смерти как о переходе в иной, лучший мир — Царство Небесное. Данные выражения являются яркими примерами того, как английский язык отражает культурные и религиозные взгляды на смерть. Используя образы путешествия и перехода через символические границы, такие как река Иордан, они помогают людям осмыслить концепцию смерти и выразить её в более приемлемой и утешительной форме.

8) *как исчезновение или похищение умершего неведомой силой:*

(ср.: **уйти в иной мир переселиться в иной мир уйти от нас, бог прибрал, леший забрал; эгасига керак бўлди** (бог призвал (к себе), **жонини олди** (забрал душу), **Худонинг айтгани бўлади** (на все воля Божья), **бандасининг қўлидан нима иш ҳам келар эди** (Не подвластно же рабу божьему), **ўзингизни қўлга олинг, тангриға шак келтирманг, бергап ҳам ўзи** (Господь сам дал, сам взял), **олган ҳам ўзи** (Господь сам дал, сам взял), **Эгасига керак бўлди** (Бог призвал (к себе)), **бандаликни бажо келтирди** (окончил свой земной путь), **омонатини топширмоқ** (отдать последний долг); **to be gone, to go, to go away** (уйти), **to go west** (уйти на запад), **to vanish** (исчезнуть), **to leave** (покинуть), **left town** (уехал из города), **to go out** (погаснуть).

9) *предстаёт как утрата для живущих:*

(ср.: **уйти от нас, нет с нами среди живых, потерять близкого человека; бандалик, (бандачилик), ўлим барчанинг бошида бор, ўлим барчага баравар** (перед смертью все равны); **to be no longer with us** (больше не с нами, **to be no longer among the living** (не быть среди живых, **to be not yet returned (NYR)** (ещё не вернулся (эвфемизм смерти), **to lose someone** (потерять кого-то).

10) *приобретение для умирающих:*

(ср.: **быть на небесах, войти в вечность, гулять в райских кущах, отправиться к праотцам, обрести покой; абадий фароғатга эришмоқ** (ушел в вечный покой); **дунёи фонийдан дунёи бақоға рихлат қилмоқ** (досл. покинуть мир тленный, и утий в мир вечный); **to go to a better** (уйти в лучшее место), **to go home, long home** (вернуться домой), **to be promoted to glory** (быть вознесённым к славе), **to go to one's reward** (получить свою награду), **to be in the arms of one's maker** (быть в объятиях творца), **to be called to higher service** (быть призванным на высшую службу), **church triumphant** (торжествующая церковь (небесное царство).

11) *безвыходная ситуация:*

(ср.: **пробил последний час, недолго жить осталось, поставить к стенке, ликвидировать, убрать с дороги, устранить, кому-либо крышка; жувонмарг бўлди** (подорваться), **жонидан маҳрум қилмоқ** (лишить жизни); **go bung** (обанкротиться)).

По метонимии смерть описывается в присущем этому событию природном, акциональном и артефактивном «контекстах»:

12) *гробом, могилой, кладбищем, землёй и живущими в ней организмами:*

(ср.: **предавать земле, отдавать последний долг, останки тела, одной ногой в могиле, в гроб глядеть, землёй пахнет; қабр ёқасида тебраниш** (одной ногой в могиле), **тобутга қарамоқ** (глядеть в носилки), **тахта олмоқ** (погрузили в носилки), **тобут тортмоқ** (могила забрала), **марҳумлар диёри** (земля мертвых); **to be pushing up the daisies**(удобрять маргаритки), **six feet under**(на глубине шести футов), **to be under the grass, to be under the daisies** (быть под травой, маргаритками), **worm food, food for worms** (пища для червей), **to turn one's toes to the daisies** (повернуть пальцы к маргариткам), **the narrow bed/cell/home/house** (узкая постель/камера/дом/гроб, могила), **one's last house** (последний дом).

13) *образы растительного мира:*

(ср.: **лечь под берёзки, в рощу пойти; даргоғига чорламоқ** (быть приглашенным в обитель), **жонини тамуғ казармасига юбормоқ** (отправить свою жизнь в мир преисподнии), **тamuғ казармасига юбормоқ** (отправиться в мир преисподние), **тамуг элатига юбормоқ** (уйти в родное место); **to push up the daisies**(удобрять маргаритки). Метафора основана на представлении о том, что после захоронения тело становится частью земли и, таким образом, способствует росту растений, в данном случае маргариток (daisies).

14) *переход из одного пространства в другое:*

(ср.: **(отойти в вечность, переселиться в иной мир, переход в иной мир, отойти в мир иной; омонатини топширмоқ** (исполнить долг перед Богом), **ҳақиқий ҳаётга йўл олмоқ** (уйти в настоящую жизнь), **фоний дунёдан боқийга кетмоқ** (досл. перейти из иного мира в другой мир), **дунёни муттаҳамлардан халос қилмоқ**(освободить мир от невежд); **to cross the river Jordan** (пересечь реку Иордан), **to go to Kingdom come** (уйти в Царствие Небесное), **undiscovered country** (неоткрытая страна), **to depart this life** (покинуть эту жизнь), **last journey, last voyage** (последнее путешествие), **to go on one's long journey** (отправиться в долгое путешествие), **narrow passage way to the unknown** (узкий проход в неизвестность), **to go up the river** (подняться вверх по реке).

15) *воссоединение с близкими и создателем:*

(ср.: **отправиться к праотцам, Бог призвал (к себе), отойти в лоно Авраама; Оллоҳга керак бўлмоқ** (быть нужным Богу), **Раҳмати парвардигорга уланмоқ** (соединиться с Господом Богом), **Худо марҳамат қилмоқ** (принят Богом); **Аллоҳ ҳузурига (даргоҳига) бормоқ** (уйти к Аллаху), **Аллоҳ (тангри, худо, ҳақ) раҳматиға олмоқ** (присоединиться к Творцу, быть рядом с Богом, быть принятым Богом), **Шоҳистаи жаннат бўлди** (отправился в рай), **Худого керак бўлди** (ушел к Богу), **У дунёга кетди** (отправился на тот свет), **Худо раҳмат қилди** (Бог принял); **to be gathered to one's fathers** (собраться с отцами своими), **to be united** (воссоединиться), **to be at rest with one's fathers** (покоиться с предками), **to join one's maker** (присоединиться к Создателю), **to be in the arms of Jesus, in the arm of the Lord** (быть в объятиях Иисуса,

Господа), **Lord has him** (Господь забрал его) и даже *брак* (соединиться с вечностью, вступить в союз с покоем, заключить брак с вечным покоем, взять в супруги вечность, обрести небесного спутника, стать навеки с тишиной, сочетаться с покоем, войти в брак с вечностью, соединиться узами с миром и покоем, обручиться с вечной тишиной сосватать осинку; войти в брак с вечностью – об умирающей женщине).

16) в иносказательном обозначении смерти отражаются *реалии погребального обряда*:

(ср.: погребение, хоронить, похороны, предавать земле, отдавать последний долг; **to be laid to rest** (быть похороненным), **last rest in gplace** (последнее место отдыха), **to be put to rest** (предать земле), **funeral director** (распорядитель похорон), **mortician**, **undertaker** (похоронный агент), **the dark house**, **the narrow home** (темный дом), узкий дом (гроб, могила), **one's last house**(последний приют)

17) *телесные знаки*:

(ср.: **лечь под образа**, **руки сложить**, **протянуть ноги**; **бир япроқ узилмоқ** (сорвался один волосок), **оёғини узатиб кетмоқ** (протянуть ноги), **юраги уришдан тухтамоқ** (остановилось биться сердце); **turn u p your toes**(задрать пальцы ног вверх или протянуть ноги), **go home feet first** (вернуться домой ногами вперед или уйти из дома ногами вперед).

18) часто смерть уподобляется *пути, путешествию*:

(ср.: **уйти из жизни**, **уйти в иной мир**, **отправиться к праотцам**, **проводить в последний путь**, **отправиться в лоно Авраама**, **переселиться в иной (другой, лучший) мир**, **уйти в вечность**, **быть на небесах**, **быть в раю**, **гулять в райских кущах**, **переход в иной мир**; **дунёи фонийдан дунёи бақоға рихлат қилмоқ** (досл. покинуть мир тленный, и утий в мир вечный), **дорул фанодан дорул бақоға сафар қилмоқ** (досл. отправился с мира иного материального в духовный), **у дунёга (нариги дунёга, чин дунёга) кетмоқ** (отправиться в истинный дом); **shuffleoffthismortalcoil**(сбросить эту бренную оболочку), **gotoabetterland/life/place/world**(уйти в лучшую землю/жизнь/место/мир), **gototheGreatAdventure**(отправиться в великое приключение), **gotoJordan'sbanks**(Отправиться на берега Иордана) – Река Иордан в христианской традиции символизирует переход из земной жизни в вечную. Перейти через Иордан означает вступить в Царство Небесное, **g o t o t h e m a n s i o n s o f r e s t** (отправиться в обители покоя) – фраза отсылает к библейскому тексту, в частности к Евангелию от Иоанна 14:2, где говорится: «В доме Отца Моего обителей много». Она выражает идею о том, что после смерти душа обретает покой в небесных обителях. Это утешительное представление о смерти как о достижении вечного мира и покоя.

В результате сравнительного анализа были выделены уникальные (культурно обусловленные) номинативные поля в узбекской языковой коммуникации:

- *эвфемизмы, применяемые в отношении кончины простых граждан*: **вафот этмоқ** (скончаться), **дунёдан кетмоқ** (покинуть этот мир).

- *номинации в отношении почитаемых лиц, занимающих конкретные должности или имеющих высокий общественный статус*: **оламдан ўтмоқ** (уйти из жизни), **Раҳматуллоҳга уланмоқ** (присоединяться к Аллаху).

- *эвфемистические формулировки, используемые для редуцирования эмоциональной*

нагрузки при обсуждении смерти детей и молодежи: **хур бўлмоқ** (стать свободным), **нобуд бўлмоқ** (погибнуть).

- лингвистические эвфемистические средства, используемые в отношении смерти представительницы женского пола: **қиз кетди** (ушла девушка), **хаётдан кўз юмоқ** (попрощаться с жизнью и закрыть глаза).

Выводы

Основываясь на анализе зафиксированного корпуса единиц, можно прийти к выводу, что эвфемизмы представляют собой универсальный инструмент лингвокультурного выражения, которое, во-первых, способно к смягчению или обходу табуированных тем, во-вторых, восходя к различным культурным кодам, эвфемизм отражает культурные, социальные и эмоциональные установки общества. Он не только заменяет табуированные или нежелательные выражения, но и кодирует информацию о ценностях, нормах и правилах поведения, характерных для данной культуры.

В результате проведенного исследования была представлена функционально-семантическая классификация эвфемизмов, заменяющих негативную коннотацию номинации «смерть» в узбекском языке, через призму сопоставления с русской и английской культурами. Анализ выявил 18 универсальных групп эвфемистических номинаций, используемых для смягчения темы смерти, а также уникальные выражения, характерные для каждой из рассматриваемых культур. Сопоставление узбекских эвфемизмов с русскими и английскими аналогами показало наличие как универсальных, так и культурно специфических особенностей в вербализации концепта «смерть». Общие группы включают метафоры, связанные с путешествием, сном, уходом, природными явлениями и религиозными представлениями. Данные группы отражают универсальные человеческие переживания и страхи, связанные с конечностью жизни. Уникальные эвфемистические выражения в узбекском языке часто связаны с национальными культурными символами, традициями и религиозными верованиями. Они используют лингвистические эвфемистические средства в отношении смерти представительницы женского пола, детей и молодежи, в отношении почитаемых лиц, занимающих конкретные должности или имеющих высокий общественный статус и кончины простых граждан. Благодаря насыщенности культурными коннотациями эвфемистические коды читаются с учетом культурного контекста. Исследование когнитивных аспектов эвфемизмов раскрывает механизм их метафорического формирования и демонстрирует признаки, по которым денотат подвергается «вуалированию». Применение лингвокультурологического анализа позволяет определить мотивы использования образов, на которых построены метафоры в эвфемистических выражениях.

Библиография

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: УРСС: Едиториал УРСС, 2021.
2. Зиннатуллина Г.Ф. Культура повседневности: основные ценности мусульман // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Серия «История и политология». 2015. № 2. С. 74–79.
3. Изанлу Х., Голами Х. Эвфемизация и дисфемизация концепта «смерть» в персидском языке // Молодой ученый. Ежемесячный научный журнал. 2012. № 8. С. 180–185.
4. Ирисханова О. К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М.: Языки славянской культуры, 2014.
5. Никитина А. М. Эвфемизмы в речи учителя как средство гармонизации педагогического дискурса: дис. ... канд. филол. наук. М., 2015. 214 с.

6. Омонтурдиев А. Ўзбек тилининг қисқача эвфемик луғати. Тошкент: Фан, 2006. 134 б.
7. Осиновская И.А. Образное поле как предмет философского исследования: ирония и эрос: дис. ... канд. фил. наук. М., 2002. 167 с.
8. Порохницкая Л. В. Концептуальные основания эвфемии в языке (на материале английского, немецкого, французского, испанского и итальянского языков): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2014.
9. Реброва Н. Е. Лексикографический статус эвфемизмов как языковых средств репрезентации лингвокультурной информации (на материале английского и немецкого языков): дисс. ... канл. фил. наук. Ярославль, 2020.
10. Сеничкина Е. П. Словарь эвфемизмов русского языка. М.: Флинта, 2008. 485 с.
11. Телия В.Н. Вторичная номинация и ее виды // Языковая номинация. Виды наименований. М., 1977. С. 129–222.
12. Holder R. W. Oxford dictionary of euphemisms (how not to say what you mean : a dictionary of euphemisms). London: Oxford University Press, 2008. 412 p.
13. Logvina S. A. Essence and properties of euphemism from the perspective of cognitive linguistics. // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. 2021. Т. 7, № 4. С. 125–144.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье предметом исследования выступают эвфемизмы номинативного поля «смерть» узбекского, русского и английского языков, актуальность изучения которых обусловлена, как отмечает автор(ы), тем, что «в современной филологии, приоритеты которой в настоящее время смещаются в сторону коммуникативной, дискурсивной и когнитивной лингвистики, структурные, семантические и прагматические особенности эвфемизмов изучаются в новых аспектах, разрабатываются классификации эвфемизмов по различным основаниям». Более того, в настоящее время наблюдается неуклонно растущий интерес к исследованиям разнообразных концептов как проявлению в языке национальной культуры. Отмечается, что «эвфемизмы традиционно рассматриваются как средство социальной и культурной адаптации языка, позволяющее говорить о сложных, деликатных или неприятных темах более корректно и вежливо». Теоретической основой исследования явились работы таких российских и зарубежных ученых, как В. Н. Телия, О. К. Ирисханова, А. М. Никитина, И. А. Осиновская, Л. В. Порохницкая, Н. Г. Реброва, Г.Ф. Зиннатуллина, А. Омонтурдиев и др. Методы исследования определены поставленной целью, задачами («анализ концептуальных оснований семантики эвфемизмов позволит выявить специфику их функционирования, что, в свою очередь, станет ключевым критерием для систематизации функционально-семантической классификации эвфемизмов номинативного поля «смерть» в трех сопоставляемых языках», «сопоставление личных эвфемизмов узбекского языка с аналогичными явлениями в русской и английской культурах даёт возможность выявить как общие черты, так и уникальные особенности, связанные с культурными и социальными нормами каждой из изучаемых культур») и носят комплексный характер: общенаучные методы анализа и синтеза, описательный метод, лингвокультурологический анализ, контент-анализ материала, метод системного анализа. Анализ теоретического материала и его практическое обоснование позволили автору(ам) через призму сопоставления с русской и английской культурами представить функционально-семантическую классификацию эвфемизмов, заменяющих негативную

коннотацию номинации «смерть» в узбекском языке; выявить 18 универсальных групп эвфемистических номинаций, используемых для смягчения темы смерти, а также уникальные (культурно обусловленные) выражения, характерные для каждой из рассматриваемых культур, а также сделать ряд выводов о том, что «эвфемизмы представляют собой универсальный инструмент лингвокультурного выражения, которое, во-первых, способно к смягчению или обходу табуированных тем, во-вторых, восходя к различным культурным кодам, эвфемизм отражает культурные, социальные и эмоциональные установки общества. Он не только заменяет табуированные или нежелательные выражения, но и кодирует информацию о ценностях, нормах и правилах поведения, характерных для данной культуры».

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру, способствующую полноценному восприятию материала. Библиография статьи насчитывает 13 источников, в том числе на иностранных языках. В библиографическом списке присутствуют фундаментальные работы, посвященные языковой номинации, а также работы по концептуальным основаниям эвфемии в языке, лексикографическому статусу эвфемизмов как языковых средств репрезентации лингвокультурной информации, эвфемизации и дисфемизации концепта «смерть» в персидском языке и др., что представляется достаточным для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики. При этом автор(ы) практически не апеллируют к научным работам последних лет. Конечно, это замечание не умаляет значимости представленной на рассмотрение работы, однако в данном случае достаточно сложно судить о реальной степени изученности данной проблемы в современном научном сообществе.

Результаты, полученные в ходе анализа, имеют теоретическую значимость и практическую ценность: они вносят определенный вклад в такие разделы теоретического знания, как лексикология, речевая коммуникация, функциональная и практическая стилистика, а также в изучение вопросов эвфемизации в разноструктурных языках.

Стиль изложения материала отвечает требованиям научного описания, содержание работы соответствует названию. Статья имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Волкова А.А. Художественная публицистика А. О. Юма как интертекст (на примере памфлетов 1886–1887 гг.)

// Филология: научные исследования. 2024. № 10. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.10.69428 EDN: APZSHU URL:

https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69428

Художественная публицистика А. О. Юма как интертекст (на примере памфлетов 1886–1887 гг.)

Волкова Анна Андреевна

библиотекарь; Научная библиотека НИ ТГУ

634050, Россия, Томская область, г. Томск, пр-т Ленина, 34а

✉ ann@myttk.ru

[Статья из рубрики "Интертекстуальность"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2024.10.69428

EDN:

APZSHU

Дата направления статьи в редакцию:

24-12-2023

Аннотация: Предметом исследования настоящей статьи является интертекстуальность в памфлетах («Надежда старика», «Приливная волна, или Прогресс политической активности в Индии», «Звезда на Востоке, или Бенгальская национальная лига») британского колониального деятеля, основателя Индийского национального конгресса Аллана Октавиана Юма, созданных на начальном этапе существования этой организации – в 1886-1887 гг. Рассматриваются место и значение использования чужого текста (писем и статей оппонентов автора, официальных документов, текстов художественных произведений и прецедентных текстов), цитат из современной и классической литературы в художественной публицистике А. О. Юма, понимаемой как часть англо-индийской литературы викторианской эпохи. В статье определяются способы применения цитат и реминисценций автором для усиления воздействия на читателя. Методами исследования интертекста в публицистике А. О. Юма выступают рецептивный, культурно-исторический методы и системно-функциональный подход. Новизна настоящего исследования состоит в том, что в нем впервые с литературоведческих позиций рассматриваются политические памфлеты А. О. Юма. Автор приходит к выводу,

что интертекстуальность, широко распространенная в публицистике викторианской эпохи, проявляется и в англо-индийской литературе XIX в., образцом которой являются исследуемые памфлеты, но имеет здесь свои особенности, связанные с обращением к колониальным вопросам и населению колоний. Обращение к прецедентному тексту способствует диалогу Юма с читателем – образованным англичанином или представителем индийской интеллигенции, а интертекстуальные элементы служат созданию эмоционально выраженного тона памфлетов, становятся средством манипулирования читательским мнением, средством иронии и сарказма, с помощью которых публицист обличает своих политических оппонентов.

Ключевые слова:

интертекст, Аллан Октавиан Юм, памфлеты, англо-индийская литература, национальное движение, Индийский национальный конгресс, публицистика, рецепция, прецедентный текст, цитата

В настоящее время в исследованиях художественной публицистики большое внимание уделяется проблеме интертекстуальности. Широкое поле для изучения интертекста, его воздействия на читателя представляет английская публицистика викторианской эпохи, которая характеризуется постоянной борьбой представителей разных художественных, политических и – шире – идеологических течений. Замечательные образцы публицистики создавались выдающимися английскими писателями (например, Ч. Диккенсом) и видными политическими деятелями. Вместе с тем, литература викторианской Великобритании не ограничивалась только английскими писателями – в XIX в. Британская империя становится могущественной империей, власть которой простирается на многие регионы Азии, Африки, Океании. Колониальное владычество способствует и появлению в публицистике новых тем и новых имен, которые, сохраняя свою британскую идентичность, сосредоточены на вопросах жизни в колониях. Одним из следствий этого является появление англо-индийской литературы, которую создавали англичане, родившиеся или служившие в Индии. Следуя художественным и полемическим традициям далекой родины, они вносили в британскую литературу и публицистику новые сюжеты и оттенки, которые еще требуют детального исследования. Настоящая статья, таким образом, посвящена изучению интертекстуальности в англо-индийской литературе XIX в. на примере полемических памфлетов Аллана Октавиана Юма (1829-1912), чье творчество являет собой яркий пример того, как в публицистическое произведение вплетается чужой текст, какие функции он несет, и как способствует влиянию на читательское мнение и интерес.

А. О. Юм – колониальный чиновник в Индии, активист и публицист, который после отставки стал активным деятелем зарождающегося национального движения в Британской Индии, основателем Индийского национального конгресса и выразителем требований индийской интеллигенции в Англии [\[1, 2\]](#). Хотя политическая составляющая его деятельности подробно освещена в научной литературе (можно привести в качестве примера работы Э. Моултона [\[3\]](#), Д. С. Никитина [\[4, 5\]](#), Ш. Р. Мехротры [\[6\]](#)), его художественно-публицистическое наследие, неразрывно связанное с индийским народом, общественными и политическими проблемами колонии второй половины XIX в., остается гораздо менее изученным.

Для исследования использованы три памфлета публициста, написанные им в период с

1886 по 1887 гг.: «Надежда старика», «Приливная волна, или Прогресс политической активности в Индии», «Звезда на Востоке, или Бенгальская национальная лига» [7]. Памфлеты были изданы отдельными брошюрами, в которые, кроме самих статей, входили также документы и стихи, дополнявшие эти статьи и глубже погружающие читателя в их проблематику. В смысловом и композиционном планах они являются одним целым.

В основном журналистика в Индии этого периода, активно развивающаяся под влиянием Запада, посвящена неухающим спорам между сторонниками расширения политических прав населения Британской Индии и властями, либералами и консерваторами. Полемика на страницах газет и журналов в большинстве своем велась вокруг национального вопроса. Большое значение здесь приобрели патриотические настроения общества.

Индию в указанный период буквально захлестнуло национальное движение, проводимое либеральными индийцами и англичанами. В борьбе за расширение прав создаются политические общества, проводится повсеместная агитация [5, с. 14]. Юм здесь играет одну из ведущих ролей, тем самым зарабатывая любовь и доверие местного населения и приобретая врагов среди консервативно настроенной власти [5, с. 14-15]. По сути, деятельность Юма как публициста сводится, с одной стороны, к критике и спорам с местной аристократией, с другой – популяризации идей свободы и равенства между индийцами и английскими колонизаторами.

С этой точки зрения, понятно, почему в печати становятся популярными такие жанры, как пародии, памфлеты, фельетоны, сатирические заметки, призванные обличить, раскритиковать, посмеяться над оппонентами, ущемляющими, по мнению националистов, права местного населения и отрицающими саму возможность социального равенства.

В этом смысле художественная публицистика Юма, отражающая эпоху, – образец индийской периодики конца XIX в., что также побуждает к ее изучению. Она имеет значимость как с исторической точки зрения, так и с литературоведческой, определяя тем самым основную задачу рецептивной эстетики, для которой важен исторический, социальный и культурный контекст [8, с. 9]. Ведь, как пишет В. Ю. Кожанова, «рецептивная эстетика в основном опирается на исторические свидетельства, пытаясь обнаружить господствующие установки в сознании читателей прошлого» [9, с. 101].

Рецептивный аспект, в свою очередь, имеет большое значение в исследовании произведения как интертекста, поскольку последний всегда направлен на восприятие и понимание его читателем. Выражаясь словами А. В. Ждановой, «без активности реципиента рождения интертекста может просто не произойти, и этот пласт останется не активизированной потенцией произведения» [10, с. 77]. Выявляя источники и особенности чужого текста в тексте, нельзя не обратиться и к их функциям, определяющим специфику читательского прочтения. Тем более, что сам Юм слыл весьма противоречивой фигурой в глазах своих читателей. С одной стороны, он зарекомендовал себя в глазах народа справедливым и благородным управленцем, «популярным и авторитетным чиновником в округе, и добрая память о нем сохранялась в течение многих лет» [5, с. 46]. С другой – его социальная и журналистская деятельность вызывала шквал критики в аристократических кругах, и «Юму пришлось сдерживать атаки со стороны высших чинов колониального бюрократического аппарата» [5, с. 111].

И автор, и читатель вписаны в эпоху, сам текст – это ее отражение, что в большей степени сказывается на публицистических статьях, часто написанных на злобу дня. Существуют и другие отличия между художественными и публицистическими текстами.

Чаще всего публицист, используя интертекстуальные элементы, дает их от своего имени, в отличие от писателя, вкладывающего их в уста своих персонажей [10, с. 77]. В этом случае работа реципиента с интертекстом, его выявлением и пониманием становится значительно проще, ведь автор в данном случае ведет читателя за собой, как бы навязывая ему свою картину мира, при этом сильно сужая множественность вариаций прочтения текста.

В одной из работ публициста, по жанру наиболее приближенной к художественному произведению, «Беседе между моулви Фаридаддином, магистром искусств, бакалавром права, вакилом Высокого суда, практикующим в окружном суде Хакикатабада, и Рамбакшем, одним из мукаддамов Камбахтпура» собеседники обмениваются мыслями по поводу идей автора о необходимости введения представительных институтов в Индии [4, с. 11], ранее изложенных самим Юмом в письмах и документах. В своих памфлетах, написанных чуть ранее, публицист, используя элементы интертекста, высказывается от своего имени. При этом часто он тут же ссылается на источники. Но и здесь Юм часто пользуется самоцитатами и самореминисценциями.

Чаще всего в памфлетах используются цитаты и реминисценции. Они различаются по источнику, структуре, месту в тексте, стилистике и, следовательно, по своим функциям.

В зависимости от целей и задач автора, источниками чужого текста могут служить письма и статьи оппонентов автора, официальные документы, тексты художественных произведений и прецедентные тексты. В памфлете «Приливная волна» Юм приводит отрывки из статьи, написанной за несколько дней ранее в аллахабадской газете «Пионер», «которая нападает на сообщество молодых реформаторов, грубо искажая их цели и *modi operandi*» [7, с. 57], иногда довольно объемные. В статье подвергается резкой критике деятельность Юма и его соратников. Памфлетист, в свою очередь, полемизирует с автором статьи, используя те же приемы иронии и сарказма, после каждого приводимого им отрывка из нее, показывая тем самым всю нелепость нападок со стороны оппонента. «Именно в них правительство должно искать средства, чтобы объяснить народу истинное значение диких и фантастических схем, безнадежно выдвигаемых ныне; их влияние должно служить против агитаторов, иначе Индия может внезапно обнаружить себя идущей по краю пропасти, <...>. Этого ли они хотят?» – цитирует Юм текст статьи. И далее комментирует его: «Мы немного устали от этого писателя, и то, что бедные читатели продолжают знакомиться с нашими комментариями к его причудам – это больше, чем мы можем желать. Позвольте нам попытаться и положить этому конец» [7, с. 75–76].

Юм сознательно не обращается напрямую к автору, его тон нарочито пренебрежительный – все это свидетельствует о его явно негативном отношении к журналисту «Пионира». При этом диалог памфлетист ведет, используя местоимение «мы», подчеркивая, что злосчастному автору статьи приходится вступать в спор буквально со всем народом Индии, от лица которого он выступает. Этот прием не только придает уверенность публицисту в своей правоте, но и является способом управления желаниями читателя, которому Юм дает понять, что их мнения определенно совпадают.

Часто, цитируя статью, в которой подвергается критике он сам, Юм меняет ее общий смысл под собственным углом зрения, тем самым преобразовывая цитаты в так называемые «квазичитаты» [11, с. 79]. Недаром памфлет вызвал негодование местной элиты, а вице-король обвинил Юма в том, что он «сделал все возможное, чтобы пробудить подозрение народа Индии к его политике и намерениям» [5, с. 102].

Итак, цитаты из писем и журналистских статей выполняют функции опровержения и убеждения реципиента в своей правоте, а также является средством неявного манипулирования читателем, формирования читательской оценки. Выбор прямых, объемных цитат, целых отрывков из текста продиктован авторскими задачами последовательного опровержения слов оппонента, их осуждения и обличения в глазах читателя.

В своих памфлетах Юм цитирует, а также использует образы из английской художественной литературы, Библии и текстов античных писателей, активно пользуется пословицами и поговорками, в том числе и на латинском языке.

Показательно, что в текстах Юма, написанных об индийском народе, задействовано преимущественно европейское литературное наследие. При этом сам он прекрасно знал индийский эпос. Несмотря на то, что памфлетист являлся ярким либералом и ратовал за расширение прав народа Индии, он все же не был против британского управления колонией, что отражает его центрическую картину мира, в которой Юм видит имперскую Англию центром земли. «Юм – безусловный патриот Британской империи – считал, что метрополия должна выполнять воспитательную, цивилизаторскую миссию в отношении жителей Индии» [\[5, с. 45\]](#), – пишет Д.С. Никитин.

Кроме того, это обусловлено тем, что памфлеты написаны Юмом преимущественно для читателя-англичанина и индийца, получившего европейское образование. Его читатель уже подготовлен к узнаванию чужого текста в статьях. Это читатель понимающий, в противном случае информация, которую несет в себе интертекст, не может быть до него донесена. В этом случае есть риск того, что диалог между текстом и реципиентом не состоится.

Кроме того, источники цитирования в статьях Юма для публициста описываемого времени – некий эталон, прецедентный текст, важнейшей особенностью которого является его узнаваемость носителями языка. «Он должен, – как пишет Е. О. Опарина, – актуализировать особые, значимые для них концепты и смыслы» [\[12, с. 162\]](#). Для Юма это кладезь, из которого он постоянно черпает образы и смыслы.

Такие цитаты и реминисценции позволяют автору добиться выразительности, вызвать у читателя определенные эмоции, вносят стилевое разнообразие в его статьи. «Как древний Моисей, мы стоим, оглядывая землю обетованную, что воздаст каждому утомленному странствием в пустыне деспотизма – не для нас эта земля с реками молока и меда, эта добрая земля, где индийские дети будут радоваться и веселиться <...>» [\[7, с. 160\]](#), – пишет Юм в «Звезде на Востоке». Так сравнение себя и своих сотоварищей с ветхозаветным персонажем придает патетичность и возвышенность его словам. Автор предстает перед читателем неким мессией и спасителем, за которым идет народ, безоговорочно доверяющий ему. С другой стороны, использование библейского образа заставляет читателя сопереживать автору.

Часто интертекстуальные элементы используются памфлетистом для создания иронии или сарказма, помогают ему высказать собственное мнение своему оппоненту или затронутой в статье ситуации. В уже упомянутой «Звезде на Востоке» появляется отсылка к «Алисе в стране чудес» Л. Кэрролла: «Пусть индийская исполнительная власть делает что-то неправильно или плохо, пусть она отвечает по *prossumus* на все требования справедливости и прогресса – этот Совет древних англо-индийцев был готов поддерживать ее и "отстаивать свою власть". Но пусть только она – в промежутках

ясности сознания – выступит за какие-либо меры, благоприятные для национального дела и интереса, и этот огр среди советов немедленно начинает подавлять их, так же, как валет червей – морских свинок на знаменитом судебном процессе. В итоге они кладут их в свои сундуки и садятся сверху» [7, с. 97–98]. Так метафорически автор дает понять всю нелепость и абсурдность поступков представителей власти. Такое сравнение призвано развеселить читателя, иронически посмотреть на серьезную ситуацию.

Часто Юм приводит неточные цитаты, трансформируя их под свои нужды, перефразирует общеизвестные, ставшие крылатыми выражения, что также может способствовать приподнятости повествования, возвышенности, помогает добиться высокой читательской оценки. «Да хранит Господь Индию и всех, кто любит ее!» [7, с. 43] – такой фразой заканчивает автор «Надежду старика», являющейся трансформированным, всем известным выражением типа «Боже, храни короля!» (гимн Англии), «храни, Господи, Англию!» и т.д. Этими словами убеждает читателя в своих добрых намерениях, любви к Индии и ее народу, добиваясь того же и от читателя.

Подводя итог, можно отметить, что автор использует цитаты, прямые и косвенные, явные и неявные, реминисценции, обращаясь к европейскому художественному наследию, Библии и произведениям античных авторов, то есть к так называемому прецедентному тексту. Читатель Юма – подготовленный, образованный англичанин или индеец, без чего не мог бы состояться их диалог. Интертекстуальные элементы создают эмоционально выраженный, приподнятый тон в памфлетах, становятся средством иронии и сарказма, с помощью которых публицист обличает своих оппонентов, помогают ему повысить читательскую оценку, служат средством манипулирования читательским мнением, что было необходимо не только для привлечения внимания общественности к поднимаемым проблемам, но и преследовало конкретные политические цели – защиту программы и требований Индийского национального конгресса перед лицом политических оппонентов.

Библиография

1. Никитин Д. С. Британский комитет Индийского национального конгресса: цели, задачи, итоги деятельности // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 409. С. 115–117. DOI: 10.17223/15617793/409/18.
2. Никитин Д. С. Возникновение отделений ИНК в Великобритании в 1885–1889 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 404. С. 117–120.
3. Moulton E. Allan O. Hume and the Indian National Congress, a reassessment // South Asia: Journal of South Asian Studies. 1985. Vol. 8, № 1–2. P. 5–23.
4. Никитин Д. С. Политические связи Индийского национального конгресса с британскими либералами в 1885–1918 гг.: автореф. дис... канд. ист. наук. Томск, 2018. 20 с.
5. Никитин Д.С. «Друг Индии»: Аллан Октавиан Юм (1829–1912). Новосибирск, 2015. 156 с.
6. Mehrotra S. R. The Emergence of the Indian National Congress. Delhi, 1971. 467 p.
7. Юм А. О. Избранные произведения об индийском национальном движении (1886–1894). Новосибирск, 2019. 375 с.
8. Ковылин А. Н. Читатель как теоретико-литературная проблема: автореф. дис... канд. филол. наук. М., 2007. 21 с.
9. Кожанова В. Ю. Концепты рецептивной эстетики в интерпретативной парадигме медиатекста // Вестник Московского университета. М., 2012. № 5. С. 97–107.
10. Жданова А. В. Особенности проявления интертекстуальности в публицистическом тексте // Ученые записки Казанского университета. Казань, 2015. Т. 1. С. 72–85.

11. Долганов Д. А. Цитата как выразительное средство в публицистическом тексте // Язык – текст – дискурс: традиции и новаторство : сб. трудов конференции. Самара, 2009. Т. 2. С. 78–81.
12. Опарина Е. О. Прецедентный текст и его роль в культурно-языковом социуме // Социолингвистика вчера и сегодня : сб. науч. тр. М., 2004. С. 156–174.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Художественная публицистика А. О. Юма как интертекст (на примере памфлетов 1886–1887 гг.)», предлагаемая к публикации в журнале «Филология: научные исследования», несомненно, является актуальной, ввиду обращения автора к вопросам литературной критике и феномена интертекстуальности, прецедентности текстов. Интертекстуальность как феномен является объектом изучения не только филологии, но и других гуманитарных наук.

Для исследования использованы три памфлета публициста, написанные А. О. Юмом в период с 1886 по 1887 гг.: «Надежда старика», «Приливная волна, или Прогресс политической активности в Индии», «Звезда на Востоке, или Бенгальская национальная лига».

Юм будучи колониальным чиновником в Индии, активистом и публицистом ориентировал свои произведения на читателей англичан, а также индийцев, получивших европейское образование.

Автор приходит к выводам, что интертекстуальные элементы используются памфлетистом для создания иронии или сарказма, помогают ему высказать собственное мнение своему оппоненту или затронутой в статье ситуации; позволяют автору добиться выразительности, вызвать у читателя определенные эмоции и пр.

Статья является новаторской, одной из первых в российской лингвистике, посвященной исследованию подобной тематики в 21 веке. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. В статье используются в том числе общелингвистические методы наблюдения и описания, а также методы дискурсивного и когнитивного анализа, семиотическая методика и методика моделирования языка.

Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Библиография статьи насчитывает 12 источников, среди которых теоретические работы представлены как на русском языке, так и на английском.

Технически при оформлении библиографического списка нарушены общепринятые требования ГОСТа, а именно алфавитный принцип построения.

Высказанные замечания не являются существенными и не влияют на общее положительное впечатление от рецензируемой работы. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших

исследованиях. Результаты работы могут быть использованы в ходе преподавания на специализированных факультетах. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Художественная публицистика А. О. Юма как интертекст (на примере памфлетов 1886–1887 гг.)» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Безруков А.Н. Дешифровка и объективация смысловых границ в рассказе Венедикта Ерофеева «У моего окна» //

Филология: научные исследования. 2024. № 10. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.10.71855 EDN: AQWSYZ URL:

https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71855

Дешифровка и объективация смысловых границ в рассказе Венедикта Ерофеева «У моего окна»

Безруков Андрей Николаевич

ORCID: 0000-0001-7505-3711

кандидат филологических наук

доцент, Уфимский университет науки и технологий (Бирский филиал)

452455, Россия, Республика Башкортостан, г. Бирск, ул. Интернациональная, 120-В

✉ in_text@mail.ru

[Статья из рубрики "Интерпретация"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2024.10.71855

EDN:

AQWSYZ

Дата направления статьи в редакцию:

01-10-2024

Аннотация: Малая проза Венедикта Ерофеева практически не исследована. Нет серьезных, фундаментальных работ по его эссеистике, рассказам, малым нарративным конструктам. Предметом точечного анализа данной статьи становится небольшой текст Вен. Ерофеева «У моего окна». Стоит отметить, что в собрании сочинений, да и в других сборниках автора он представлен в усеченной форме. Пока не удастся найти полновесный вариант, хотя ряд предпосылок к фундаментальности, монументальности этого произведения есть. Цель работы – выявление смысловых границ рассказа «У моего окна» с возможной объективацией смысловой парадигмы. По ходу научной наррации остановка делается на сюжете рассказа, образной системе текста, смысловой художественной парадигме. В статье также определяется функциональная нагрузка интертекстуальности, так как этот принцип определяет сложный параметрический вариант сложения семантического поля. Итогом работы становится конкретизация основных черт поэтики постмодернизма на примере рассказа Венедикта Ерофеева «У моего окна», а также уточнении базовых магистралей прочтения указанного

произведения. В ходе анализа рассказа основной ориентир был направлен на методологию компаративного толка, а также герменевтическое прочтение данного текста. Набор терминов и понятий, используемый в статье, соотносится с поэтикой постмодернизма, так как проза Венедикта Ерофеева входит в состав текстов первой волны русского постмодернизма. Научная новизна исследования заключается в том, что в критике нет пока должных аналитических наблюдений относительно данного рассказа, нет и определенных оценочных суждений. Следовательно, рецепция текста вполне оправдана, наработка же опыта позволит дополнить общую картину анализа стиля Венедикта Ерофеева. Практический характер работы сводится к тому, что ее результаты могут быть действительно применены в ходе дешифровки основного произведения автора – поэмы «Москва – Петушки». Главным методом правильной оценки рассказа должно стать совмещение магистралей философско-исторического толка и литературно-критического. Синкретический характер восприятия генерализует парадигму смысловых, коннотативных составляющих. Текст раскрывается в явном потенциале сращений формального и содержательного уровней. Рассказ Венедикта Ерофеева «У моего окна» не только наличная знаковая структура, не только незавершенный эстетический объект, но и импульсивный постмодернистский стандарт регенерации смысловой парадигмы.

Ключевые слова:

Венедикт Ерофеев, малая проза, ассоциативный ряд, поэтика текста, рецептивная эстетика, компаративистика, автор, интертекстуальность, читатель, стиль

Одной из знаковых фигур первой волны русского постмодернизма является Венедикт Ерофеев. Его творчество целесообразно сопоставлять с началом формирования так называемой новой литературной эстетики, нового взгляда в формате художественного творчества. Следовательно, тексты Венедикта Ерофеева полновесно укладываются в номинацию поэтики постмодернизма, без какой-либо серьезной и конструктивной критики. Принципы и манера письма автора ориентированы на преодоление чистой реалистической традиции, магистрально выделяется в прозе Вен. Ерофеева тяга к эксперименту, симуляции, буквальной игры в текст, игры с текстом. Языковой слой его прозы благодаря интертекстуальным включениям создает эффект расширения смыслового поля.

Основное произведение, который характеризует манеру, особый почерк Венедикта Ерофеева, это конечно же небезызвестная поэма – «Москва – Петушки», которая была написана в 1969 году. В критической литературе эта книга исследована достаточно хорошо, есть диссертационные проекты, наличен свод научных статей, наблюдений собственно аналитического характера, имеющих отношение к дешифровке указанного текста. Малая проза Венедикта Ерофеева исследована менее объемно, хотя и этой форме посвящен ряд исследовательских работ. Думается, что анализ небольших, не таких фундаментальных текстов указанного автора позволяет фигуру Вен. Ерофеева в круге знаковых имен русского постмодернизма представить объективнее и точнее, ибо следование общим принципам смыслового рассеивания можно наблюдать и у Татьяны Толстой, Виктора Пелевина, Владимира Сорокина, Михаила Елизарова и ряда других. Рецепция эссеистической формы, тяготеющей к рассказу «У моего окна» вполне продуктивна и актуальна, так как точечных исследований посвященных этому произведению в критике нет. Таким образом, новизна данной статьи заключается в объективации смыслов этого произведения, практическая же значимость сводится к

ступенчатой аналитической оценке рассказа. Цель исследования может быть ориентирована на объективацию смысловой парадигмы рассказа «У моего окна» с указанием приемов и принципов, используемых в рамках поэтики.

В начале статьи стоит отметить, что практически все малые жанровые формы Венедикта Ерофеева до читателя доходит в усеченном режиме: это отрывки, не совсем целостные записи, дневниковый вариант, обрывочный нарратив. Сам автор не раз отмечал, что тексты не рождаются сразу полновесными, необходима тщательная, скрупулезная работа по подготовке сочинения. Исключением, думается, может быть только «Москва – Петушки», текст, который Вен. Ерофеев создал достаточно быстро. Однако и в нем много недоработок, но может быть это к лучшему, так как зияние смыслов возможно тогда, когда мерцает и текст, и сюжет [\[1\]](#), и образный ряд, что демонстрирует непринужденное авторское художественное рисование. На наш взгляд, для писателя, причем постмодернистского толка, существенным является расширить границы вымышленной реальности, дать возможность читателю прорисовать объективно видимую перспективу, наметить новый виток коннотаций, смысловых значений, порой, не обозначенных при первом прочтении, при первом знакомстве с текстом. Парадигма толкований произведения в искусстве конца XX века максимально расшатана, раскрыта, представляет собой ризому не до конца видимую, даже при тщательном изучении.

Рассказ «У моего окна» был написан Венедиктом Ерофеевым в годы обучения в Орехово-Зуевском педагогическом институте. Заметим, что этот текст полновесно не завершен, он обрывается цитатой: «Неведомы цели Твои, о Господи; и неисповедимы пути твои» [\[2, с. 201\]](#). Явная стилизация под евангельский текст дает основание предполагать о достаточно серьезном, даже сакральном замысле этого текста. Значительная часть работы утеряна, полновесно и целостно пока восстановить его не представляется возможным. Датировка написания – 18 апреля 1960 года – очевидно, указывает на день завершения сочинения, или попытку конкретизировать время размышлений, что также является дискуссионным. Предположительно рассказ «У моего окна» был начат во время болезни, ибо комментарий редакции [\[2, с. 87\]](#) есть, закончено же произведение к Пасхе, что тоже символично и знаково. Для Венедикта Ерофеева религиозная тема не являлась табуированной, попытки поразмышлять о мире в рамках христианской догматики встречаем в «Москве – Петушках», «Благой вести», «Вальпургиевой ночи, или Шагах Командора». Не буквально, но контрапунктом режиме размышление, обозначение христианского мироустройства, правда, в синкретизме с телесным, языческим, античным находим и в рассказе «У моего окна». Главная цель этого текста, на наш взгляд, в непринужденном обозначении спектра развития общества, может, поэтому рассказ и не завершен, так как история длится далее в намеченном пути, онтологически преодолевая собственно человеческие поступки и действия.

Сюжет рассказа на первый взгляд имеет несколько тривиальный характер, но при медленном воспроизведении наррация все больше напоминает весьма качественно построенный художественный объект, ориентированный на объемное семантическое звучание. Парадоксальность конструкции – в ее гармоничном, выверенном членении на части. Это музыкальные отсылки:

1. Allegro moderato.
2. Andante comodavente.
3. Скрецо.

4. Финал.

Венедикт Ерофеев как мастер художественной формы регулирует таким образом темп чтения, ибо нарастание и интенсив при этом явно заметны. Усиление эмоционального тона отчасти роднит этот рассказ и с лирическим конструктом. Эксперименты в формате поэзии у Вен. Ерофеева были, причем они неплохи, цельны. «Антология поэтов общежития РЕМСТРОЙТРЕСТА» [\[2, с. 5-15\]](#) подтверждает данное наблюдение. Смысловой спектр закладывается в сильных позициях текста: это заголовок, начало и финал произведения. Заглавие изучаемого конструкта имело вариант – «У моего стекла», но окончательно автор его изменил. Можно предположить, что «У моего окна» концептуальнее, сложнее. «Окно» обрамляет всю художественную картину, которую видит главный герой (он созерцатель внешнего сюжета), а далее и читатель, «стекло» же является лишь материалом, не имеющим базовой эстетической основы.

Венедикт Ерофеев внимателен к каждой детали текста, перфекционизм так или иначе, достигается в высшей степени. Но стоит сказать, что рассказ окончательно не завершен, хотя должная драматургическая интрига определенно намечена. Схема эмоциональных колебаний в рассказе «У моего окна» по авторской установке, если дифференцировать текст на части, сюжетные изводы, следующая:

1. - умеренно скоро, умеренно весело;
2. - спокойно, не спеша (комфортно);
3. - живой, стремительный темп / шутка;
4. - драматизм, торжественность, монументальность.

В этих пределах выстраивается сюжетный план, основой событийный состав. Начало рассказа манифестирует: «Я очень редко гляжу на небо, я не люблю небо. Если уж я на него взглянул ненароком, так это верный признак того, что меня обдала очередная волна ипохондрии» [\[2, с. 16\]](#). Герой текста нарочито показывает свою непричастность к внешнему миру, то есть только созерцание становится вариантом постижения миропорядка: «в моем славном тупике погашен свет, и, обозревая из темноты все небесные сферы поочерёдно, я предаюсь «метафизическим мышлениям» [\[2, с. 16\]](#). Определенная философская направленность [\[3, 4\]](#) практически всегда была присуща текстам Вен. Ерофеева, малые формы не являются исключением. «У моего окна» как художественный объект тяготеет к деконструкции личностного начала, это является объективной данностью. Парадигма смыслов при этом увеличивается, так как внешний уровень соизмеряется с внутренним, внутренне начало дополняет трансцендентальным. У Вен. Ерофеева даже в записных книжках метафизически верно прописано: «Вот, что входит в список моих функций: видеть, ненавидеть, дышать, держать и гнать» [\[5, с. 159\]](#). Собственно этим и занят герой рассказа «У моего окна».

Не исключается в манере письма Венедикта Ерофеева использование приема иронии. Ирония выступает как вариант усиления постмодернистской поэтики и верифицируется следующим тезисом, так или иначе, предваряющим художественный нарратив: «нравственность моя до скотства безупречна» [\[2, с. 16\]](#). Основной сценой сюжета в данном рассказе становится «встреча-свидание» двух сторонних персонажей, за которыми и наблюдает заглавный субъект повествования, он же основной герой, он же – посредник, он же автор, формирующий оценочный фон действий. Представляя образный ряд созерцателем действия, читаем: «один из них – судя по всему – сержант. Другая

повёрнута ко мне тылом, но, насколько позволяют угадывать очертания, принадлежит к факультету агро-биологическому» [2, с. 16]. Лексический расклад при описании встречи автором, конечно же, прописан весьма фактурно, стилистически тонко и эмоционально. Здесь и «лобзания», и «тесные связи», и «нервное беспокойство», и «туманная даль». Вариант романтического характера определяет жанровую контаминацию, при этом не исключено личное начало с разверткой художественных типов. Для литературы обобщение, пожалуй, наиболее важная черта. Видим это в текстах И.С. Тургенева, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова, М.А. Шолохова Л.М. Леонова, А.И. Солженицына, В.М. Шукшина. Не исключается подобный принцип и в постмодернизме, хотя направление явно тяготеет к симулятивным крайностям, периферии, изображению отчужденно-неизвестного типа героя.

Игровое начало рассказа «У моего окна» определяет некую динамику действий и наблюдателя, и непосредственно участников видимого свидания. Для большего интенсификации повествования комбинаторика двух крайних оценочных ситуаций дается полярно: «издавна различались два аспекта нашего существования – сентиментальный и практический» [2, с. 17]. Автор дистанцирует эти события, они для него не могут быть совмещены в единое целое. Отметим, что художественный замысел [6] предполагает конструктивный формат рецепции. Расшифровка смысловой парадигмы, вероятно, должна быть вариативна. Так и определяет текст: «первый включает в себя хризантемы, жюрфиксы, грёзы, лобзания...» [2, с. 17], «объем второго, напротив, почти исчерпывается автобазами, санпропускниками, проходным налогом, ливерной колбасой...» [2, с. 17]. В рассказе «У моего окна» смена поступков и действий, органично объединяется автором в естественную жизнь, которая при условии художественного воплощения «в целом может быть рассмотрена как некоторый сложный поступок» [7, с. 8]. Генерализация условий и оценок при этом направлена на расширение смыслового поля, в данном случае семантическое звено изотопически неровно.

Дискурсивная практика Венедикта Ерофеева на примере рассказа «У моего окна» предполагает явную многозначность, в данном случае не только ситуация-текст, это еще и событие-перспектива, так как «бивалентность присуща лишь дискурсу, имеющему место в так называемых «архаических» обществах, диффузное мифическое... ежемоментно наполняет нашу повседневную социальную коммуникацию» [8, с. 139]. Думается, что с этим стоит согласиться, ибо художественная основа постмодернизма концептуальна; связность пределов в некий контрапункт оправдана и целесообразна: «концепт расстановки и одиночку не способен обосновать ничего, как и любой другой концепт» [9, с. 96]. На наш взгляд, комплекс ориентиров в рассказе многовариантен, при этом внешние реалии не исключают и внутренние, то есть допускают имманентную предпосылку. Текстовая плоскость работает в ритме живой органики, продуцирования смысловых коннотаций, ибо «текст, который ничего не выражает, незначащ» [9, с. 41].

Компиляция сюжета данного рассказа в принципе не сводится к чистой номинации событий. Для автора важно подчеркнуть пролонгацию действий, или перспективу рецепций. Считаем, что вектор умолчания в этом тексте объемлен и данный факт обоснован. Языково это манифестировано в моделях типа: «врожденное отвращение», «жизнь претит моей природе», «Господь остроумен», «насильственный образ», «эротическая истома» и т.д. Расширительный фон смыслов при этом поддерживается неконкретикой жанра, стоит отметить, что для постмодернизма это тоже характерно. Жанровая «модуляция» [10, с. 164] является необходимой составляющей поиска, это было

присуще и для античных авторов, и для поэтов Возрождения, не исключено подобное в XX веке, как в Европе (Габриэль Гарсиа Маркес, Франц Кафка, Хорсе Луи Борхес, Хулио Кортасар, Альбер Камю, Джеймс Джойс, Герман Гессе, Джордж Оруэлл), так и России (Владимир Маяковский, Николай Гумилев, Анна Ахматова, Игорь Северянин, Велимир Хлебников, Борис Пастернак, Михаил Зощенко, Юрий Олеша, Андрей Платонов, Михаил Булгаков).

На наш взгляд, текст «У моего окна» можно рассматривать и в рамках традиции классического рассказ, но повествовательный ритм при этом явно меняется, с ходом наррации нарастает и эмоциональный накал. Ассоциативный блок смещается и к античной драме, и пасторали, и к средневековой романтической версии, отчасти и к реализму в чистом виде – назидательная новелла, поучительный анекдот. Венедикт Ерофеев не сжимает канонику текста, безусловно, повествование расширено, усложнено. Собственно это и привлекает читателя. Граница смысловых переделов даже такого небольшого текста не сводятся к номинации чего-то буквального и простого. Поле смысла расширено в сегменте общей связности с античной литературой, текстами XIX века, произведениями XX столетия. Реализованный диалог смежных типов повествования в рассказе Венедикта Ерофеева дает основание предполагать, что конструкт не так прост для полновесной рецепции одномоментно, полного объяснения смысловой значимости явно не произойдет. Синкретизм звуковой формации, лексической номинации, сюжетики, не такой буквальной раскладки ролей в рамках образов говорит о параметрическом прочтении данного текста. Рассказ «У моего окна» есть своего рода экспериментальная проза, которая находится на пределе колебаний натурализма (этот ценз автором прописан достоверно и точно) и постмодернизма (тяга к симуляции, пастишу, игре, тенденции к умолчанию).

Художественный конструкт «У моего окна» имеет приметы рамочной формы. Текстовое рассказывание трансформируется в объективный взгляд на происходящее, на видимую историю. Но: «история не самоценна, у нее нет и не может быть никакой общественной цели. Ее цель глубоко персональна и состоит в том, чтобы дать нам выразиться. Роль истории в определенном смысле сравнима с ролью рамы. А портрет создаем мы сами» [11, с. 191]. Это и происходит в рамках рассказа Венедикта Ерофеева. И герой, и герои этого текста не велики, в них нет определенной значимости, нет и конкретной данности. Они переживают события, так как им хочется, так как им удобно. Ассоциативные ряды в данном случае размыты, интертекстуальная парадигма векторна, даже парцеллированный вариант схемы событий и тот возвращает в условное прошлое. Автор-рассказчик отмечает: «Жизнь моя претит моей природе. И если уж лирическая её сторона привлекает меня больше других, то потому только, что содержит в себе больший элемент комизма» [2, с. 17].

Накал страстей героев, кульминационный предел рассказа соотносится с «пощечиной», которая определяет трагический исход: «Не знаю, кто был автором этой пощечины, по-видимому, сержант, потому что в данный момент он удалялся от крохи с видимым наслаждением...» [2, с. 17]. Отсылкой к одной из смысловых граней становится упоминание т.н. «распятой красоты», ибо «она брела в направлении моего тупика» [2, с. 17]. Интертекстуальный фон в ряде мест доводится до некоего абсолюта цитации прямого порядка: «всё прогрессивное человечество, что в отношении к каждому из них ... она придерживалась принципа «От каждого по его способности, каждому по его потребности» [2, с. 18]. Отсылка к работе Карла Маркса дается не столько в идеологическом плане, сколько в морально-общественном. Версия художественного

обобщения встречи, романтического свидания в тексте «У моего окна» определенно неоднозначна. Тут и «трагедия», и «натуральность», и «нравственный план», и «религиозный экстаз». Базовый нарратив в принципе завершается выходом на авансцену улицы героя, за которым и наблюдает автор: «Отверзлись парадные врата – и общежитие ОЗПИ изрыгнуло из себя отрока, которому суждено было стать новой – и центрифугой моего лирического повествования» [2, с. 18]. Далее в части «ANDANTE» уже будут рассуждения автора о «пользе алкоголя». При этом риторика провокационных номинаций выдержана в стилистике Вен. Ерофеева. Например, «о пользе алкоголя можно говорить бесконечно», или «трезвый человек настолько беден духовно», «алкоголь удваивает силу», или «в состоянии опьянения ... человек ведет себя натурально», или «этиловый спирт заменил собой ... христианского Бога» и т.д. И это вполне оправдано, так как буквальный эстетический кадр направлен все же не на действительность как таковую, но на потенциального читателя, заинтересованного в вероятностном расширении парадигмы коннотаций. Не мешает в данном случае ориентир на настоящее, он приобщает к цельности и полновесности; природа постмодернистского текста онтологически нелинейна, чтение, следовательно, тоже должно быть разнонаправленным.

Рассказ «У моего окна» незавершен, сюжетный пласт додумывается читателем, что необычайно интересно, ибо факт сотворчества в художественной словесности необходим. Причем примеров неоконченных текстов в литературе достаточно много: это «Египетские ночи» А.С. Пушкина, «Живой труп» Л.Н. Толстого, «Кентерберийские рассказы» Джеффри Чосера, «Ночи на вилле» Н.В. Гоголя, «Штосс» М.Ю. Лермонтова. В случае с Венедиктом Ерофеевым «текст утерян» [2, с. 20]; можно предположить, что замысел все же был полновесно развернут у автора, например, в режиме любовной интриги «Дафниса и Хлои» Лонга: «юный Дафнис уже вплотную приблизился к ней и приветствовал её сентиментальной развязностью» [2, с. 20] или иного классического текста. Для Вен. Ерофеева смешение разных стилистических пластов, соединение разных жанров, разных сюжетных изводов было характерно, собственно, этим и определяет новая поэтика, поэтика постмодернизма.

Таким образом, смысловые границы рассказа «У моего окна» расширяются за счет особого строения сюжета, открытыми и скрытыми ссылками к предтекстам, прямым диалогом с классикой в режиме интертекстуальности, а также эксперимента на уровне всего художественного целого. Финальная цитата поддерживает приметы недосказанности: «Неведомы цели Твои, о Господи; и неисповедимы пути твои» [2, с. 20]. Однако поиск истины продолжается как для автора, так и для читателя. Момент описания в данном случае нивелируется, хотя он становится исходным импульсом, ибо основные пределы коннотаций направлены на имманентный поиск онтологической правды жизни. Версия оценки бытия Венедиктом Ерофеевым необычайно проста, но эмоционально правильна: «Господь остроумен. Он сделал так, чтобы уход из жизни доставлял человеку максимальную физическую боль, а зачатие новой жизни – наибольшее из всех телесных наслаждений» [2, с. 17]. Но не может исключить писатель иронии, в частности и над самим собой: «таким насильственным образом он проявляет свою заботу о продлении человеческого рода...» [2, с. 17]. Главным методом правильной оценки этого рассказа должно стать совмещение магистралей философско-исторического толка и литературно-критического. Синкретический характер восприятия генерализует парадигму смысловых, коннотативных составляющих. Текст раскрывается в явном потенциале сращений формального и содержательного уровней. Рассказ Венедикта Ерофеева «У моего окна» не только наличная знаковая структура, не только незавершенный

эстетический объект, но и импульсивный постмодернистский стандарт регенерации смысловой парадигмы.

Библиография

1. Силантьев И.В. Сюжет и смысл. М.: Издательский Дом ЯСК: Языки славянской культуры, 2018. 144 с.
2. Ерофеев В.В. Малая проза. М.: Захаров, 2005. 96 с.
3. Безруков А.Н. Венедикт Ерофеев: между метафизикой и литературной правкой. 2-е издание, дополненное. СПб.: Гиперион, 2023. 230 с.
4. Безруков А.Н. Лирический палимпсест Венедикта Ерофеева // Слово. Текст. Контекст. 2023. № 3(15). С. 94-105. DOI: 10.26105/PBSSPU.2023.15.3.001
5. Ерофеев В.В. Записные книжки. Книга вторая. М.: Захаров, 2007. 480 с.
6. Лотман Ю.М. Избранные статьи в 3-х томах. Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллинн: Александра, 1992. 479 с.
7. Бахтин М.М. Собрание сочинений в 7-ми томах. Т.1. Философская эстетика 1920-х годов. М.: Русское слово, 2003. 955 с.
8. Греймас А.-Ж. Структурная семантика. Поиск метода / Пер. с фр. Л. Зиминой. М.: Академический Проект, 2004. 367 с.
9. Деррида Ж. Позиции / Пер. с фр. В.В. Бибихина. М.: Академический Проект, 2007. 160 с.
10. Шеффер Ж.-М. Что такое литературный жанр? / Пер. с фр. С.Н. Зенкина. М.: Едиториал УРСС, 2010. 192 с.
11. Водолазкин Е.Г. Дом и остров, или Инструмент языка: [эссе]. М.: Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2020. 384 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена исследованию смысловых границ в рассказе Венедикта Ерофеева «У моего окна». Как верно отмечено в статье, «творчество Венедикта Ерофеева целесообразно сопоставлять с началом формирования так называемой новой литературной эстетики, нового взгляда в формате художественного творчества... Принципы и манера письма автора ориентированы на преодоление чистой реалистической традиции, магистрально выделяется в прозе Вен. Ерофеева тяга к эксперименту, симуляции, буквальная игра в текст, игры с текстом. Языковой слой его прозы благодаря интертекстуальным включениям создает эффект расширения смыслового поля». Это объясняет интерес исследователей к творчеству этой «знаковой фигуры первой волны русского постмодернизма». Если основное произведение писателя [«Москва – Петушки»] исследовано достаточно детально: «есть диссертационные проекты, наличен свод научных статей, наблюдений собственно аналитического характера, имеющих отношение к дешифровке указанного текста», то малая проза, по наблюдениям автора(ов), изучена «менее объемно, хотя и этой форме посвящен ряд исследовательских работ».

Теоретической основой представленной работы обоснованно выступили фундаментальные труды таких отечественных и зарубежных ученых, как Ю. М. Лотман, М. М. Бахтин, Альгирдас Жюльен Греймас, Жак Деррида, Жан-Мари Шеффер и др. Методологическую базу исследования составил комплексный подход, содержащий общенаучные методы синтеза и анализа, в силу специфики предмета, объекта и цели

исследования, которая «ориентирована на объективацию смысловой парадигмы рассказа «У моего окна» с указанием приемов и принципов, используемых в рамках поэтики».

Анализ теоретического материала и его практическое обоснование позволили автору(ам) прийти к выводу о том, что «смысловые границы рассказа «У моего окна» расширяются за счет особого строения сюжета, открытыми и скрытыми ссылками к предтекстам, прямым диалогом с классикой в режиме интертекстуальности, а также эксперимента на уровне всего художественного целого». Отмечается, что «главным методом правильной оценки этого рассказа должно стать совмещение магистралей философско-исторического толка и литературно-критического. Синкретический характер восприятия генерализует парадигму смысловых, коннотативных составляющих».

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру, способствующую полноценному восприятию материала. Стиль изложения материала соответствует требованиям научного описания и характеризуется оригинальностью и логичностью, доступностью и высокой культурой речи.

Библиография исследования состоит из 11 источников, в том числе иностранных. В библиографическом списке присутствуют работы, посвященные вопросам семиотики и типологии культуры, структурной семантике, сюжету и смыслу, а также творчеству Венедикта Ерофеева. Однако автор(ы) практически не апеллируют к научным работам последних лет (лишь два источника изданы в последние 3 года). Конечно, данное замечание не умаляет значимости проделанной работы, однако в данном случае достаточно сложно судить о реальной степени изученности данной проблемы.

Теоретическая и практическая значимость исследования обусловлена его вкладом в решение современных языковедческих проблем, связанных с дешифровкой и объективацией смысловых границ в малой прозе Венедикта Ерофеева: «практическая значимость сводится к ступенчатой аналитической оценке рассказа».

Статья имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования» в оригинальном виде.

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Шигуров В.В., Шигурова Т.А. Частеречные омонимы как следствие ступенчатой транспозиции творительного падежа существительных в наречие // Филология: научные исследования. 2024. № 10. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.10.71810 EDN: AUIXPM URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71810

Частеречные омонимы как следствие ступенчатой транспозиции творительного падежа существительных в наречие

Шигуров Виктор Васильевич

ORCID: 0000-0002-4898-6484

доктор филологических наук

профессор; кафедра русского языка; Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева

430010, Россия, республика Мордовия, г. Саранск, ул. Серова, 3, кв. 12

✉ shigurov@mail.ru

Шигурова Татьяна Алексеевна

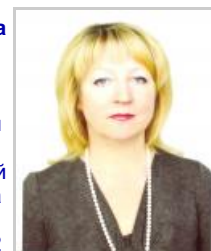
ORCID: 0000-0002-5342-8471

доктор культурологии

профессор; кафедра культурологии и библиотечно-информационных ресурсов; Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева

430010, Россия, республика Мордовия, г. Саранск, ул. Серова, 3, кв. 12

✉ shigurova_tatyana@mail.ru

[Статья из рубрики "Грамматика"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2024.10.71810

EDN:

AUIXPM

Дата направления статьи в редакцию:

26-09-2024

Аннотация: Актуальность работы определяется необходимостью выработки системы критериев, позволяющих дифференцировать функциональные и функционально-семантические омонимы, порождаемые механизмом адвербиальной транспозиции форм

творительного падежа существительных. Новизна исследования обусловлена попыткой комплексного освещения признаков, обеспечивающих разграничение, с одной стороны, существительных, а с другой – возникших на их базе наречий. Цель работы – исследовать семантико-грамматические свойства существительных и отсубстантивных наречий, позволяющие разграничить грамматические и лексико-грамматические омонимы. Объект анализа – существительные в форме творительного падежа, вовлеченные в процессы адвербиализации, а также иногда и прономинализации, партикуляции, модалации и интеръективации, предмет рассмотрения – этапы и признаки адвербиальной транспозиции субстантивных словоформ, критерии их отграничения от наречий. Материалом для исследования послужили предложения из Национального корпуса русского языка и собственные примеры авторов статьи. Для решения научных задач использована методика структурно-семантического, дистрибутивного, трансформационного и оппозиционного анализа, лингвистический эксперимент. Предложены критерии для разграничения словоформ, эксплицирующих в типовых контекстах разные стадии адвербиальной транспозиции в зонах периферии и ядра наречий, в том числе в зоне влияния частиц, вводно-модальных слов и междометий. В качестве главных критериев признаны категориальные значения предметности и адвербиальности. Наличие частеречной семантики предмета в словоформах типа «рядом», «путем» предопределяет реализацию грамматических категорий рода, числа и падежа, падежно-числовых парадигм, системы флексий, обеспечивающих признак изменяемости, и типичной синтаксической функции дополнения. С другой стороны, формирование у субстантивных словоформ адвербиальной семантики приводит к их декатегоризации, утрате категорий и парадигм, трансформации морфемной структуры, вызванной перерождением флексии в суффикс и расширением основы слова, к приобретению типичной функции обстоятельства. Выявлено, что дифференциация рассматриваемых омонимов может быть связана с их синтаксической и лексической сочетаемостью. Показано, что транспозиция словоформ из класса существительных в класс наречий осуществляется через ряд ступеней, демонстрирующих «на выходе» функциональные омонимы, сохраняющие смысловую связь с исходными лексическими единицами, и функционально-семантические омонимы, эксплицирующие окончательный выход за пределы семантической зоны исходных субстантивных лексем. Промежуточное положение между творительным падежом и отсубстантивным наречием представляют гибриды.

Ключевые слова:

русский язык, транспозиционная грамматика, адвербиализация, существительное, наречие, шкала переходности, ядро, периферия, омонимия, критерии

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 24-28-00674 «Исследование адвербиализации как типа ступенчатой транспозиции субстантивных словоформ в системе частей речи русского языка».

1. Вводные замечания

К одной из актуальных задач при исследовании разных типов функциональной и функциональной транспозиции слов разных частей речи относится исчисление степеней и этапов категориального перерождения лексических единиц. Несомненный интерес в этой связи представляет процесс и результат адвербиализации форм творительного падежа существительных. Употребляясь в одиночной позиции и в сочетании с

предлогами, они обнаруживают в разных условиях речи неодинаковую степень продвижения к классу адвербиальной лексики. Более того, как и в других случаях транспозиции, здесь можно наблюдать пересечение нескольких видов категориальных превращений лексических единиц, известных как адвербиализация, с одной стороны, и модалация, интеръективация, партикуляция, прономинализация – с другой. Следствием вовлечения языковых единиц сразу в несколько транспозиционных процессов является обогащение их смысловой структуры, что проявляется в изменении удельного веса признаков, свойственных разным частям речи. Объектом настоящего исследования являются существительные, обнаруживающие в типовых контекстах разную степень адвербиализации, предметом анализа – омонимичные словоформы, представляющие исходное и конечное звенья на шкале переходности, т.е. типичное существительное, с одной стороны, и типичное и периферийное наречие – с другой. Актуальность работы определяется тем, что в практике грамматического анализа фактов переходности в сфере адвербиализации часто возникают объективные трудности, которые обусловлены грамматической противоречивостью тех или иных образований, невозможностью иногда однозначной трактовки их по принципу «или... или». Зачастую это синкретичные структуры, синтезирующие разный удельный вес признаков существительных и наречий. Ситуация усугубляется еще тем, что так называемый переход в наречия может происходить как внутри исходной леммы, так и за ее пределами, позволяя говорить о чисто функциональной или функционально-семантической омонимии [17, с. 59-65; 22, с. 177-191]. Материал для анализа взят из Национального корпуса русского языка (далее: [НКРЯ]) [10] и из картотеки собственных примеров авторов статьи. Применялся структурно-семантический метод, лингвистический эксперимент, элементы дистрибутивного, трансформационного и компонентного анализа. Методологической базой послужили работы российских и зарубежных ученых по проблеме частеречной транспозиции, синкретизма [1; 2; 6, с. 5-11; 9, с. 9-25; 14, с. 25-38; 20; 21; 23], в том числе исследования по лексической и грамматической омонимии (см., напр.: [4, с. 1-12; 7, с. 380-390; 8; 11; 16, с. 248-258]), закономерностях сочетаемости слов разных частей речи [5, с. 483; 13; 15].

2. Результаты исследования и обсуждение

Комплексное системное исследование языковых и речевых фактов в области адвербиализации беспредложных форм творительного падежа позволило прийти к выводу о том, что данный тип транспозиции должен быть осмыслен как в процессуальном (динамическом), так и в синхронном аспектах.

Динамический ракурс адвербиализации субстантивных словоформ типа *путем, разом, следом, даром, летом* представляет изменение их структурно-семантических характеристик по мере поэтапного продвижения к наречиям. Изменение частеречных признаков в структуре и семантике словоформ типа *зимой* включает в себя как ослабление и утрату субстантивных характеристик, так и формирование и укрепление адвербиальных свойств. Кроме того, вовлеченность адвербиализующихся субстантивных словоформ в процессы прономинализации, модалации, партикуляции и интеръективации приводит к появлению у них и некоторых признаков местоимений-числительных с указательной семантикой неопределенно-большого множества объектов (*Дров было навалом*), вводно-модальных слов со значением категорической достоверности (*Ты верняком обыграл бы всех*) или логической оценки высказывания в виде уточнения (*Ты, часом, не из Самары*), модальных утвердительных частиц («А его наградили бы за это?» – «**Верняком!**») и императивных междометий (**Кругом! Бегом!**).

Исследование адвербиализации существительных без предлогов в статическом аспекте заключается в анализе ядерных и синкретичных образований, демонстрирующих на шкале переходности разные этапы продвижения в сторону наречного класса. С каждым из этих этапов сопряжен определенный набор и удельный вес дифференциальных признаков частей речи, взаимодействующих в зонах чистой адвербиализации и совмещенной с партикуляцией, модалацией, интеръективацией и прономинализацией. На шкале адвербиальной транспозиции субстантивных словоформ графически представлены разные степени отхода адвербиализующегося образования от типичных существительных и приближения к типичным представителям отсубстантивных наречий. Зону существительных эксплицируют два звена – с ядерными представителями данного класса слов [**А / С(ущ)**] и периферийными [**Аб / С(ущ) н(ареч)**]. Аналогичным образом обозначается зона ядерных [**Б / Н(ареч)**] и периферийных наречий [**аб / с(ущ) Н(ареч)**]. Срединное звено [**аб / с(ущ) н(ареч)**] соотносится с контекстами, которые демонстрируют гибриды, синтезирующие примерно в равной пропорции признаки взаимодействующих существительных и наречий.

Зону синкретизма на шкале переходности эксплицируют образования, соотносительные, с одной стороны, с зонами периферии существительных и наречий, а с другой – с зоной промежуточных, субстантивно-адвербиальных единиц.

Предложенная модель графического представления этапов адвербиализации в каждом конкретном случае может получать модификацию. Это обусловлено тем, что некоторые звенья на шкале адвербиальной транспозиции существительных могут быть либо вообще не заняты теми или иными перерождающимися в наречия субстантивными словоформами, либо, напротив, иметь более дробную градацию в виде ряда подзвеньев. Ср., например, два подзвена в зоне периферии существительного в творительном падеже, различающиеся лексической сочетаемостью и, соответственно, степенью продвинутости к наречиям: 1) *Он умел воздействовать на людей каким-то необыкновенным, гипнотическим **шепотом*** и 2) *Он разговаривал с детьми ласковым **шепотом***. Первое подзвено в зоне периферийных существительным представлено контекстами употребления субстантивной словоформой *шепотом* в синкретичной функции объектно-обстоятельственного компонента предложения (чем? каким способом? при помощи чего?) в сочетании с глаголами вроде *напугать, дразнить, останавливать*. Второе подзвено зоны периферии существительных демонстрирует контексты, в которых словоформа *шепотом* используется в функции обстоятельства образа действия (как?), примыкая при этом к глаголам типа *сказать, спросить*.

Ситуация, как уже сказано, иногда осложняется тем обстоятельством, что при транспозиции в наречия формы творительного падежа соприкасаются с представителями других семантико-грамматических классов и семантико-синтаксического разряда вводно-модальных слов и выражений. В итоге формируются гибриды, в смысловой структуре которых признаки существительных сочетаются с признаками наречий, местоимений, частиц, вводно-модальных слов (*верняком, навалом, местами, часом, случаем, кругом, бегом* и др.). Так, контексты совмещенной адвербиализации и модалации демонстрируют сферу взаимодействия субстантивных единиц с вводно-модальными словами. Напр.: *Вы **случаем** не из Ростова?* К признакам модальных слов в гибриде *случаем* можно отнести, в частности, субъективно-модальное значение логической оценки высказывания; факультативную возможность обособления и выделения запятыми при вводном употреблении в позиции между подлежащим и сказуемым.

Адвербиализация существительных в творительном падеже может быть сопряжена с интеръективацией в речевых ситуациях побуждения к осуществлению действий, в

частности в командах типа **Кругом! Шагом марш! Бегом!** В таких случаях формируются волеизъявительные междометия, характеризующиеся особой императивной интонацией. Ср. контексты употребления исходного существительного в творительном падеже и возникшего на его базе в результате адвербиализации пространственного наречия: *Он мастерски владел спортивным **кругом** и **Кругом** никого не было.*

В совмещенных контекстах адвербиализации и прономинализации типа *Ягод (проблем, мусору и т.п.) было **навалом*** гибриды *навалом* совмещают признаки существительных (лексическое значение исходного существительного *навал*), наречий (неизменяемость, суффиксальный характер морфа *-ом*; значение признака признака «иметься в большом количестве»; функция обстоятельства меры и степени, совмещаемая с функцией предиката) и местоимений-числительных (сочетаемость с препозитивно употребляемой формой родительного падежа существительного, обозначающего считаемые предметы, в составе конструкций с некоординированными главными членами предложения; указание на неопределенное множество предметов, превышающее ситуативную норму; ср. менее частое использование в препозиции по отношению к управляемой форме родительного падежа имени: *навалом проблем*); см. также транспозицию в неопределенные местоимения-наречия субстантивной словоформы *местами*: **Местами** снег еще сохранялся (≈ 'кое-где, в некоторых местах') (подробнее о семантико-грамматических сдвигах в существительных, наречиях, кратких прилагательных и глаголах в местоименно-числительной функции см. в: [\[18, с. 34–43; 19, с. 66–69 и др.\]](#)).

Разная степень семантического отхода адвербиализующейся словоформы от исходной субстантивной леммы позволяет говорить о двух типах адвербиализации существительных в форме творительного падежа: функциональном (собственно грамматическом) и функционально-семантическом (лексико-грамматическом). При функциональном типе адвербиальной транспозиции существительного процесс формирования новой части речи – наречия происходит в недрах исходной леммы, которая развивает в определенной речевой ситуации новое адвербиальное лексическое значение. Важно подчеркнуть то, что это адвербиальное значение не приводит к нарушению смыслового тождества слова, а осмысливается в рамках полисемии. Примером такой собственно грамматической (функциональной) адвербиализации может служить факт транспозиции, например, существительных в творительном падеже с семантикой времени года или суток типа *зимой, весной, летом, осенью; утром, днем, вечером, ночью* в темпоральные наречия. Ср. грамматические (но не лексические!) омонимы типа *Пахло **летом**, **полем**, **ягодами**; Отдыхающие наслаждались теплым августовским **вечером*** (существительные) – **Летом** они жили у себя на даче; **Вечером** решили поехать на остров (наречия).

Адвербиализация существительных функционально-семантического типа, напротив, связана с образованием на базе существительных в творительном падеже не только грамматических, но и лексических омонимов. Семантическое тождество адвербиализующихся субстантивных словоформ нарушается, давая основание говорить о взаимодействии фактов грамматики и словаря. Выход за пределы семантической зоны исходных лексем сопровождается образованием грамматических и лексических омонимов типа *порядком* (существительное в творительном падеже) и *порядком* (отсубстантивное количественное наречие). Ср.: 1. *Дежурный строго следил за **порядком** в лагере – Гость оказался очень назойливым и всем **порядком** надоед.*

Необходимо иметь в виду, что некоторые формы творительного падежа существительных подвергаются сразу двум типам адвербиальной транспозиции, которые демонстрируют, в

сущности, два этапа их адвербиализации в зоне наречий. Таковы, например, субстантивные словоформы *рядом* и *даром*, на базе которых сформировались, с одной стороны, периферийные, собственно грамматические наречия, не нарушающие смыслового тождества исходных лексем, а с другой – ядерные отсубстантивные наречия, вышедшие за пределы семантической зоны исходных лексем. Ср. функциональные и функционально-семантические омонимы:

(1) *Принесенные книги оказались **даром** от спонсоров; Режиссер был недоволен подставленным **рядом** стульев, нарушающим общую композицию сценария* (существительные);

(2) *Все вещи были переданы детскому дому **даром** (≈ 'безвозмездно'); Березки выстроились **рядом** на пригорке (≈ 'в ряд')* (периферийные наречия);

(3) *Оказалось, что все силы и время были потрачены **даром** (≈ 'напрасно'); **Рядом** был красивое озеро (≈ 'совсем близко')* (ядерные наречия).

Надо сказать, что провести четкую демаркационную линию между функциональным и функционально-семантическим типами адвербиализации форм творительного падежа существительных во многих случаях бывает нелегко, а иногда, по-видимому, и вообще невозможно, поскольку семантические различия между отдельными типами их употребления в речи зачастую очень тонки и неотчетливы. Степень семантического отхода адвербиализующейся словоформы от исходной субстантивной лексемы в каждом конкретном случае индивидуальна и нередко с трудом поддается измерению. Поэтому приходится констатировать в сфере адвербиализации множество переходных образований, как бы выстраивающихся в некую линию, которая соединяет ясные случаи полисемии и лексической омонимии. Нечто схожее высказывал, правда в другой связи, А.М. Пешковский, пытавшийся разграничить факты сильного и слабого управления в разных условиях речи. Он признал невозможным установить в ряде случаев точную степень связи предложной и беспредложной падежной формы существительного с главным компонентом словосочетания. «В одном случае, – отмечал А.М. Пешковский, – перед нами минимум необходимой связи, в другом – максимум. И между полным отсутствием ее ("слабое" управление) и максимальным присутствием столько же промежуточных пунктов, сколько точек в линии. Язык и тут "не делает скачков"» [\[12, с. 271\]](#).

Функциональные и функционально-семантические омонимы, эксплицирующие зоны ядерных существительных, с одной стороны, и периферийных и ядерных отсубстантивных наречий – с другой, а также синкретичные речевые образования, демонстрирующие в разных условиях речи несовпадающий набор и пропорцию дифференциальных признаков исходного и конечного пунктов адвербиальной транспозиции, могут быть дифференцированы с учетом системы критериев, которые представляют основные семантико-грамматические свойства существительных и наречий, а также взаимодействующих с ними иногда местоимений, частиц, междометий и вводно-модальных слов.

Приведем типовые контексты употребления, во-первых, ядерных существительных (4) [ступень **А / С(ущ)** на шкале адвербиализации], а во-вторых, периферийных (5) и ядерных отсубстантивных наречий (6) [ступени **аБ / с(ущ) Н(ареч)** и **Б / Н(ареч)** на шкале адвербиализации]:

(4) *Отдыхающие наслаждались последним теплым **днем** осени; Все заинтересовались*

самым коротким, но трудным **путем** к цели;

(5) Экскурсии по городу проводились **днем** и иногда в вечернее время;

(6) Он еще **путем** не разобрался в ситуации.

При дифференциации существительных в форме творительного падежа и омонимичных им наречий, возникших в результате функциональной и функционально-семантической адвербиализации, следует принимать во внимание перечень важнейших критериев, определяющих специфику типичных представителей субстантивного и адвербиального классов.

1. Наличие у существительных (типа *днем*, *путем* и т.п.) – отсутствие у возникших на их базе наречий (*днем*, *путем* и т.п.) ряда субстантивных характеристик, к которым можно отнести категориальную семантику предмета (в широком смысле слова); грамматические категории и формы рода, числа и падежа; изменяемость, две словоизменительные парадигмы как средство экспликации категорий падежа и числа; наличие флексии в морфемной структуре словоформ на *-ом*; типичные синтаксические характеристики класса существительных – первичную субстантивную функцию объектного дополнения; адъективные и присубстантивные распространители, фиксирующие предметную семантику имени существительного и его грамматические формы рода (в единственном числе), числа и падежа; подчинительная связь с главным словом словосочетания в виде управления (творительным падежом); семантико-грамматические показатели разрядовых значений существительных (одушевленность / неодушевленность, абстрактность / конкретность и др.). Наряду с этим необходимо учитывать факт наличия или отсутствия у спорного образования (наречие / существительное) типичных признаков отсубстантивных наречий – категориальной семантики вторичного признака; неизменяемости; суффикса *-ом*; первичной адвербиальной функции обстоятельства; подчинительной связи с главным компонентом словосочетания способом примыкания; показателей обстоятельственных (темпоральных, пространственных) и определительных (количественных, образа и способа действия, совместности и совокупности) наречий.

2. Различие лексических значений между существительными и отсубстантивными наречиями, сформировавшимися при функционально-семантической адвербиализации за пределами семантической зоны исходных субстантивных лексем. Ср.: *Чувство художника, возмущаясь таким **порядком** вещей, преследует его в самых разнообразных видоизменениях и передает на позор того самого общества, которое живет в этом порядке* [Н. Добролюбов. Темное царство (1859)] (сущ. в знач. 'правильное, отлаженное, организованное состояние' [3, с. 929]) – *За несколько месяцев службы ему **порядком** надоели и эти изумрудные чинары, и вязкий аромат дикого орешника, и мягкая прозрачность неба, ревниво охраняемого зоркими орлами, и многое другое из того, что не встречалось в далёкой, но такой родной Сибирской губернии* [Д. Линчевский. Враг // «Точка зрения», 2012] (нареч. в знач. 'в значительной степени, довольно сильно, изрядно' [3, с. 929]). Ср. тождество лексических значений существительных и отсубстантивных наречий, возникших при функциональной адвербиализации форм творительного падежа, без нарушения смыслового тождества исходных лексем: *Кружились снежинки, и в лесу пахло **весной*** [С. Козлов. Правда, мы будем всегда? (1969-1981)] [НКРЯ]; *Выздоровление признавали **чудом***. Кроме могучего здоровья таилась в недрах его существа как бы сила предназначения [Д. Гранин. Зубр (1987)] [НКРЯ](сущ.) – ***Весной** обнажается грязно-желтое прошлогоднее осеннее тряпье, и долго-долго земля одета в этот нищенский убор, пока новая зелень не наберет силу и все не станет цвести – торопливо и бурно* [В. Шаламов. Колымские рассказы

(1954-1961)] [НКРЯ]; *Приключений хватало, Елене Александровне пришлось хлебнуть всякого, спаслась **чудом** и добралась до Москвы зимой 1920/ 21 года* [Д. Гранин. Зубр (1987)] [НКРЯ] (нареч.).

3. Возможность для существительных – невозможность для наречий сочетаться со знаменательными словами, управляющими формой творительного падежа в функции дополнения со значением объекта или компонента составного именного предиката. Ср.: *...наслаждались жаркой летней **порой**; ...оказался очень напряженной **порой** экзаменов* (сущ. в знач. 'период') и ***порой** ничего не хотелось делать* (нареч. в знач. 'иногда'). Напр.: *Вы помните, что я начал свой рассказ концом октября, **порой** недоумения, когда природа колеблется между летом и зимой* [В. Соллогуб. Сережа (1838)] [НКРЯ]; *Он просто так, вспоминает... детство всегда кажется самой лучшей **порой**...* [В. Попов. Очаровательное захолустье (2001)] [НКРЯ] – ***Порой** проглядывало солнышко, освещало падающую сетку дождя и опять закутывалось в лохматые тучи* [В. Шукшин. Двое на телеге (1958)] [НКРЯ]. В случаях типа *порой* (проглядывало) адвербиализованная субстантивная словоформа обозначают не объект, на который направлено действие, а интервал между передаваемыми ситуациями.

4. Наличие у существительных – отсутствие у отсубстантивных наречий типичных адъективных и присубстантивных распространителей. Ср.: *Дети были довольны **полученным** от спонсоров **даром*** (сущ.) – *столько сил и времени потратили впустую, **даром*** (нареч.). Отсубстантивные наречия могут иметь при себе зависимые слова, не «оживляющие» субстантивные свойства в адвербиализованной словоформе на -ом (обстоятельства со значением меры и степени; времени и др.; напр.: *рано утром, поздно вечером, уже экспромтом, совсем шепотом*). Напр.: *Яхта сделала поворот и опять пошла к берегу. «А здесь... – сказал Славка **совсем шепотом**. – Здесь с какого класса записывают?»* [В. Крапивин. Трое с площади Карронад (1979)] [НКРЯ]; ***Рано утром** я вышел из избушки и увидел, что дождь давно перестал, а всюду – на земле, на деревьях, на крыше – лежит первый снег* [Ю. Коваль. Белозубка (1979)] [НКРЯ]. Попытка искусственно изменить синтаксическое окружение адвербиализованной формы творительного падежа в определенном контексте путем подстановки при ней зависимых адъективных и субстантивных слов, а также образовать якобы другие падежные и числовые формы неизбежно приведет к подмене одного грамматического явления (наречия) другим (омонимичным существительным). Ср. некорректность исследовательского приема, используемого иногда для доказательства якобы субстантивной природы словоформы *утром* в таких контекстах адвербиализации, как: ***Утром** решили отправиться в поход* (нареч.) -- > ***Ранним утром** следующего дня...* (сущ.). Попытки оживления предметного значения в существительном, подвергшемся собственно грамматической (функциональной) адвербиализации, наблюдаются и при использовании такого сомнительного приема, как вычленение его из контекста и подмена исходным существительным, близким по значению и изменяющимся по категориям падежа и числа; ср. типовые контексты употребления функциональных омонимов: ***Днем** было прохладно* (наречие в функции детерминантного обстоятельства времени, лишенное падежно-числовых парадигм исходного существительного) и *Все остались довольны **днем** отдыха* (существительное в функции объектного дополнения, обладающее категориями рода, числа и падежа).

5. Акцентологические различия существительных и отсубстантивных наречий. Ср. изменение ударения в формах творительного падежа существительных *бегом, кругом*, подвергнутых адвербиализации: *Я подумал, что, может быть, он занимается **бёгом**, и только что прибежал со стадиона* [А. Геласимов. Ты можешь (2001)] [НКРЯ]; *...На столе с*

черным **крúгом** от сковороды смешались бумаги... [Ю. Давыдов. Синие тюльпаны (1988-1989)] [НКРЯ] – По лестнице поднимался вверх **бегóм** одинокий фрачник [М. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 2 (1929-1940)] [НКРЯ]; Было совсем темно. Ни огонька **кругóм**, ни звука [С. Довлатов. Наши (1983)] [НКРЯ] .

6. Возможность для отсубстантивных наречий – невозможность для омонимичных существительных в творительном падеже входить в состав фразеологизма. Ср.: **бить ключом**, **вопрос ребром**, **рассыпаться бисером**, **дым коромыслом** (нареч.) – **открывать дверь ключом**, **ударить по столу ребром ладони**; **расшить мелким бисером**, **подцепить ведра коромыслом** (сущ.). Омонимичные наречия и исходные существительные нередко различаются лексической сочетаемостью. Ср., например, употребление количественного наречия **порядком** при глаголах **надоест**, **потрепать**, **помять**, **устать**, **проголодаться**, **струхнуть**, **обветшать**, **утомить**, **поколотить**, не характерное для омонимичного существительного, форма творительного падежа которого управляется каким-либо знаменательным словом: **доволен**, **восхищен**, **интересоваться** и т.п. Наличие семантического согласования (общей семы) с главным словом словосочетания не является фактором, который обуславливает процесс адвербиальной транспозиции субстантивной словоформы или, напротив, препятствует ему. Ср. например, употребление периферийного существительного **шагом** и наречия **шагом** с глаголами движения: **идти быстрым шагом** – **идти шагом**.

Из всех приведенных выше критериев дифференциации существительных в форме творительного падежа и образованных на их основе наречий универсальным является лишь первый. Остальные критерии в той или иной степени производны от первого и могут быть использованы для разграничения отдельных типов омонимов, сформировавшихся вследствие функциональной или функционально-семантической адвербиализации субстантивных словоформ.

3. Заключение

Результаты исследования позволяют утверждать, что образования типа **летом**, **осенью**, **днем**, **путем**, **басом** являются наречиями, если они, с одной стороны, не имеют дифференциальных признаков субстантивного класса слов, а именно предметной семантики, набора категорий (род, число, падеж), словоизменительных парадигм и флексий, функции дополнения, синтагматических параметров существительных – присловных связей с зависимыми словами адъективного и субстантивного типа, отнесенности к подклассам нарицательных, неодушевленных, абстрактных / конкретных существительных, а с другой – обладают типичными признаками адвербиалов – общеграмматической семантикой вторичного признака, неизменяемостью, функцией обстоятельства (и / или несогласованного определения в присубстантивной позиции; **бег руссой**, **отдых летом**), расширением состава основы за счет трансформации флексии **-ом** / **-ой** в суффикс **-ом** / **-ой**, принадлежностью к разрядам определительных и обстоятельственных наречий.

Благодарность.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 24-28-00674 «Исследование адвербиализации как типа ступенчатой транспозиции субстантивных словоформ в системе частей речи русского языка».

Библиография

1. Бабайцева В.В. Явления переходности в грамматике русского языка: монография. М.:

Дрофа, 2000. 640 с.

2. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Изд-во иностранной литературы, 1955. 416 с.

3. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.

4. Виноградов В.В. О грамматической омонимии в современном русском языке // Русский язык в школе. 1940. № 1. С. 1-12.

5. Гак В.Г. Сочетаемость // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 483.

6. Зализняк Анна А. Русское «разве»: от предлога к вопросительной частице // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2020. Т. 79. № 4. С. 5-11.

7. Кустова Г.И. Ментальные предикаты в метатекстовых конструкциях 2-го лица // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам международной конференции «Диалог-2018». Вып. 17 (24). – М., 2018. С. 380-390.

8. Малаховский Л.В. Теория лексической и грамматической омонимии. Л.: Наука, 1990. 239 с.

9. Мельчук И. Две русские лексемы: ВОЗЬМИ [и У-ни] и ВЗЯТЬ [и У-нуть] // Русский язык в научном освещении. 2023. № 2. С. 9-25.

10. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения 15.09.2024).

11. Пеньковский А.Б. Очерки по русской семантике. М.: Языки славянской культуры, 2004. 464 с.

12. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Учпедгиз, 1938. 452 с.

13. Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М.: Русские словари, 2008. 416 с.

14. Урысон Е.В. Синтаксическая деривация и «наивная» картина мира // Вопросы языкознания. 1996. № 4. С. 25-38.

15. Филипенко М.В. Семантика наречий и адverbиальных выражений. М.: Азбуковник, 2003. 304 с.

16. Харченко С.Ю. Орфографическая норма и грамматическая омонимия // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2019. Т. 18. № 4. С. 248-258.

17. Шигуров В.В. Разновидности функциональной транспозиции словоформ в системе частей речи русского языка // Филологические науки. 2001. № 6. С. 59-65.

18. Шигуров В.В. Местоименно-числительный тип употребления глаголов: лексика и грамматика // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2002. Т. 61. № 2. С. 34-43.

19. Шигуров В.В. Прономинализация как тип ступенчатой транспозиции языковых единиц в системе частей речи: теория транспозиционной грамматики русского языка. 2-е изд., испр. и доп. М.: ИНФРА-М, 2015. 160 с.

20. Eichinger L.M. Syntaktische Transposition und semantische Derivation: die Adjektive auf -isch im heutigen Deutsch. Tübingen. 1982. 241 p.

21. Stekauer P. A theory of conversion in English. Frankfurt am Main: Peter Lang, 1996. 155 p.

22. Shigurov V.V., Shigurova T.A. Core Modalates Zone Correlative with Short Adjectives and Predicates in the Russian Language // Man In India. 2017. Т. 97. № 25. С. 177-191.

23. Schäfer R. Einführung in die grammatische Beschreibung des Deutschen. Berlin: Language Science Press, 2015. 576 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования рецензируемой статьи не так частотен в массе критических наработок. Автор обращает внимание на проблему функциональной транспозиции частей речи. Вначале труда отмечено, что «к одной из актуальных задач при исследовании разных типов функциональной и функциональной транспозиции слов разных частей речи является исчисление степеней и этапов категориального перерождения лексических единиц. Несомненный интерес в этой связи представляет процесс и результат адвербиализации форм творительного падежа существительных». Фактическая мотивировка объективна, целевая составляющая в принципе также обозначена. Отмечу сразу, что в целом текст работы органично сформирован, ориентир на решение поставленных задач выверен, да и достигнут. Материал для анализа «взят из Национального корпуса русского языка», а также собственной картотеки примеров, сформированной автором. Вариант методов анализа, на мой взгляд, продуктивен: в исследовании «применялся структурно-семантический метод, лингвистический эксперимент, элементы дистрибутивного, трансформационного и компонентного анализа». Да и методологической базой труда являются «работы российских и зарубежных ученых по проблеме частеречной транспозиции, синкретизма, в том числе исследования по лексической и грамматической омонимии, закономерностях сочетаемости слов разных частей речи». Таким образом, не стоит сомневаться в основательности труда, желании автора все же выйти к объективности суждений и выводов. Текст дробится на смысловые блоки, которые между собой логически связаны, что придает исследованию цельность и структурную рамочность. Стиль статьи соотносится с собственно научным типом, автор с должным вниманием и выверенной правильностью использует термины и понятия, при этом не допуская явного искажения смысла: например, «Исследование адвербиализации существительных без предлогов в статическом аспекте заключается в анализе ядерных и синкретичных образований, демонстрирующих на шкале переходности разные этапы продвижения в сторону наречного класса. С каждым из этих этапов сопряжен определенный набор и удельный вес дифференциальных признаков частей речи, взаимодействующих в зонах чистой адвербиализации и совмещенной с партикуляцией, модалацией, интеръективацией и прономинализацией...», или «Так, контексты совмещенной адвербиализации и модалации демонстрируют сферу взаимодействия субстантивных единиц с вводно-модалными словами. Напр.: Вы случаем не из Ростова? К признакам модалных слов в гибриде случаем можно отнести, в частности, субъективно-модалное значение логической оценки высказывания; факультативную возможность обособления и выделения запятыми при вводном употреблении в позиции между подлежащим и сказуемым» и т.д. Однако текст стоит вычитать, чтобы скорректировать и убрать опечатки, стилистические погрешности: например, «шкала адвербиальной транспозиции субстантивных словоформ позволяет графически зафиксировать разные степени отхода авербиализующегося образования от типичных существительных и приближения к типичным представителям отсубстантивных наречий» и т.д. Считаю, что примеров в работе достаточно, иллюстративный фон объемён: «кроме того, вовлеченность адвербиализующихся субстантивных словоформ в процессы прономинализации, модалации, партикуляции и интеръективации приводит к появлению у них и некоторых признаков местоименно-числительных с указательной семантикой неопределенно-большого множества объектов (Дров было навалом), вводно-модалных слов со значением категорической достоверности (Ты верняком обыграл бы всех) или логической оценки высказывания в

виде уточнения (Ты, часом, не из Самары), модальных утвердительных частиц («А его наградили бы за это?» – «Верняком!») и императивных междометий (Кругом! Бегом!), или «таковы, например, субстантивные словоформы рядом и даром, на базе которых сформировались, с одной стороны, периферийные, собственно грамматические наречия, не нарушающие смыслового тождества исходных лексем, а с другой – ядерные отсубстантивные наречия, вышедшие за пределы семантической зоны исходных лексем. Ср. функциональные и функционально-семантические омонимы: (1) Принесенные книги оказались даром от спонсоров; Режиссер был недоволен подставленным рядом стульев, нарушающим общую композицию сценария (существительные); (2) Все вещи были переданы детскому дому даром (≈ 'безвозмездно'); Березки выстроились рядом на пригорке (≈ 'в ряд') (периферийные наречия); (3) Оказалось, что все силы и время были потрачены даром (≈ 'напрасно'); Рядом был красивое озеро (≈ 'совсем близко') (ядерные наречия)», или «Ср. тождество лексических значений существительных и отсубстантивных наречий, возникших при функциональной адвербиализации форм творительного падежа, без нарушения смыслового тождества исходных лексем: Кружились снежинки, и в лесу пахло весной [С. Козлов. Правда, мы будем всегда? (1969-1981)] [НКРЯ]; Выздоровление признавали чудом. Кроме могучего здоровья таилась в недрах его существа как бы сила предназначения [Д. Гранин. Зубр (1987)] [НКРЯ] (сущ.) – Весной обнажается грязно-желтое прошлогоднее осеннее тряпье, и долго-долго земля одета в этот нищенский убор, пока новая зелень не наберет силу и все не станет цвести – торопливо и бурно [В. Шаламов. Колымские рассказы (1954-1961)] [НКРЯ]; Приключений хватало, Елене Александровне пришлось хлебнуть всякого, спаслась чудом и добралась до Москвы зимой 1920/ 21 года [Д. Гранин. Зубр (1987)] [НКРЯ] (нареч.)» и т.д. В целом работы имеет законченный вид, точка зрения автора доступна и объективна, материал может быть практически использован в вузовском режиме преподавания филологических дисциплин. Номинатив издания выдержан, заключительный блок соотносится с основным. С учетом сказанного, тезизирую: рецензируемая статья «Частеречные омонимы как следствие ступенчатой транспозиции творительного падежа существительных в наречие» может быть рекомендована к публикации в журнале «Филология: научные исследования».

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена адвербиализации форм творительного падежа существительных. Предмет исследования достаточно актуален: «несмотря на присущий английскому предложению фиксированный порядок слов, именно наречия в практике грамматического анализа фактов переходности в сфере адвербиализации часто возникают объективные трудности, которые обусловлены грамматической противоречивостью тех или иных образований, невозможностью иногда однозначной трактовки их по принципу «или... или». Зачастую это синкретичные структуры, синтезирующие разный удельный вес признаков существительных и наречий. Ситуация усугубляется еще тем, что так называемый переход в наречия может происходить как внутри исходной лексики, так и за ее пределами, позволяя говорить о чисто функциональной или функционально-семантической омонимии». Материал для анализа взят из Национального корпуса русского языка и из картотеки собственных примеров авторов статьи.

Теоретической основой исследования явились работы российских и зарубежных ученых

по проблеме частеречной транспозиции и синкретизма (В. В. Бабайцевой, Ш. Балли, А. А. Зализняк, В. В. Шигурова, И. Мельчука, L. M. Eichinger, P. Stekauer, R. Schäfer), в том числе исследования по лексической и грамматической омонимии (В. В. Виноградова, Г. И. Кустовой, Л. В. Малаховского, А. Б. Пеньковского, С. Ю. Харченко), закономерностях сочетаемости слов разных частей речи (В. Г. Гака, Е. В. Рахилиной, М. В. Филипенко). Методологическую базу исследования составили структурно-семантический метод, лингвистический эксперимент, элементы дистрибутивного, трансформационного и компонентного анализа. Методы используются с учётом специфики предмета, объекта, цели и задач работы. Анализ теоретического материала и его практическое обоснование позволили автору(ам) подробно рассмотреть языковые и речевые факты в области адвербиализации беспредложных форм творительного падежа и прийти к выводу о том, что данный тип транспозиции должен быть осмыслен как в процессуальном (динамическом), так и в синхронном аспектах.

Библиография исследования состоит из 23 источников, в том числе иностранных. В библиографическом списке присутствуют как фундаментальные труды (Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка; Виноградов В. В. О грамматической омонимии в современном русском языке; Бабайцева В. В. Явления переходности в грамматике русского языка; Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении), так и актуальные работы, что свидетельствует о глубине теоретической проработки изучаемого явления.

Теоретическая значимость исследования неоспорима и обусловлена его вкладом в развитие теории частей речи, функциональной грамматики и грамматической стилистики, так как демонстрирует процесс формирования наречий в результате ступенчатой транспозиции творительного падежа существительных. Практическая значимость работы заключается в возможности использования ее результатов в курсах по языкознанию, морфологии и словообразованию современного русского языка.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру, способствующую его полноценному восприятию. Стиль изложения материала соответствует требованиям научного описания и характеризуется логичностью и доступностью. Статья имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования» в оригинальном виде.

Англоязычные метаданные

**Peculiarities of Adverb Placement in English Sentences
(exemplified by the adverb "fairly")**

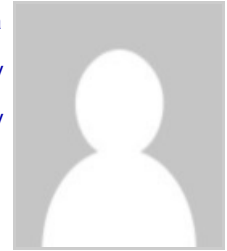
Popova Ekaterina Andreevna

PhD in Philology

Associate Professor; Faculty of English; Moscow State Linguistic University

119034, Russia, Moscow, Ostozhenka str., 38, p. 1

✉ k9032041936@gmail.com

Abstract. The article deals with the problem of adverb placement in English sentences. The paper aims at studying the main tendencies and patterns which influence the choice of the syntactic position of adverbs in English. Special attention is paid to the correlation between the semantic and syntactic features of adverbs. The article also describes possible syntactic positions of adverbs belonging to different semantic classes and the factors which determine the change of the place of the adverb in the sentence. The paper also considers the peculiarities of functioning of adverbs in the sentence based on the analysis of the adverb "fairly". The material for study includes contexts of use of the adverb "fairly" taken from the British National Corpus (BNC). The research uses the following methods: descriptive and statistical methods, methods of contextual analysis and syntactic analysis. The relevance of the subject of the research is due to the fact that in modern English adverbs are characterized by a high level of variability in syntactic placement, and even adverbs belonging to the same semantic class may have different syntactic properties. The analysis showed that "fairly" can be used as an intensifying adverb, an emphaser, an adverb of manner, an evaluation adverb; in a number of cases it can also acquire additional modal meanings or serve as a speech act-related adverb. Each meaning of the adverb is characterised by its specific variants of syntactic positioning: before the word it modifies, in medial position, in end position and as a parenthetic word detached from the rest of the sentence. The results of the research show the necessity to study the syntactic properties of adverbs in more detail and to clarify their existing dictionary definitions.

Keywords: end position, medial position, initial position, parenthesis, speech act-related adverb, evaluation adverb, adverb of manner, intensifying adverb, semantic class, adverb

References (transliterated)

1. The British National Corpus, version 3 (BNC XML Edition). 2007. Distributed by Oxford University Computing Services on behalf of the BNC Consortium. URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/>
2. Downing A., Locke Ph. English Grammar. A University Course. Second Edition. Routledge, Taylor and Francis Group. London, New York. 2006. 640 p.
3. Huddleston R. & Pullum G. The Cambridge Grammar of the English Language. – Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 1860 p.
4. Swan M. Practical English Usage. Oxford University Press. Second Edition. 1997. 654 p.
5. Davis M. G. Aspects of Adverbial Placement in English and Slovene. Verlag Otto Sagner, Munchen, 1989. 342 p.
6. Machina O.A., Gorshkov G.I. Mezhd'yazykovoi perenos pri obuchenii grammatike (na

- primere pozitsii narechiya v predlozhenii) // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2017. №11 (784). S. 127-140.
7. Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J. A Comprehensive Grammar of the English language. Longman Group Limited. London and New York. 1985. 1779 p.
 8. Kolodyazhnaya V. N. Nekotorye osobennosti upotrebleniya narechii nepolnoty deistviya ili priznaka v angliiskom predlozhenii. // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina. Vol. 1, No. 3, 2010. S. 62-70.
 9. Ernst T. Adverbs and Light Verbs // Proceedings of the 22nd North American Conference on Chinese linguistics (NACCL-22) and the 18th International Conference on Chinese Linguistics (IACL-18). 2010. Vol. 2. Clemens, L.E. and C.-M. L. Liu, eds. Harvard University, Cambridge, MA. C. 178-195.
 10. Spiridonov D. V., Fofanova P. Yu. Funktsional'no-semanticheskie osobennosti angliiskogo narechiya finally // Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnye nauki, t. 16, №. 4 (133), s. 215-224 [Elektronnyi resurs] URL : <https://journals.urfu.ru/index.php/Izvestia2/article/view/1394>
 11. Kemp L, Hengeveld K. English evidential-ly adverbs in the noun phrase from a functional perspective. Open Linguistics. 2022; 8(1). Pp. 573-592. URL: <https://doi.org/10.1515/opli-2022-0208>
 12. Dictionary.com © 2024 Dictionary.com, LLC [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.dictionary.com/>
 13. Cambridge Dictionary. English Dictionary © Cambridge University Press and Assessment 2024 [Elektronnyi resurs]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/>
 14. The Oxford Advanced Learner's Dictionary © 2024 Oxford University Press [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/>
 15. Collins COBUILD Advanced Learner's Dictionary. Copyright © HarperCollins Publishers [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english>

Means of expressing stereotypical ideas about Chinese in the Russian language

Kong Weikan

Postgraduate student; Department of Russian Language, General Linguistics and Speech Communication; Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin

Office 312, Lenin str., 51, Yekaterinburg, Sverdlovsk region, 620075, Russia

✉ weikan@mail.ru

Abstract. The subject of the study is the analysis of ethnic heterostereotypes about the Chinese ethnic group in the Russian language, with an emphasis on the linguistic means used in the Russian media. The article examines various linguistic constructions that express stereotypical ideas about the Chinese, such as the expressions "even the Chinese", "cunning Chinese" and "wise Chinese". The study covers the period from 1991 to 2024 and includes an analysis of anecdotes with the ethnonym "Chinese". The focus is on identifying and classifying language tools that reflect both positive and negative stereotypes about the Chinese, including their hard work, cunning, and China's role in the global economy. The work highlights the importance of critical perception of stereotypical information and cultural exchange to improve intercultural communication. The research methodology is based on the analysis of publications from the Integrum database from 1991 to 2024, using the classification of

linguistic means for the explication of ethnostereotypes proposed by L.P. Krysin, including accentuation, comparison, generalization and use of phraseological units. The main conclusions of the study are the identification and systematization of linguistic means reflecting ethnic heterostereotypes about Chinese in the Russian language. The study showed that expressions such as "cunning Chinese" and "wise Chinese" are widely used in the Russian media, which emphasizes the persistence of these stereotypes. The analysis of anecdotes containing the ethnonym "Chinese" also revealed how humor can contribute to the spread of stereotypical ideas. The work focuses on the dual nature of stereotypes, which can include both positive and negative characteristics. This highlights the importance of a critical approach to the perception of stereotypes and the need for cultural exchange to reduce prejudice. The results of the study are of significant importance for intercultural communication, indicating the need for openness and avoidance of excessive generalizations in the interaction between cultures.

Keywords: particle, collocation, ethnos, ethnonym, chinese, China, heterostereotype, stereotype, phraseology, anecdote

References (transliterated)

1. Abramova V. I., Arkhangel'skaya Yu. V. Inokul'turnye toponimy, etnonimy i ikh derivaty v russkoi leksike i frazeologii: simvol'y, etalony, stereotipy, lingvokul'turnye kody // Tul'skii nauchnyi vestnik. Seriya Istoriya. Yazykoznanie. 2021. №. 1 (5). S. 115-124.
2. Anan'eva K. I. «Effekt drugoi rasy»: teoreticheskie kontseptsii, issledovatel'skie instrumenty, eksperimental'nye dannye // Eksperimental'naya psikhologiya. 2021. T. 14. №. 4. S. 142-163.
3. Bartmin'skii E. Yazykovoi obraz mira: ocherki po etnolingvistike. M.: Indrik, 2005. 512 s.
4. Zakharov V. P., Khokhlova M. V. Analiz effektivnosti statisticheskikh metodov vyyavleniya kollokatsii v tekstakh na russkom yazyke // Komp'yuternaya lingvistika: po materialam ezhegodnoi Mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog» (Bekasovo, 26-30 maya 2010 g.). M.: Izd-vo RGGU, T. 9 (16), 2010. S. 137-143.
5. Zolotova G. A. Sintaksicheskii slovar': repertuar elementarnykh edinit russkogo sintaksisa. M.: Nauka, 1988. 440 s.
6. Krysin – Tolkovy slovar' russkoi razgovornoj rechi. Vyp. 2. K-O / RAN. Institut russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova, Otv. red. L. P. Krysin. M.: Izdatel'skii Dom YaSK : Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2017. 861 s.
7. Krysin L. P. Etnostereotipy v sovremennom yazykovom soznanii: k postanovke problemy // Filosofskie i lingvokul'turologicheskie problemy tolerantnosti. M.: OLMA-PRESS, 2005. S. 450-455.
8. Lyu Ts. Issledovanie imidzha Kitaya v Rossii // Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy. 2022. T. 11. № 1A. S. 234-240.
9. Mantsaeva A. N., Bataeva D. N. Etnicheskie stereotipy v mezhkul'turnoi kommunikatsii // Baltiiskii gumanitarnyi zhurnal. 2019. T. 8. №. 2 (27). S. 218-221.
10. Maslova V. A. Lingvokul'turologiya : ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ucheb. zavedeniy. M.: Izdatel'skii tsentr «Akademiya», 2001. 208 s.
11. Muchkina E. S. Etnicheskie stereotipy i ikh otrazhenie v semantike etnonimov // Filologiya i chelovek. 2010. № 4. S. 107-118.
12. Pasevich Z. V. Yazykovye sredstva vyrazheniya etnostereotipov v tekstakh russkikh anekdotov o kitait'sakh // Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal. 2021. №

3-3 (105). S. 148-155.

13. Sya Sh. Kitai, kitaiskii, kitaets v russkoi frazeologii // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya. 2008. № 2. S. 120-126.
14. Khimik – Khimik V. V. Bol'shoi slovar' russkoi razgovornoj rechi. M.: Norint, 2004. 768 S.
15. Shvedova – Tolkovyi slovar' russkogo yazyka s vklucheniem svedenii o proiskhozhdenii slov / RAN. Institut russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova, Otv. red. N. Yu. Shvedova. M.: Izdatel'skii tsentr «Azubkovnik», 2011. 1175 s.
16. Barroinisrina R. R., Sadiyah E. E., Putri M. N., Astutu L. A. P., Sholihah J. Literature study: application of multicultural counselling in overcoming ethnic stereotypes // International Conference on Guidance and Counseling. 2024. Vol. 2. № 1. P. 427-432.
17. Buzinova L. M., Voloshina T. G., Parnikova T. V., Chernova O. O. Ethnic Stereotypes' Reflection by Means of Modern Cinematography // Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki, yazykoznaniya. 2023. T. 42. № 3. S. 505-514.
18. Cao Y., Wang D., Bai Y., Ru T. Effect of ethnic stereotype threat on academic performance: Experimental evidence from rural China // China Economic Review. 2024. Vol. 86. P. 1-18.
19. Kroon A. C., Trilling D., Raats T. Guilty by association: Using word embeddings to measure ethnic stereotypes in news coverage // Journalism & Mass Communication Quarterly. 2021. Vol. 98. Iss. 2. P. 451-477.
20. Levchenko V. V., Pavlenina T. Y. Ethnic stereotypes and prejudices of modern Russian youth // Vestnik universiteta. 2024. № 3. S. 187-196.
21. Punti G., Dingel M. Rethinking race, ethnicity, and the assessment of intercultural competence in higher education // Education Sciences. 2021. № 11. № 3. P. 1-17.
22. Pushkina K. V., Pushkin A. A., Tenyakova E. A. Ethnic stereotypes and their influence on the formation of ethnocultural tolerance among chuvash students // 9th International Conference on Education & Education of Social Sciences: Abstracts & Proceedings E-publication, Istanbul (17–18 January, 2022). Istanbul, 2022. P. 240-248.
23. Salmina, N.G., Zvonova, E.V., Pestereva, N.A., Pham Hong Nhung Ethnic Stereotypes in the Perception of Advertising by Young People // Lomonosov Psychology Journal. 2023. № 46(4). P. 227-247.

Journalist in the Terror Scenery: Camille Desmoulins and the Old Cordelier

Gotovtseva Anastasiya Gennad'evna

Doctor of Philology

Professor, Department of Journalism and Broadcast Technologies, Russian State University named after A. N. Kosygin; Leading Scientific Associate, Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences

125993, Russia, Moscow, Sadovnicheskaya str., 33, p. 1

✉ brunhilda@yandex.ru

Abstract. The article presents a detailed history of Camille Desmoulins' newspaper "The Old Cordelier" in the historical and political context of the Jacobin terror. The content of seven issues of the newspaper is examined, and an attempt is made to reveal Desmoulins' concept of the publication in his dispute with the leader of the extreme left, Hébert, and the all-powerful dictator Robespierre. The first issues of "The Old Cordelier" satisfied Robespierre

because they aimed at Hébert and the cult of Reason preached by him. However, gradually the meaning of Desmoulins' texts began to change. The journalist began to write about the shortcomings of the entire machine of state terror and, eventually, inevitably, to criticize Robespierre. Already with his third issue, Desmoulins aroused the discontent of the Jacobin and Cordelier Clubs, from which he was expelled shortly after. The sixth issue was held up by the publisher Desenne, who demanded that the most acute fragments be removed. The seventh issue of the newspaper, which Desmoulins was editing when he was arrested, was published only after Thermidor, and even then with cuts. Desmoulins' political views, which were quite radical at the beginning of the Revolution, underwent a significant evolution against the backdrop of the Terror. In order to influence events, he returned to journalism and began publishing his own newspaper again - an activity he had abandoned when he moved away from publishing the periodical brochure "Revolutions of France and Brabant". A talented journalist, Desmoulins constructed the texts of his issues using "Aesopian" language and allegorical images, which, however, were quite understandable to his contemporaries. Desmoulins' political position became increasingly irreconcilable with the government's terrorist policy. In the end, the fight against Robespierre from the pages of the newspapers led to Desmoulins ending up on the guillotine.

Keywords: Father Duchesne, Jacobin dictatorship, The Old Cordelier, Cordeliers, newspaper controversy, Robespierre, Hébert, Desmoulins, terror, French Revolution

References (transliterated)

1. Maron E. Histoire littéraire de la Convention nationale. Paris: Poulet-Malassis et de Broise, 1860. 359 p.
2. Le Vieux Cordelier. 1793. No 1. 15 frim. II [5 dec.]. 8 p.
3. Imasheva O.A. Personologiya: o ponyatiyakh «obraz avtora» i «yazykovaya lichnost'» // Aktual'nye problemy lingvistiki i mezhkul'turnoi kommunikatsii: sbornik trudov kafedry lingvistiki i inostrannykh yazykov. M.: RGU im. Kosygina, 2024. S. 13–16.
4. Degtyareva A.N. Struktura kategorii «obraz avtora» v khudozhestvennom diskurse // Rossiiskii lingvisticheskii byulleten'. 2023. № 3(39). URL: <https://rulb.org/archive/3-39-2023-march/10.18454/RULB.2023.39.17>.
5. Verezubova E.E., Shvedchikova M.S. Yazyk i simvol novogo obshchestva vo Frantsii epokhi revolyutsii // Gumanitarnye nauki i vyzovy nashego vremeni: sbornik materialov V Vserossiiskoi (natsional'noi) nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem. Sankt-Peterburg, 9-10 marta 2023 g. SPb.: Izd-vo SPbGEU, 2023. S. 66–69.
6. Robespierre M. Œuvres complètes: 10 vol. Paris : E. Leroux, 1910. T. 10. 655 p.
7. Janssens J. Camille Desmoulins. Le premier républicain de France. Paris: Perrin, 1973. 781 p.
8. Le Vieux Cordelier. 1793. No 2. 20 frim. II [10 dec.]. P. 9–24.
9. Le Vieux Cordelier. 1793. No 3. 25 frim. II [15 dec.]. P. 25–48.
10. La Société des Jacobins : recueil de documents pour l'histoire du club des Jacobins de Paris: 6 vol. Paris : Quantin, 1895. T. 5. [2], 711 p.
11. Le Vieux Cordelier. 1793, 1793. No 4. 30 frim. II [20 dec.]. P. 49–64.
12. Le Vieux Cordelier. 1793. No 5. 5 niv. II [25 dec.]. P. 57–100.
13. Mercier L.-S. Paris pendant la Révolution (1789–1798) ou le Nouveau Paris: 2 vol. Paris: Poulet-Malassis, 1862. T. 2. 474 p.
14. Chardigny L. Ce bon M. Maillard, chef des tape-dur[s] // Ric et Rac: grand

- hebdomadaire pour tous. 1944. No 754. 14 avr. P. 3.
15. Weber C. *Terror and Its Discontents: Suspect Words in Revolutionary France*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2003. 320 p.
16. Le Père Duchesne. [1793]. No 332. 8 p.
17. Walter G. Hébert et le Père Duchesne 1757–1794. Paris: J.B. Janin, 1946. 456 p.
18. Le Vieux Cordelier. 1793. No 6. 10 niv. II [30 dec.]. P. 101–116.
19. Le Père Duchesne. [1793]. No 307. 8 r.
20. Le Vieux Cordelier. 1794. No 7. 15 pluv. II [3 fev.]. P. 117–172.
21. Mishle Zh. *Istoriya Frantsuzskoi revolyutsii: v 6 t. / per. s fr. M.: Lodomir, 2022. T. 5. S. 2750–3193, [5] s. (Literaturnye pamyatniki)*.
22. *Le vieux Cordelier de Camille Desmoulins, seule édition complète*. Paris: Ébrard, 1834. XXXV, 254 p.
23. Robesp'ер M. *Izbrannye proizvedeniya: v 3 t. M.: Nauka, 1965. T. 3. 318 p.*

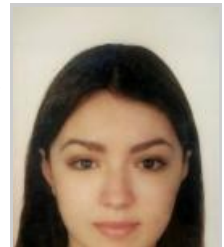
Sociolinguistic analysis of examples of the use of anglicisms in Ecuadorian journalistic texts

Demianova Polina Ivanovna

Lecturer; Institute of Foreign Languages; Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia
Postgraduate student; Institute of Foreign Languages; Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

141410, Russia, Moscow region, Khimki, Druzhbystr., 5, sq. 246

✉ demianova_pi@pfur.ru

Abstract. The subject of this study is the functioning of English-language borrowings (Anglicisms) in the Ecuadorian national version of the Spanish language based on examples of their use in the texts of local mass media. The object of the study is the texts of the Ecuadorian media, in particular news articles published on the websites of the most widely read newspapers in Ecuador. The paper examines such issues as the sociolinguistic influence of English on Ecuadorian Spanish, the frequency and nature of the use of Anglicisms in it, as well as their dissemination through the media. Special attention is paid to the analysis of specific examples of the use of Anglicisms in journalistic texts, which allows us to identify key trends in their functioning. In this study, Anglicisms are considered as one of the factors influencing the development of the Spanish language in Ecuador. The study uses methods of content analysis and qualitative analysis of examples of the use of Anglicisms in Ecuadorian journalistic texts, which revealed the frequency of their use and their role in the formation of modern linguistic norms. The relevance of the chosen topic is dictated by the fact of the increasing influence of Anglicisms on Ecuadorian Spanish. The Spanish language variant, which is widespread in the territory of the Republic of Ecuador, currently seems to be less studied in comparison with the neighboring Latin American variants. Thus, there is a need to conduct a study of the main trends in its development. It follows from this that the novelty of the work lies in the implementation of a comprehensive sociolinguistic analysis of English-language borrowings used in the Ecuadorian media, which contributes to the formation of a deeper understanding of the processes underlying the formation and functioning of the Ecuadorian national version of the Spanish language. The results of the study showed that Anglicisms are actively penetrating into various spheres of Ecuadorian society, acting as a social marker and reflecting the influence of Western culture on the local population.

Keywords: Language policy, Globalization, Content analysis, Mass media, Sociolinguistics,

References (transliterated)

1. Alpatov V.M. Sotsiolingvistika i drugie lingvisticheskie distsipliny // Sotsiolingvistika. 2020. № 1 (1). С. 9-16.
2. Settarova M.D. Aktual'nye problemy sotsiolingvistiki // Problemy Nauki. 2016. № 8 (50). S. 101-103.
3. Benyamina Kh. Anglitsizmy: kak sotsiolingvisticheskoe yavlenie v russkom yazyke // DIZWW. 2021. № 17. S. 30-34.
4. Breiter M.A. Anglitsizmy v russkom yazyke: istoriya i perspektivy: Posobie dlya inostr. studentov-rusistov. M.: Izd-vo AO "Dialog-MGU", 1997.
5. Bäumlér L. Loanword Phonology of Spanish Anglicisms: New Insights from Corpus Data // Languages. 2024. № 9. P. 1-18.
6. Winter-Froemel E. Entlehnung in der Kommunikation und im Sprachwandel: Theorie und Analysen zum Französischen. Berlin and Boston: De Gruyter, 2011.
7. Pustka E. Loanword phonology in Romance // Manual of Romance Phonetics and Phonology. P. 503-528.
8. Dworkin S. A History of the Spanish Lexicon: A Linguistic Perspective. Oxford: Oxford University Press, 2012.
9. Pratt C. El anglicismo en el español peninsular contemporáneo. Madrid: Gredos, 1980.
10. González-Cruz M.-I., Rodríguez-Medina M. On the pragmatic function of anglicisms in Spanish: A case study // Revista Alicantina de Estudios Ingleses. 2011. № 24. P. 257-273.
11. Muñoz-Basols J., Salazar D. Cross-Linguistic Lexical Influence between English and Spanish // Spanish in Context. 2016. P. 80-102.
12. Garner P. El "imperio informal" británico en América Latina: ¿realidad o ficción? // Historia mexicana. 2015. № 65 (2). P. 541-559.

The potential of the university teacher's Telegram channel for the development of the university's image

Afanas'eva Anastasiya Georgievna

Deputy Head; Personnel Department; Plekhanov Russian University of Economics

115404, Russia, Moscow, Kasimovskaya str., 7 building 1, sq. 33

✉ aafanaseva345@gmail.com

Abstract. The subject of the study is the content of the Telegram channel of a university teacher as a means of forming the image of the university. The object of the study is the potential of the employee's Telegram channel as a contribution to the organization's public relations. The author examines this issue in detail using the example of higher education organizations, choosing large and small universities for practical analysis and comparing the content of Telegram channels of those teachers who advertise their affiliation to the university. Special attention is paid to two different approaches typical for large and small universities, respectively: in the first case, the professors position themselves as professionals regardless of teaching activities, in the second – precisely as university

employees. As a result of the analysis, recommendations have been developed that will allow universities to productively use the potential of new media. When selecting the research material, the method of continuous sampling of employees leading Telegram channels and the content of the Telegram channels themselves was used. The author used the method of content analysis of publications, analysis of the quantitative composition of the audience, as well as strategies for the interaction of the channel author with his audience through feedback tools. The main conclusions of the conducted research are, firstly, the statement of the fact of the extremely small use of the potential of employees' Telegram channels to build the image of the organization in the field of higher education. With great attention to the personality of the teacher and the significant influence of his personality on the views of students, tastes in the field of art and culture and the choice of a future profession, the professorship does not convert this influence into the space of new media. A special contribution of the author to the research of the topic is the identification of two strategies for the interaction of the personality of the author of the Telegram channel with his profession as a university teacher. Conditionally, they can be designated as the primacy of professional success and personal brand, regardless of teaching, and the primacy of teaching, regardless of personal brand. The novelty of the research lies in the research of the teacher's Telegram channel, undertaken for the first time in Russian science, precisely in connection with the image of the university: for example, there are studies of teachers' Telegram channels in their connection with the teaching process (assignment placement, dialogues with students through the Telegram platform), but the connection with the positioning of the university and its image has not been previously considered.

Keywords: telegram channels, university, personal brand, students, new media, professors, public relations, higher education, image, telegram

References (transliterated)

1. Shuiskaya Yu.V. Lingvisticheskie osobennosti diskursa telegram-kanalov kak novogo tipa media // Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 6, Yazykoznanie: Referativnyi zhurnal. 2023. № 3. S. 45-57.
2. Oleshkevich V.V. Telegram-zhurnalistika: informatsionnye proekty v messendzherakh kak novye massmedia // Medi@l'manakh. 2022. № 5 (112). S. 74-84.
3. Kosareva E.V., Popova T.I., Shchukina K.A., Antsiferova O.V., Afanas'eva N.A., Erofeeva I.N., Kolesova D.V. Telegram-kanal kak sredstvo Lifelong Learning dlya prepodavatelya RKI // Professorskii zhurnal. Seriya: Russkii yazyk i literatura. 2022. № 3 (11). S. 31-38.
4. Aladsani H. K. University Students' Use and Perceptions of Telegram to Promote Effective Educational Interactions: A Qualitative Study. // International Journal of Emerging Technologies in Learning. 2021. № 16(9). Pp. 1-16.
5. Bondarenko O.V. Telegramm-kanaly kak novyi vid kommunikatsii s obshchestvennost'yu // Vek informatsii. 2018. № 2-2. S. 170-172.
6. Laiby Th., Subramanya Bh. A Comprehensive Overview of Telegram Services – A Case Study // International Journal of Case Studies in Business, IT, and Education. Vol. 6. No. 1. April 2022. Pp. 288-301. DOI: <https://doi.org/10.5281/zenodo.6513296>
7. Dyadchenko M.V., Kholodilina A.Yu. Rol' telegram-kanalov v rossiiskom infopole // Yazyk i kommunikatsiya v kontekste kul'tury. Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi onlain-konferentsii. – Rostov-na-Donu, 2022. – S. 311-316.
8. Kushneruk S.L. Freimirovanie predvybornoi politicheskoi situatsii v diskurse telegram-

- kanala // Medialingvistika. – 2022. – Т. 9. – № 3. – С. 220-236.
9. Malakhov A.A. Segmentatsiya i fragmentatsiya auditorii na primere telegram-kanalov // Aktual'nye problemy mediaprostranstva: ot teoreticheskikh aspektov do prakticheskoi realizatsii. Sbornik nauchnykh statei. – Moskva, 2022. – С. 255-263.
 10. Lyakhovenko O.I. Telegram-kanaly v sisteme ekspertnoi i politicheskoi kommunikatsii v sovremennoi Rossii. // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2022. Т. 4. № 1. С. 114-144.
 11. Priemnaya komissiya REU im. G.V. Plekhanova // https://t.me/abiturient_reu
 12. Bryanskii filial REU im. G.V. Plekhanova // <https://t.me/reu32>
 13. Universitet Griboedova // https://t.me/impe_griboedova
 14. Narmina pro kar'eru i proforientatsiyu // <https://t.me/borisovanarmina>
 15. Aleksei Kylasov // <https://t.me/kylasov>
 16. Prepodskie baiki // https://t.me/university_tales
 17. Klyuchi pod mantiei zvenyat // <https://t.me/silvouscle>
 18. REU imeni G.V. Plekhanova // <https://vuzopedia.ru/vuz/416>
 19. Moskovskii universitet imeni A.S. Griboedova // <https://vuzopedia.ru/vuz/885>
 20. Yuzefovich G.L. Apologiya «temnoi akademii» // <https://theblueprint.ru/culture/paper/darcacademia>

The study of the story “To Tell or Not Tell” by V. Tokareva in Chinese literary studies

Chai Li

Postgraduate student, Department of Russian Language and Literature, Far Eastern Federal University

690950, Russia, Primorsky Krai, Vladivostok, Ajax str., 10

✉ 847743692@qq.com

Abstract. The relevance of the work is determined by the trends of Russian-Chinese intercultural communication, as well as by the interest in studying the peculiarities of perception of the work of modern Russian writers in Chinese literary criticism. The object of the research is critical materials in Chinese devoted to the study of V. Tokareva's work and her story “To Tell or Not Tell”. The subject of the study is the peculiarities of perception and comprehension of the writer's story by Chinese literary criticism. The purpose of the study is to determine the peculiarities of perception of V. Tokareva's story “To Tell or Not Tell” in Chinese literary criticism. To achieve the above research goal, we must solve the following tasks: 1) to systematize translations of V. Tokareva's works published to date, especially translations of the work “To Tell or Not Tell”; 2) to analyze the features of the study of V. Tokareva's work by Chinese scientists and the trend in the development of the study of the story “To Tell or Not Tell”; 3) to study and summarize the reasons for scientists' attention to the story and deepening the analysis this story is in Chinese literary studies. To solve these problems, the following methods are used: the typological method, which allowed us to consider common characteristic features in the perception of V. Tokareva's work by Chinese criticism in different periods; the method of holistic analysis, which made it possible to study the problematic and thematic content of critical articles by Chinese Russian scholars. The scientific novelty of the study lies in the fact that in this work, for the first time, a systematic analysis of the perception of “To Tell or Not Tell” by V. Tokareva in China is carried out. The article provides a comparative analysis of the study of the story in different periods, analyzes

the reasons for the deepening of research in this area. As a result, it was found that the perception of V. Tokareva's work is associated with the dynamic nature of the comprehension of literary works. It is noted that the analysis of the author's work focuses on three main aspects: research on topics; research on linguistic features; research from the point of view of reflecting feminist ideas in the work of V. Tokareva. It is proved that due to the constant improvement of the quality of translation, the process of developing critical statements is obvious, from general information about the author and the work to a multilateral analysis of the creative style of the writer.

Keywords: perception, intercultural communication, Russian women's prose, Chinese criticism, Chinese Russian speakers, translations, Chinese literary studies, story, V. Tokareva, reception

References (transliterated)

1. Vorob'eva N.V. Zhenskaya proza 1980–2000-kh gg.: dinamika, problematika, poetika (elektronnyi resurs) Perm'. 2006. URL: <https://www.dissercat.com/content/zhenskaya-proza-1980-2000-kh-godov-dinamika-problematika-poetika>
2. Nikolaev P.A. Russkie pisateli 20 veka. Biograficheskii slovar' / Gl. red. i sot. P.A. Nikolaev. M.: Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya; Randevu – A. M., 2000. 808 s.
3. Yurii Nagibin. Rossiiskii prozaik i stsensarist Viktoriya Tokareva. URL: <https://nfreg.ru/documents/u-viktorii-tokarevoj-net-plohih-rasskazov-u-nee-est-tolko-horoshie-ochen-horoshie-i-blestyashhie>
4. Chzhao Syue, Govorukhina Yu.A., Sukhanov V.A. Russkaya literatura v Kitae: konflikt interpretatsii, ego prichiny i puti preodoleniya (na materiale retseptsii russkoi literatury kitaiskim chitatelem). Stat'ya I // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2021. № 473. S. 112–118.
5. Chzhao Syue, Govorukhina Yu. A., Sukhanov V. A. Russkaya literatura v Kitae: konflikt interpretatsii, ego prichiny i puti preodoleniya (na materiale retseptsii russkoi literatury kitaiskim chitatelem). Stat'ya II // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2022. № 484. S. 52–59.
6. Chuprinin S. Dva mneniya // Literaturnaya gazeta. 1989. № 6. S 4.
7. Sait «CNKI». URL: <http://129.211.14.229:3344/kns8/defaultresult/index4>
8. Tsao Minlun'. Nastoyashchii perevodchik ne dolzhen byt' osvobodzhdennym // Perevod. (曹明伦. 真正的译者绝不能当叛逆者 ——兼谈对英译汉合格译者的基本要求 // 中国翻译). 2022. №5. S. 172-177.
9. Chen' Fan. Sovremennaya russkaya zhenskaya proza. Pekin: Izdatel'stvo Kitaiskogo narodnogo universiteta, 2007. 214 s. (陈方. 当代俄罗斯女性小说研究). 北京: 中国人民大学出版社, 2007. 214 s.
10. Chen' Tszyan'khua. O kitaisko-rossiiskikh literaturnykh otnosheniyakh v nachale 21 veka // Sravnitel'naya literatura v Kitae. (陈建华. 论 21 世纪初期的中俄文学关系 // 中国比较文学). 2021. № 4. S. 130-141.
11. Fu Sinkhuan'. Stolknoenie dvukh polov - analiz feministskoi mysli v povesti V. Tokarevoi «Lavina» // Novyi mir. (傅星寰. 两性世界的冲撞-浅析托卡列娃《雪崩》中的女权主义倾向 // 新世界). 1995. № 10. S. 27-29.
12. Go Yue. Issledovanie zhenskogo dukha v proizvedeniyakh V. Tokarevoi. Tsitsikar: Tsitsikarskii universitet, 2020. 56 s. (国月. 维·托卡列娃作品中的女性精神研究). 齐齐哈尔: 齐齐哈尔大学, 2020. 56 s.
13. Lyu Bokhun. Sobytie, kotoroe nikogda ne byvaet dalekim: vzglyad na 4-yu Vsemirnuyu

- konferentsiyu po polozheniyu zhenshchin i pamyatnye meropriyatiya, posvyashchennye ei // Vestnik Shan'siiskogo pedagogicheskogo universiteta (Seriya «sotsial'naya nauka». (刘伯红. 不曾远去的盛会: 第四次世界妇女大会及纪念活动管窥 // 山西师大学报(社会科学版)). 2021. № 6. S. 90-99.
14. Lyu Mentszin. Tragicheskie motivy v tvorchestve V. Tokarevoi. Pekin: Pekinskii universitet inostrannykh yazykov, 2018. 60 s. (刘孟静. 托卡列娃作品中的悲剧性元素探究). 北京: 北京外国语大学, 2018. 60 s.
 15. Lyu Tun. Doklad o perevode rasskaza V. Tokarevoi «Den' bez vran'ya». Pekin: Pekinskii universitet inostrannykh yazykov, 2014. 84 s. (刘彤. 维·托卡列娃的小说《没有谎言的一天》的翻译报告). 北京: 北京外国语大学, 2014. 84 s.
 16. Lyu Chzhunsyu. Tema odinochestva v rasskazakh V. Tokarevoi. Pekin: Pekinskii universitet inostrannykh yazykov, 2020. 41 s. (刘钟秀. 维·托卡列娃小说的“孤独”主题书写). 北京: 北京外国语大学, 2020. 41 s.
 17. Ma Syaokhua. Osobennosti stilya russkikh postmodernistskikh pisatel'nits // Pisatel'. (马晓华. 论俄罗斯后现代女性作家写作风格特色 // 作家). 2012. № 2. S. 84-88.
 18. Pan' Syuetin. Analiz povestvovatel'nykh tem rasskaza V. Tokarevoi «Schastlivyi konets» // «Shen'chzhou». (潘雪婷. 维·托卡列娃《幸福的结局》叙事主题分析 // 神州文化). 2020. № 6. S. 22.
 19. Tsyu Shuven'. Issledovanie lingvisticheskikh osobennostei proizvedenii V. Tokarevoi. Kharbin: Kheiluntszyanskii universitet, 2014. 68 s. (曲淑雯. 维·托卡列娃作品的语言特点研究). 哈尔滨: 黑龙江大学, 2014. 68 s.
 20. Shi Tszin'zhu. Analiz dvukh zhenskikh obrazov v tvorchestve V. Tokarevoi // Molodoi pisatel'. (史瑾茹. 浅析维·萨·托卡列娃笔下的两种女性形象 // 青年文学家). 2017. № 14. S. 101, 103.
 21. Shi Vei. V. Tokareva, predstavitel'nitsa sovremennoi russkoi zhenskoi literatury // Mirovaya kul'tura. (石伟. 俄罗斯当代女性文学的代表人物托卡列娃 // 世界文化). 2009. № 12. S. 12-13.
 22. Sun' Chao. Issledovanie rossiiskikh povestei i rasskazov 1980-kh i 1990-kh godov. Pekin: Izdatel'stvo «Zhen'min' ven'syue chuban'she», 2012. 297 s. (孙超. 二十世纪八、九十年代俄罗斯中短篇小说研究). 北京: 人民文学出版社, 2012. 297 s.
 23. Van Khaozhan. Perevod emotsional'no-psikhologicheskikh opisaniy khudozhestvennogo teksta - na primere povesti V. Tokarevoi «Staraya Sobaka». Pekin: Pekinskii universitet inostrannykh yazykov, 2017. 52 s. (王浩然. 文学作品中情感心理描写的翻译—以托卡列娃的小说《年迈的狗》为例). 北京: 北京外国语大学, 2017. 52 s.
 24. Van Tszyuan'. Tvorchestvo V. Tokarevoi v kontekste lingvistiki. Pekin: Izdatel'stvo Pekinskogo universiteta, 2018. 285 s. (王娟. 语用学视角下的维·托卡列娃作品研究). 北京: 北京大学出版社, 2018. 285 s.
 25. Yan' Gotsin'. Pretsedentnye fenomeny kak reprezentanty kontsepta "lyubov'" v povestnykh V.S. Tokarevoi // Izuchenie inostrannykh yazykov Severo-Vostochnoi Azii. (颜国琴. 基于先例现象阐释V.S.托卡列娃小说“爱情”观念的表达方式及其功能 // 东北亚外语研究). 2022. № 7. S. 78-91.
 26. Yuan' Yuan'. Temy i obrazy v feministicheskikh rasskazakh V. Tokarevoi. Chuntsin: Sychuan'skii universitet inostrannykh yazykov, 2018. 61 s. (元园. 维·托卡列娃女性主义小说中的主题与形象). 重庆: 四川外国语大学, 2018. 61 s.
 27. Chzhan' Yuilin. Khudozhestvennyi perevod s tochki zreniya teorii relevantnosti - na primere perevoda rasskaza V. Tokarevoi «Mezhdu nebom i zemlei». Mudan'tszyan: Mudan'tszyanskii pedagogicheskii universitet, 2017. 52 s. (战玉玲. 关联理论视角下的文学翻译). 牡丹江: 牡丹江师范学院, 2017. 52 s.

28. Chzhan Kun', Go Yue. Issledovanie zhenskogo obraza v proizvedenii V. Tokarevoi s tochki zreniya dukhovnoi ekologii // Teoreticheskoe nablyudenie. (张坤, 国月. 精神生态视角下维·托卡列娃女性形象 // 理论观察). 2020. № 7. S. 121-124.

Functional-Semantic Classification of Euphemisms in the Nominative Field of "Death" in the Uzbek Language Through the Prism of Russian and English Cultures

Alimov Timur Ermekovich

Postgraduate student, Department of Foreign Languages, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

117198, Russia, Moscow, Mklukho-Maklaya str., 6

✉ alimovcom@mail.ru

Abstract. The subject of this research comprises euphemistic codes that replace the negative connotation of "death" in contemporary Russian, Uzbek, and English languages. These codes were selected using targeted sampling from the "Dictionary of Russian Euphemisms" by E. P. Senichkina (2008), "Short Euphemistic Dictionary of the Uzbek Language" by A. Zh. Omonturdiev (2006), and "Oxford Dictionary of Euphemisms (How Not to Say What You Mean: A Dictionary of Euphemisms)" by R. W. Holder (2008). The total number of examples amounted to over 1,104 units, with 349 pertaining to Russian, 405 to Uzbek, and 350 to English. This volume of data enabled a detailed analysis and the formulation of reliable conclusions. The aim of the study is to present a functional-semantic classification of euphemisms that replace the negative connotation of the term «death» in the Uzbek language, through the prism of comparison with Russian and English cultures. The scientific novelty of the research lies in the fact that, for the first time, Russian, Uzbek, and English euphemistic codes within the nominative field of «death» are identified, systematized, and described through comparative and semantic analysis in the context of the linguoculturological paradigm. The results obtained indicate that the cognitive approach in studying functional-semantic classification is an important tool for identifying the essential characteristics of euphemistic codes based on universal and unique (culturally conditioned) concepts. Simultaneously, the linguoculturological method provides an interpretation of the cultural motives for using euphemistic units when investigating the nominative field of «death». Through cognitive and linguoculturological analysis, the study reveals the mechanisms of encoding denotations in Russian, Uzbek, and English euphemistic expressions that form the functional-semantic classification of the nominative field «death».

Keywords: concept, secondary nomination, functional-semantic classification, linguistic-cultural paradigm, national culture, intercultural communication, euphemistic code, semantic component, nominative field, death

References (transliterated)

1. Akhmanova O. S. Slovar' lingvisticheskikh terminov. M.: URSS: Editorial URSS, 2021.
2. Zinnyatullina G.F. Kul'tura povsednevnosti: osnovnye tsennosti musul'man // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta im. M.A. Sholokhova. Seriya «Istoriya i politologiya». 2015. № 2. S. 74–79.
3. Izanlu Kh., Golami Kh. Evfemizatsiya i disfemizatsiya kontsepta «smert'» v persidskom yazyke // Molodoi uchenyi. Ezheemesyachnyi nauchnyi zhurnal. 2012. № 8. S. 180–185.

4. Iriskhanova O. K. Igry fokusa v yazyke. Semantika, sintaksis i pragmatika defokusirovaniya. M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2014.
5. Nikitina A. M. Evfemizmy v rechi uchitelya kak sredstvo garmonizatsii pedagogicheskogo diskursa: dis. ... kand. filol. nauk. M., 2015. 214 s.
6. Omonturdiev A. Ўzbek tilining qisqacha evfemik lufati. Toshkent: Fan, 2006. 134 b.
7. Osinovskaya I.A. Obraznoe pole kak predmet filosofskogo issledovaniya: ironiya i eros: dis. ... kand.fil. nauk. M., 2002. 167 s.
8. Porokhnitskaya L. V. Kontseptual'nye osnovaniya evfemii v yazyke (na materiale angliiskogo, nemetskogo, frantsuzskogo, ispanskogo i ital'yanskogo yazykov): avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. M., 2014.
9. Rebrova N. E. Leksikograficheskii status evfemizmov kak yazykovykh sredstv reprezentatsii lingvokul'turnoi informatsii (na materiale angliiskogo i nemetskogo yazykov): diss. ... kanl. fil. nauk. Yaroslavl', 2020.
10. Senichkina E. P. Slovar' evfemizmov russkogo yazyka. M.: Flinta, 2008. 485 c.
11. Teliya V.N. Vtorichnaya nominatsiya i ee vidy // Yazykovaya nominatsiya. Vidy naimenovanii. M., 1977. S. 129–222.
12. Holder R. W. Oxford dictionary of euphemisms (how not to say what you mean : a dictionary of euphemisms). London: Oxford University Press, 2008. 412 p.
13. Logvina S. A. Essence and properties of euphemism from the perspective of cognitive linguistics. // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki. 2021. T. 7, № 4. S. 125–144.

A. O. Hume's artistic journalism as an intertext (on the example of pamphlets of 1886-1887)

Volkova Anna Andreevna

Librarian; Scientific Library of TSU

34a Lenin Ave., Tomsk, Tomsk region, 634050, Russia

✉ ann@myttk.ru

Abstract. The subject of this article is the intertextuality in the pamphlets ("The Old Man's Hope", "The Tidal Wave, or the Progress of political activity in India", "The Star in the East, or the Bengali National League") of the British colonial figure, founder of the Indian National Congress Allan Octavian Hume, created at the initial stage of the existence of this organization – in 1886-1887. The place and significance of using someone else's text (letters and articles by the author's opponents, official documents, texts of works of fiction and precedent texts), quotations from modern and classical literature in the literary journalism of A. O. Hume, understood as part of the Anglo-Indian literature of the Victorian era, are considered. The article defines the ways of using quotations and reminiscences by the author to enhance the impact on the reader. The methods of intertext research in A. O. Hume's journalism are receptive, cultural-historical methods and a system-functional approach. The novelty of this study lies in the fact that for the first time it examines the political pamphlets of A. O. Hume from a literary standpoint. The author comes to the conclusion that intertextuality, widespread in the journalism of the Victorian era, is also manifested in the Anglo-Indian literature of the XIX century, which is exemplified by the pamphlets under study, but has its own peculiarities related to addressing colonial issues and the population of colonies. The appeal to the precedent text promotes Hume's dialogue with the reader – an

educated Englishman or a representative of the Indian intelligentsia, and intertextual elements serve to create an emotionally expressed tone of pamphlets, become a means of manipulating readers' opinions, a means of irony and sarcasm, with which the publicist denounces his political opponents.

Keywords: precedent text, reception, journalism, Indian National Congress, national movement, Anglo-Indian literature, pamphlets, Allan Octavian Hume, intertext, quote

References (transliterated)

1. Nikitin D. S. Britanskii komitet Indiiskogo natsional'nogo kongressa: tseli, zadachi, itogi deyatel'nosti // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2016. № 409. S. 115–117. DOI: 10.17223/15617793/409/18.
2. Nikitin D. S. Vozniknovenie otdelenii INK v Velikobritanii v 1885–1889 gg. // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2016. № 404. S. 117–120.
3. Moulton E. Allan O. Hume and the Indian National Congress, a reassessment // South Asia: Journal of South Asian Studies. 1985. Vol. 8, № 1–2. P. 5–23.
4. Nikitin D. S. Politicheskie svyazi Indiiskogo natsional'nogo kongressa s britanskimi liberalami v 1885–1918 gg.: avtoref. dis... kand. ist. nauk. Tomsk, 2018. 20 s.
5. Nikitin D.S. «Drug Indii»: Allan Oktavian Yum (1829–1912). Novosibirsk, 2015. 156 s.
6. Mehrotra S. R. The Emergence of the Indian National Congress. Delhi, 1971. 467 p.
7. Yum A. O. Izbrannye proizvedeniya ob indiiskom natsional'nom dvizhenii (1886–1894). Novosibirsk, 2019. 375 s.
8. Kovylin A. N. Chitatel' kak teoretiko-literaturnaya problema: avtoref. dis... kand. filol. nauk. M., 2007. 21 s.
9. Kozhanova V. Yu. Kontsepty retseptivnoi estetiki v interpretativnoi paradigme mediateksta // Vestnik Moskovskogo universiteta. M., 2012. № 5. S. 97–107.
10. Zhdanova A. V. Osobennosti proyavleniya intertekstual'nosti v publitsisticheskom tekste // Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Kazan', 2015. T. 1. S. 72–85.
11. Dolganov D. A. Tsitata kak vyrazitel'noe sredstvo v publitsisticheskom tekste // Yazyk – tekst – diskurs: traditsii i novatorstvo : sb. trudov konferentsii. Samara, 2009. T. 2. S. 78–81.
12. Oparina E. O. Pretsedentnyi tekst i ego rol' v kul'turno-yazykovom sotsiume // Sotsiolingvistika vchera i segodnya : sb. nauch. tr. M., 2004. S. 156–174.

Deciphering and objectification of semantic boundaries in Venedikt Yerofeyev's short story "At My Window"

Bezrukov Andrey Nikolaevich

PhD in Philology

Associate Professor, Ufa University of Science and Technology (Branch in Birk)

452455, Russia, Republic of Bashkortostan, Birk, Internatsionalnaya str., 120-V, sq. 9

✉ in_text@mail.ru

Abstract. Venedikt Yerofeyev's small prose has not been practically studied. There are no serious, fundamental works on his essays, short stories, and small narrative constructs. The subject of the analysis of this article is a small text of V. Yerofeyeva "At my window". It is

worth noting that in the collected works, and in other collections of the author, it is presented in a truncated form. It has not yet been possible to find a full-fledged version, although there are a number of prerequisites for the fundamentality and monumentality of this work. The purpose of the work is to identify the semantic boundaries of the story "At my window" with a possible objectification of the semantic paradigm. In the course of scientific narrative, the focus is on the plot of the story, the figurative system of the text, and the semantic artistic paradigm. The article also defines the functional load of intertextuality, since this principle defines a complex parametric variant of the addition of a semantic field. The result of the work is the concretization of the main features of the poetics of postmodernism using the example of Venedikt Yerofeyev's story "At my Window", as well as clarifying the basic highways of this work. During the analysis of the story, the main guideline was aimed at a comparative methodology, as well as a hermeneutical reading of this text. The set of terms and concepts used in the article correlates with the poetics of postmodernism, since the prose of Venedikt Yerofeyev is part of the texts of the first wave of Russian postmodernism. The scientific novelty of the study lies in the fact that criticism does not yet have proper analytical observations regarding this story, and there are no certain value judgments. Therefore, the reception of the text is quite justified, and the accumulation of experience will allow us to complement the overall picture of the analysis of the style of Venedikt Yerofeyev. The practical nature of the work boils down to the fact that its results can be effectively applied during the decryption of the author's main work – the poem "Moscow – Petushki". The main method of correct assessment of the story should be the combination of philosophical-historical and literary-critical highways. The syncretic nature of perception generalizes the paradigm of semantic, connotative components. The text is revealed in the obvious potential of the formal and substantive levels of fusion. Venedikt Yerofeyev's story "At my Window" is not only an existing symbolic structure, not only an unfinished aesthetic object, but also an impulsive postmodern standard for the regeneration of a semantic paradigm.

Keywords: style, reader, intertextuality, author, poetics of the text, receptive aesthetics, comparative studies, short prose, associative series, Venedikt Erofeev

References (transliterated)

1. Silant'ev I.V. Syuzhet i smysl. M.: Izdatel'skii Dom YaSK: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2018. 144 s.
2. Erofeev V.V. Malaya proza. M.: Zakharov, 2005. 96 s.
3. Bezrukov A.N. Venedikt Erofeev: mezhdru metafizikoi i literaturnoi pravkoi. 2-e izdanie, dopolnennoe. SPb.: Giperion, 2023. 230 s.
4. Bezrukov A.N. Liricheskii palimpsest Venedikta Erofeeva // Slovo. Tekst. Kontekst. 2023. № 3(15). S. 94-105. DOI: 10.26105/PBSSPU.2023.15.3.001
5. Erofeev V.V. Zapisnye knizhki. Kniga vtoraya. M.: Zakharov, 2007. 480 s.
6. Lotman Yu.M. Izbrannye stat'i v 3-kh tomakh. T. 1. Stat'i po semiotike i tipologii kul'tury. Tallinn: Aleksandra, 1992. 479 s.
7. Bakhtin M.M. Sobranie sochinenii v 7-mi tomakh. T.1. Filosofskaya estetika 1920-kh godov. M.: Russkoe slovo, 2003. 955 s.
8. Greimas A.-Zh. Strukturnaya semantika. Poisk metoda / Per. s fr. L. Ziminoi. M.: Akademicheskii Proekt, 2004. 367 s.
9. Derrida Zh. Pozitsii / Per. s fr. V.V. Bibikhina. M.: Akademicheskii Proekt, 2007. 160 s.
10. Sheffer Zh.-M. Chto takoe literaturnyi zhanr? / Per. s fr. S.N. Zenkina. M.: Editorial URSS, 2010. 192 s.

11. Vodolazkin E.G. Dom i ostrov, ili Instrument yazyka: [esse]. M.: Izdatel'stvo AST: Redaktsiya Eleny Shubinoi, 2020. 384 s.

Part-of-speech homonyms as a consequence of the step-by-step transposition of the instrumental case of nouns into an adverb

Shigurov Viktor Vasil'evich

Doctor of Philology

Professor; Department of Russian Language; National Research Mordovian State University named after N.P. Ogarev

430010, Russia, Republic of Mordovia, Saransk, Serova str., 3, sq. 12

✉ shigurov@mail.ru

Shigurova Tat'yana Alekseevna

Doctor of Cultural Studies

Professor; Department of Cultural Studies and Library and Information Resources; National Research Mordovian State University named after N. P. Ogarev

430010, Russia, Republic of Mordovia, Saransk, Serova str., 3, sq. 12

✉ shigurova_tatyana@mail.ru

Abstract. The relevance of the work is associated with the need to develop criteria for differentiating functional and functional-semantic homonyms generated by the mechanism of adverbial transposition of the instrumental case of nouns. The novelty of the study is due to the development of criteria for differentiating, on the one hand, nouns, and on the other hand, adverbs arising on their basis. The purpose of the work is to study the features of nouns and adverbs that allow differentiating grammatical and lexical-grammatical homonyms. The object of analysis is substantive word forms involved in the process of adverbialization, the subject of consideration is the stages and features of their adverbial transposition, the criteria for differentiating homonyms. Structural-semantic, distributional and oppositional analysis, linguistic experiment were used. Criteria for differentiating word forms representing different degrees of adverbialization in the zones of the periphery and core of adverbs are established. The meanings of objectivity and adverbiality are recognized as the main criteria. The presence of part-of-speech semantics of the subject in the disputed word forms predetermines the implementation of the categories of gender, number and case, case-numerical paradigms, the system of inflections and the typical function of complement in them. The formation of adverbial semantics in nouns leads to their decategorization, loss of categories and paradigms, transformation of the morphemic structure caused by the degeneration of inflection into a suffix and expansion of the word base, as well as to the acquisition of the typical function of adverbial circumstance. It is proved that as a result of the stepwise adverbialization of the instrumental case of nouns, grammatical homonyms arise that do not break the semantic connection with the substantive lexeme; hybrids and nuclear adverbs that function as lexical and grammatical homonyms.

Keywords: criteria, periphery, homonymy, core, transitivity scale, adverb, adverbialization, noun, transpositional grammar, Russian language

References (transliterated)

1. Babaitseva V.V. Yavleniya perekhodnosti v grammatike russkogo yazyka: monografiya. M.: Drofa, 2000. 640 s.
2. Balli Sh. Obshchaya lingvistika i voprosy frantsuzskogo yazyka. M.: Izd-vo inostrannoi literatury, 1955. 416 s.
3. Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka / Sost. i gl. red. S.A. Kuznetsov. SPb.: Norint, 2000. 1536 s.
4. Vinogradov V.V. O grammaticheskoi omonimii v sovremennom russkom yazyke // Russkii yazyk v shkole. 1940. № 1. S. 1-12.
5. Gak V.G. Sochetaemost' // Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'. M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1990. S. 483.
6. Zaliznyak Anna A. Russkoe «razve»: ot predloga k voprositel'noi chastitse // Izvestiya Rossiiskoi akademii nauk. Seriya literatury i yazyka. 2020. T. 79. № 4. S. 5-11.
7. Kustova G.I. Mental'nye predikaty v metatekstovykh konstruktivnykh 2-go litsa // Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Po materialam mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog-2018». Vyp. 17 (24). – M., 2018. S. 380-390.
8. Malakhovskii L.V. Teoriya leksicheskoi i grammaticheskoi omonimii. L.: Nauka, 1990. 239 s.
9. Mel'chuk I. Dve russkie leksemy: VOZ"MI [i Y-ni] i VZYaT" [i Y-nut'] // Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii. 2023. № 2. S. 9-25.
10. Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa : <http://www.ruscorpora.ru> (data obrashcheniya 15.09.2024).
11. Pen'kovskii A.B. Ocherki po russkoi semantike. M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2004. 464 s.
12. Peshkovskii A.M. Russkii sintaksis v nauchnom osveshchenii. M.: Uchpedgiz, 1938. 452 s.
13. Rakhilina E.V. Kognitivnyi analiz predmetnykh imen: semantika i sochetaemost'. M.: Russkie slovari, 2008. 416 s.
14. Uryson E.V. Sintaksicheskaya derivatsiya i «naivnaya» kartina mira // Voprosy yazykoznaniya. 1996. № 4. S. 25-38.
15. Filipenko M.V. Semantika narechii i adverbial'nykh vyrazhenii. M.: Azbukovnik, 2003. 304 s.
16. Kharchenko C.Yu. Orfograficheskaya norma i grammaticheskaya omonimiya // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznaniye. 2019. T. 18. № 4. S. 248-258.
17. Shigurov V.V. Raznovidnosti funktsional'noi transpozitsii slovoform v sisteme chastei rechi russkogo yazyka // Filologicheskie nauki. 2001. № 6. S. 59-65.
18. Shigurov V.V. Mestoimenno-chislitel'nyi tip upotrebleniya glagolov: leksika i grammatika // Izvestiya Rossiiskoi akademii nauk. Seriya literatury i yazyka. 2002. T. 61. № 2. S. 34-43.
19. Shigurov V.V. Pronominalizatsiya kak tip stupenchatoi transpozitsii yazykovykh edinits v sisteme chastei rechi: teoriya transpozitsionnoi grammatiki russkogo yazyka. 2-e izd., ispr. i dop. M.: INFRA-M, 2015. 160 s.
20. Eichinger L.M. Syntaktische Transposition und semantische Derivation: die Adjektive auf -isch im heutigen Deutsch. Tübingen. 1982. 241 p.
21. Stekauer P. A theory of conversion in English. Frankfurt am Main: Peter Lang, 1996. 155 p.
22. Shigurov V.V., Shigurova T.A. Core Modals Zone Correlative with Short Adjectives

and Predicates in the Russian Language // Man In India. 2017. Т. 97. № 25. S. 177-191.

23. Schäfer R. Einführung in die grammatische Beschreibung des Deutschen. Berlin: Language Science Press, 2015. 576 p.